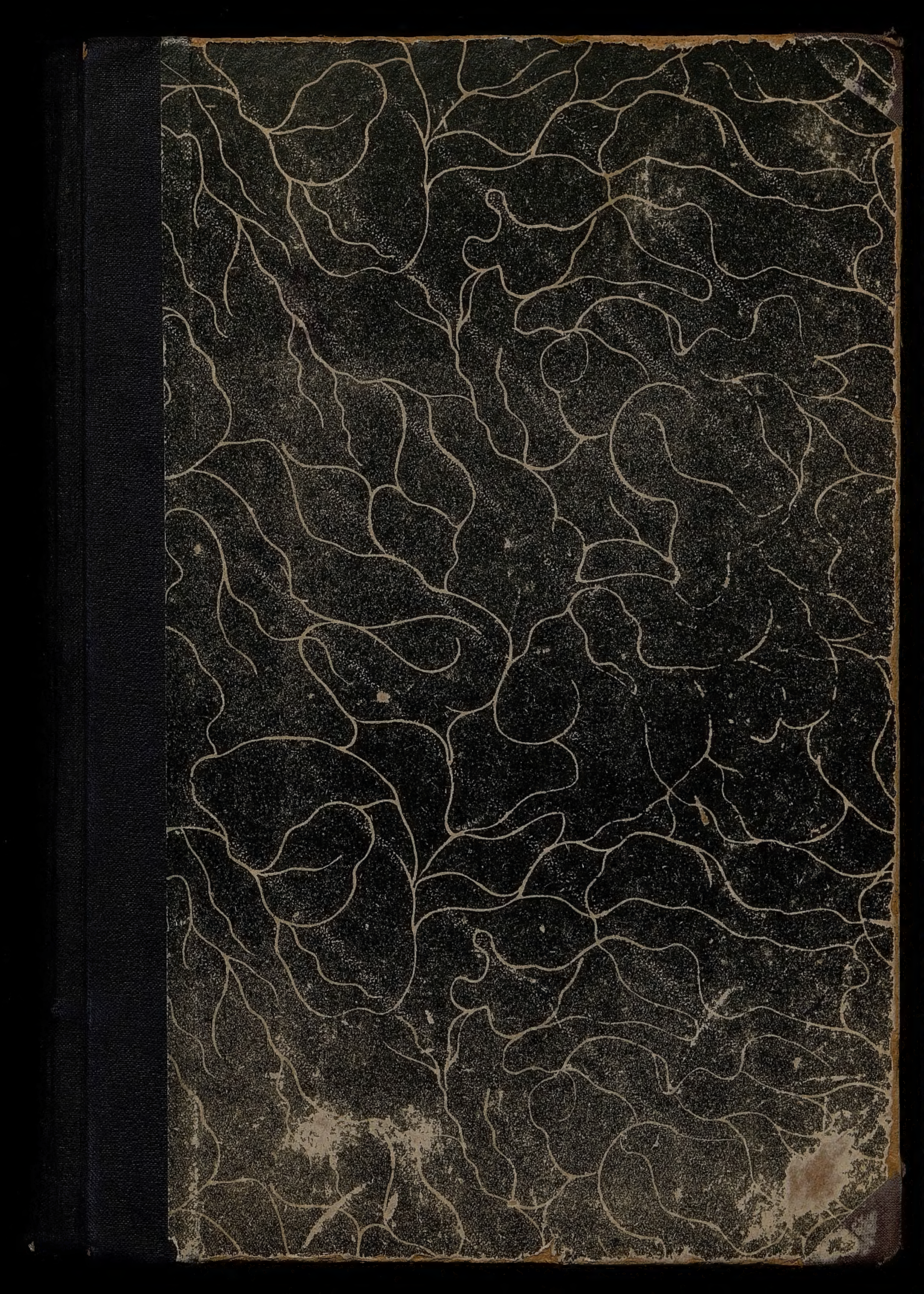
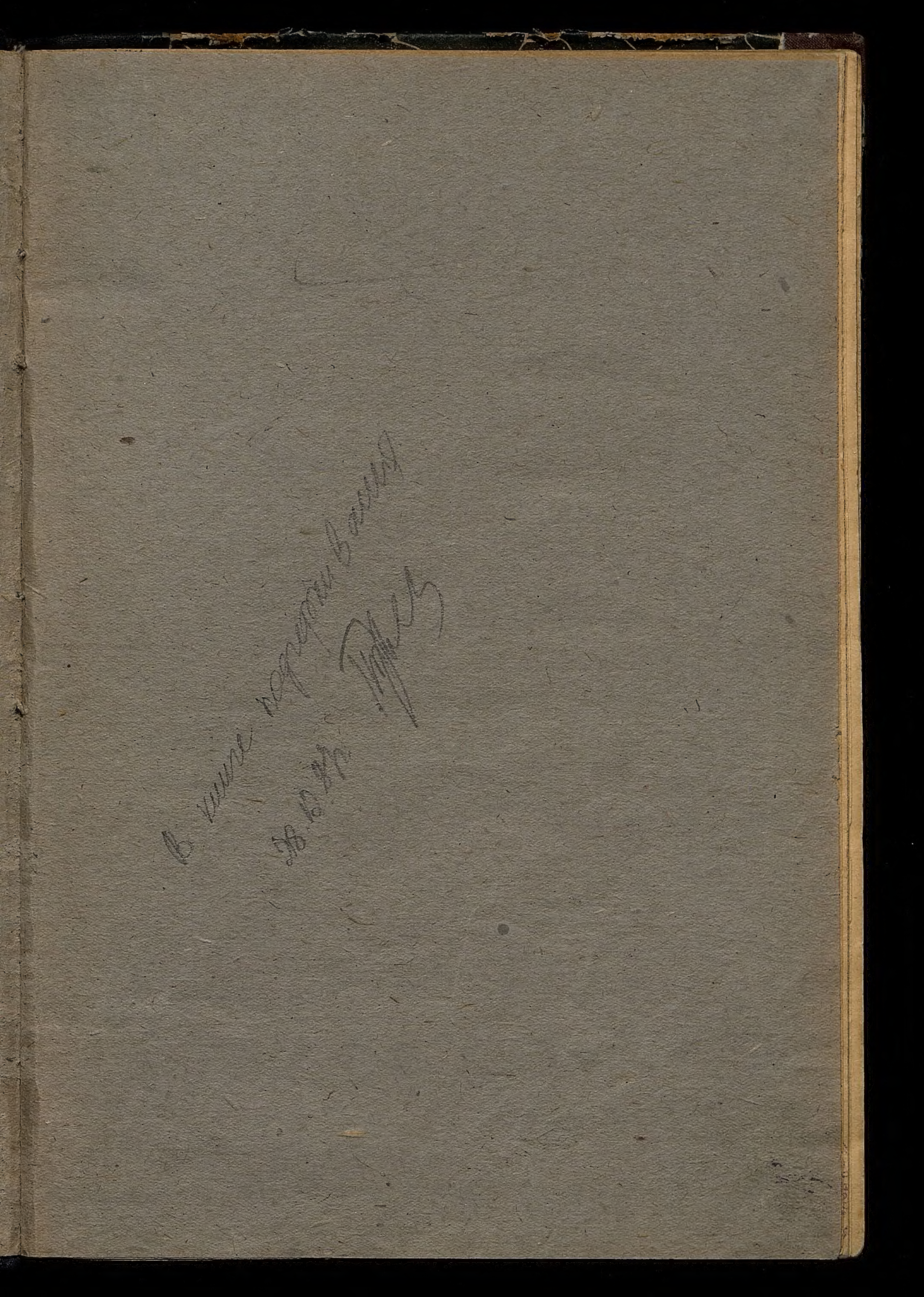



В книге
148 стр.

КОМИТЕТ СЕВЕРА ПРИ РУССКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ
И СЕВЕРНАЯ КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРА и СИБИРИ.

ВЫПУСК ВТОРОЙ.

Редакционно-Издательский Комитет Народного Комиссариата Земледелия
ПЕТРОГРАД — 1922.

КОМИТЕТ СЕВЕРА ПРИ РУССКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ
И СЕВЕРНАЯ КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРА и СИБИРИ.

ВЫПУСК ВТОРОЙ.

Редакционно-Издательский Комитет Народного Комиссариата Земледелия
ПЕТРОГРАД — 1922.

28-я Государственная Типография, Международный проспект, д. 75. Тир. 2.000 экз. (20).
Р. Ц. № 765.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящие очерки по истории колонизации Севера и Сибири, выпуск второй, являются непосредственным продолжением первого выпуска очерков по истории колонизации Севера.

В предисловии к первому выпуску очерков по истории колонизации Севера были пояснены причины, побудившие Комитет Севера при Русском Географическом Обществе совместно с Северной колонизационной экспедицией приступить к их изданию. То же основное положение, что прошедшее является основой для будущего, принятое как исходное начало для первого выпуска очерков, служит руководящим началом и для настоящего второго выпуска очерков.

Первый очерк академика С. Ф. Платонова „Иноземцы на русском севере в XVI и XVII веках“ является дополнением к его очеркам „Новгородская колонизация Севера“ и „Низовская колонизация на Севере“, помещенных в первом выпуске очерков. Работа профессора С. В. Бахрушина „Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века“ продолжает исторические исследования по колонизации территории страны к востоку от Пермского края, каковым районом ограничиваются на востоке очерки первого выпуска. Очерк Г. Ф. Чиркина „Колонизация Сибири второй половины XIX века и начала XX века“ завершает картину исторического процесса колонизации Зауралья, начатую С. В. Бахрушиным и обрисованную им до половины XIX века.

Издавая второй выпуск настоящих очерков по истории колонизации Севера и Сибири, Комитет Севера при Русском Географическом Обществе и Северная колонизационная экспедиция позволяют себе высказать горячее пожелание, чтобы научные учреждения и отдельные научные силы распространили свои исследования по истории колонизации и на остальные районы нашей обширной страны и тем выполнили бы заветы профессора К. Д. Кавелина. Последний

в мыслях и заметках о русской истории высказал надежду, что „когда нибудь точные исследования восстановят процесс постепенного распространения русского племени по огромной территории и это, конечно, будет одна из замечательнейших и любопытнейших страниц русской внутренней истории“. Осуществление завета профессора К. Д. Кавелина в наше время даст необходимые исторические предпосылки и для практической работы по грядущему возрождению потрясенного войной и революцией русского народного хозяйства.

Иноземцы на Русском Севере в XVI — XVII в.в.

Академика С. Ф. Платонова.

I.

В хозяйственной жизни великорусского племени XVI век имел особое значение. Московское государство, образованное в XVI веке порывом к об'единению сознавшей себя великорусской народности, пережило на первых же порах своего существования ряд потрясений. Казалось, все сначала складывалось на пользу молодого государства: легко отпало татарское иго, и самые ханства татарские подробились и ослабели; Литва утратила прежний перевес сил над Москвой и уступила Москве много русских пограничных земель. Внутреннее об'единение государства совершалось быстро и решительно: местные власти Новгорода, Пскова и удельных княжеств никли перед властною волею московского государя, и он на деле мог „един властель быти“ в русской земле. Первые московские „самодержцы“ Иван III и Василий III упивались успехами своей политики, в общем знали только удачи и привыкли к торжествам и победам. Менее счастлив был их преемник Иван Грозный. После сиротского несчастного детства он также начал свое самостоятельное правление крупными удачами. Покорением Казани и Поволжья он даже приобрел славу и народным героем вошел в народные песни. Но за тем начались беды. Война за Балтийский берег с Ливонией превратилась в тяжкую войну с Литвой и Швецией, затянулась на много лет и окончилась поражением. Военные действия разорили все западные области государства, а мирные договоры с победившим врагом отняли всякие выходы к морю через западные границы и поставили русскую торговлю в полную зависимость от соседних правительств. Последние остатки оживленного когда то новгородского торга были убиты; край заглох и обезлюдел. И только в Пскове военное разорение было до некоторой степени залечено тем, что Псков после войны стал единственным торговым посредником между Москвою и гаванями Рижского залива. Военные неудачи соединились при Грозном с внутренними осложнениями, точнее сказать, явились их последствием. По многим причинам в середине XVI столетия трудовое население Московских центральных областей тронулось с своих мест и начало выселяться на окраины государства. Завоевание инородческих земель, бывших под властью Казанских татар, открыло для русской колонизации привольные пространства среднего и нижнего Поволжья (по-старому — „Низ“), а также и дороги в Приуралье. Падение татарского засилья на юге сделало доступ-

ным для русских людей все пространство на юг от средней Оки — „дикое поле" по р.р. Дону, Осколу, Северному Донцу. Земля в московском центре была уже повыпахана и население испытывало нужду в „угожей" земле: возможность перейти с истощенного суглинка на нетронутый чернозем манила как простого пахаря, так и крупного сельского хозяина. Поэтому наклонность к переселению сказалась быстро и решительно: а правительство на первых порах даже само поощряло это переселение, вызывая „верховных сходцев" в „низовския" места для укрепления там русской власти и влияния среди инородцев Поволжья. Так налаживалось законное выселение: рядом же с ним развился и незаконный выход, „побег". Его вызывала как общая экономическая неудовлетворенность трудовой массы, так и пресловутая опричнина Грозного, создавшая в государстве эпоху террора. Массовый выход населения из центральных, коренных уездов государства подорвал их благосостояние, разрушил в них земледельческую культуру и, разорив земледельцев, опустошил государеву казну и лишил государство той ратной силы, которая раньше приходила служить „конна, людна и оружна" с богатых трудовым населением земель. В конце своего царствования Грозный понимал, что судьба поставила его перед тяжелым кризисом, что его страна „в пустошь изнурилась и в запустение пришла" и что необходимы особые меры для того, чтобы „землю поустроити".

Такова была общая обстановка, при которой начался и развивался правильный морской торг с Московским государством англичан и их торговых соперников голландцев.

II.

Северная окраина Московского государства, хорошо знакомая новгородцам еще в глубокой древности, в XVI веке представляла собою глухой инородческий край, в котором русское население сидело отдельными гнездами на берегах озер, а также в устьях „морских" рек и при удобных бухтах, где могло с успехом заниматься рыболовством и иными „морскими" промыслами. С исчезновением новгородских колонизаторов „бояр", истребленных Москвою, из края исчез крупный капитал и экономически сильные предприниматели. При московской власти север стал крестьянским, и только немногие монастыри (главным образом Соловецкий) являли собою крупные, сравнительно благоустроенные хозяйства, представители которых продолжали дело колонизации и эксплоатации морских берегов. На Кольском полуострове заметен стал в эту эпоху Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, по преданию, около 1532—1533 года. Он жил рыболовством и братия монастыря настолько развила морской промысел, что могла избыток добытых продуктов сбывать на сторону. В 1562—1564 г.г. сам игумен Трифон с Печенгскими монахами на монастырских лодьях приходил в датскую крепость Вардегуз в Норвегии с рыбой, рыбьим жиром и другiм морским

товаром для торга с датчанами и норвежцами. Эти торговые сношения с иноземцами вызывались условиями соседства и ограничивались меною местных продуктов. Но предприимчивость голландских торговцев, плававших в те времена в северных морях, позволила им воспользоваться русским торгом в норвежских гаванях и завязать торговые связи, минуя датчан и норвежцев, непосредственно с русскими в их собственной земле. Голландские корабли с 1565 года стали появлятся сперва в Печенгской губе, а затем и в Кольской у московского „городка" Колы, в котором не насчитывалось тогда и десятка дворов. Уже в 1566 году два торговых голландца Симон фон Салинген и Корнелиус де Мейер успели из Колы пробраться в Москву и Новгород и возвратиться благополучно в Колу. С тех пор началась оживленная торговля голландцев с Москвою через „божью дорогу океан — море" и северные русские реки. Одновременно с голландцами на северные моря обратили свое внимание и торговые соперники голландцев — англичане. Очень известно случайное появление в Белом море английских кораблей, направленных в 1553 г. в Вардегуз и по воле ветра заброшенных далее в неизведанные воды Белого моря. Из всей английской эскадры уцелел здесь один корабль, и его капитан Ричард Чанслер, остановясь в устье С.-Двины у монастыря св. Николая, завязал сношения с русскими властями на Холмогорах. После предварительной с ними „обсылки", с устья Двинского „приехали на Холмогоры в малых судах от английского короля Едварда посол Рыцарт (Ричард Чанслер), а с ним гости (то есть купцы), а сказался, что он идет к великому государю к Москве". Чанслера допустили в Москву и приняли как посла; через него Московское правительство охотно завязало непосредственный торг с Англией. С течением времени английские корабли получившие прочную гавань в Корельском устье С.-Двины, стали заходить и в другие места северного русского побережья; голландцы же в свою очередь около 1577 года проникли в С.-Двину. Стремление иностранцев закрепить за одною какою либо нацией монопольное пользование определенной русской гаванью не встречало сочувствия у московского правительства. Оно готово было допускать в свои воды всякие корабли и всех вообще „гостей" (то есть купцов), готово было давать этим гостям всякие льготы, чтобы приманить их к деятельному общению с Москвою; но по военным обстоятельствам и политическим соображениям оно пришло к решению закрыть Мурманские „пристанища" и сосредоточить иноземный торг в одной только гавани одинаково для всех наций. Такою гаванью сделало оно Двинское устье, где в 1583—1584 г. был построен город Архангельск. С тех пор установился и держался до времени Петра Великого такой порядок торговых сношений с „заморскими немцами". В Архангельске в период короткой летней навигации происходил торг. Базою для него служил город Холмогоры, куда на зиму оттягивались купцы, гарнизон и администрация Архангелогородской ярмарки. От ярмарки и Холмогор Двиною

шел магистральный путь в центр государства через торговые города, питавшие своими торговыми оборотами ярмо́рочные склады Архангельска. Такими городами были Великий Устюг, „где в сентябре и октябре бойко торгуют мехами“ из Сибири и Перми; затем Вологда, „один из самых замечательных торговых центров России“, и Ярославль, первый после Москвы город в государстве по населенности, богатству и оживлению. Ярославль лежал в узле многих торговых путей, ведших на север из Поволжья и Москвы; Вологда же была пунктом, где все товары, шедшие в Архангельск из Московского центра и Поволжья, грузились на суда; а товары иноземные, пришедшие с севера, с судов перегружались на сани или колесный ход. Дорога от Двинского устья до Москвы рано стало известной и доступной для иностранцев. На главных ее этапах они успели устроить свои фактории и жилища еще в первые десятилетия торговых сношений с Москвою. Но и другие места русского севера иноземцы не оставили без внимания: они исследовали русское побережье Ледовитого океана; они побывали на путях, ведущих от С.-Двины к Новгороду и Уралу; они разузнали те места, где происходили торжки русских с северными инородцами (в роде Лампожни на Мезени) и постарались принять в них участие. Ряд деловых отчетов и литературных рассказов голландских и английских купцов и путешественников об их странствованиях по Московии составляет ценнейший для русского историка географический и бытовый материал. Энергия и мужество торговых конкурентов, какими тогда были англичане и голландцы, состязавшиеся за преобладание на московских рынках, вызывает удивление и почтение.

III.

Прежде всего способно вызвать наше удивление отважное и умелое поведение самого Ричарда Чанслера (Richard Chancellor), первого англичанина, увидавшего Москву. Он был представителем английской компании или „общества купцов-искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещаемых“. Заветная цель этой компании заключалась в том, чтобы отыскать северный морской путь в Индию и Китай. На первых порах компания снарядила в северную экспедицию три корабля. Два из них не возвратилось: экипаж замерз в одной из бухт на Мурманском берегу. Третий же под командою Чанслера попал в Белое море и в устьях С.-Двины вошел в сношения с „туземцами“, то есть русскими. Чанслер решился выдать себя за королевского посла и в таком качестве, вместе с товарищами, которые сказались купцами, был допущен в Москву, где хорошо разыграл взятую на себя роль самозванного посла. Об'яснения его с московским правительством были настолько удачны, что послужили началом благожелательных дипломатических и торговых сношений Англии с Москвою. Проведя в Московии не-

сколько месяцев, Чанслер успел собрать много сведений о порядках московских и нравах. Русские люди не произвели на него хорошего впечатления и он много и не всегда справедливо осуждал их, но для своих соотечественников он дал практические ценные указания о вновь открытой им стране и о возможности правильных с нею сношений. По его стопам пошли другие англичане, из которых наиболее были замечательны Стефен Борро (Burrough) и Антон Дженкинсон. Борро, спутник Чанслера, по возвращении с Чанслером в Англию, принял от своей торговой компании поручение отправиться снова в северные моря с целью открытия путей на восток. Надеялись, что ему удастся достигнуть по крайней мере устьев р. Оби. В летние месяцы 1556 года Борро побывал в Кольской губе, а затем достиг Канина носа, Югорского шара, Вайгача и даже Новой земли. Но до Оби он не успел добраться и на зимовку пошел в устье С.-Двины. Оттуда весною 1557 года он хотел было возобновить поиски путей на восток, но его направили в другую сторону. Английская эскадра, вышедшая 2 августа 1556 года из Двины в Англию с русским посольством и русским товаром, пропала без вести (из четырех ея кораблей уцелел и прибыл в Темзу только один). Стефену Борро пришлось идти на поиски погибших, и он обследовал берега Кольского полуострова в горловине Белого моря и на севере. Путешествия Борро обогатили географические познания европейцев и доставили самому ему славу замечательного путешественника. Если Борро явил свое мужество в борьбе с суровою природою севера, то современник его Антон Дженкинсон оказался не менее смелым в борьбе с природою и кочевниками юга. До своего появления в Москве он много путешествовал по Европе, был в Турции, Палестине, северной Африке. В Москву впервые он явился в конце 1557 года. Летом приплыл он в Холмогоры и в августе выехал оттуда в Вологду, а из Вологды уже на санях отправился в Москву. Зиму 1557—1558 г. Дженкинсон провел в Москве и попросил у царя разрешение на поездку в Азиатские страны. Весною, снабженный царскими проезжими грамотами, поплыл он реками Москвою, Окою и Волгою на восток. В Астрахани сел он вместе с персидскими и татарскими купцами на морское судно и, переплыв Каспийское море, высадился на полуострове Мангышлаке. После многих приключений добрался он до Бухары, где благополучно перезимовал, замышляя весною 1559 года ехать в Китай или Персию. Но постоянные войны и разбои кочевников затворили ему на этот раз все дороги и он вернулся в Москву. Описание его путешествия, хотя и не лишено некоторых неточностей и преувеличений, считается исторически важным потому, что Дженкинсон был первым (и единственным в XVI веке) образованным западноевропейцем, проникшим в Среднюю Азию. Если и допускать, что наш путешественник не воздерживался от похвалы и прикрас, все же его описание свидетельствует о чрезвычайном его мужестве и выдающейся наблюдательности. На первом своем знакомстве с

Азией он не остановился: в 1561 году он снова явился через Холмогоры в Москву и оттуда пробрался в Персию. Весною 1562 г. отправился он прежним путем в Астрахань, оттуда поплыл в Дербент, был в Шемахе, Тавризе, наконец, нашел шаха в Казбине, где и зимовал, а затем весною 1563 г. пошел в обратный путь и достиг в августе Москвы, где и остался до весны 1564 года. И после этого путешествия Дженкинсон еще дважды морем ездил из Англии в Москву (1566 и 1571 г.), неизменно пользуясь милостивым приемом Грозного царя. Знакомясь с записками Дженкинсона о его поездках, нельзя не подивиться его отваге и энергии: вся жизнь этого человека проходила в движении по мало изведанным морям и еще менее изведанным странам. Географические наблюдения и измерения, торговые справки, этнографические описания, дипломатические переговоры—на все это был способен Дженкинсон и всем этим он доселе полезен одинаково историку и географу. Можно ясно себе представить, как важны и полезны были сведения, доставляемые Дженкинсоном, для его современников, торговых англичан и английского правительства, в их сношениях с отдаленной Московией.

В энергии и отваге англичанам не уступали и голландцы. В 1565 г. Антверпенская торговая компания отправила в Печенгу и Колу в качестве торгового агента своего бухгалтера Симона фон Салингена. В Коле он встретился с купцом Корнелиусом де Мейером Симонсоном. Мейер только что вернулся в Колу из неудачной поездки в Москву: его задержали в Новгороде, найдя недостаточными его документы. Салинген и Мейер решились на новую попытку проникнуть в Москву и, не рассчитывая пробраться туда через Новгород, избрали другой путь. Они оделись в русское платье, наняли лодку с русскими гребцами и через Кандалакшу, Кемь и Суму прошли в Онегу и Каргополь, откуда явились в самую Москву. Там им удалось сыскать „гостя“ (то есть купца) Степана Твердикова, с которым они познакомились еще в Голландии, когда он приезжал в Антверпен по поручению Московского царя. Твердиков повидимому испугался за своих смелых гостей, да и за себя самого. Это было крутое время опричнины и опал: у голландцев не были в порядке документы; они заранее не испросили позволения на путешествие в Москву и, в довершение всего, были в туземном платье, как бы скрывая свою иноземную „природу“. Твердиков посоветовал им не соваться на глаза властям, и потому наши путешественники оставили Москву без огласки и направились в Новгород. Из Новгорода Мейер отправился в Нарву: Салинген же остался пока в Новгороде и торговал там жемчугом и драгоценными вещами, а затем вернулся в Колу. Он не указывает точно своего пути из Новгорода в Колу,—но тот путь описан англичанами, одновременно с ним ездившими между Белым морем и Новгородом. Путь шел от Новгорода по Волхову и Свири на Повенец, Телешиу реку, Выг-озеро, Выг-реку и Сороку. Странствования

Салпнгена и Мейера могут удивить нас не только их смелостью, но и тем, что в острый политический момент казней и опричнины в Москве людям без местного языка и должных документов (проезжих грамот и т. п.) оказалось возможным дважды пересечь всю страну от Москвы до ее крайних северных рубежей, и притом безо всяких особых приключений. Очевидно, отношение к иностранцам в тогдашней Руси было очень терпимым. Надо прибавить, что к такому же выводу ведут и путевые замечания современных англичан. Возвращаясь из Азии в Московскую Астрахань, Дженкинсон считает свои опасности минувшими и нигде не жалуется на обиды и притеснения со стороны русского населения и администрации.

Еще большую пожалуй отвагу, чем Мейер и Салинген, проявил Брюссельский уроженец Оливер Брюнель. На одном из первых нидерландских кораблей приехал он в Колу, повидимому еще очень молодым человеком. Из Колы его голландцы послали в Холмогоры учиться русскому языку, а оттуда, по какому-то доносу, он был отправлен в Москву и затем попал в Ярославль в тюрьму. Из тюрьмы его выпустили по просьбе знаменитых Строгановых, которые взяли Брюнеля на свою службу в качестве торгового агента. Это было около 1570 года. Не один раз по поручению Строгановых Брюнель возил для продажи меха заграницу. На голландском корабле в свою первую поездку отплыл он из Колы в Дордрехт и Антверпен, побывал в Париже и обратно вернулся в Колу морем. Другие поездки имели иной маршрут, а однажды в 1577 году, Брюнель даже ухитрился с запада добраться до Московии сухим путем, несмотря на опасности военного времени. В последующие годы его энергия была направлена в иную сторону. По поручению Строгановых он дважды ездил в Сибирь к р. Оби, спускаясь в море по Печоре, и таким образом ознакомился с условиями плавания вдоль Сибирских берегов. В 1581 году он хлопотал о чрезвычайно любопытной экспедиции. От имени Строгановых ездил он в Голландию приглашать на их службу опытных моряков. На Северной Двине Строгановы выстроили два корабля, с которыми Брюнель и должен был обогнуть с севера Азиатский материк, чтобы проникнуть в Китай. Однако осуществление этого плана Брюнелю не удалось: экспедиция была снаряжена и около 1584 года плавание Брюнеля началось, но проникнуть на восток далее о. Вайгача и Новой Земли ему не пришлось из-за льдов. Повидимому эта неудача повела к разрыву Брюнеля со Строгановыми. Он выбрался из России в Данию и остался там, поступив на датскую службу. В истории северных путешествий имя Брюнеля заняло почетное место, и его географические наблюдения весьма ценились его учеными современниками.

Из немногих приведенных примеров ясна та энергия, с какою иностранцы взялись за изучение новой для них страны. Мотивы коммерческие лежали в основе их предприятий; дух научного исследования руководил немногими путешественниками. Вот почему в результате всех изы-

сканий англичан и голландцев являлись не научные трактаты, а торговые договоры с московским правительством, стремившиеся использовать (и по возможности монопольным способом) исследованный край. Английская компания, в лице Чанслера, первая вступила в такой договор с Москвою, получив от царя Ивана Васильевича „жалованную грамоту“ на свободный проезд для торга в московское государство. За первою грамотою последовали и другие, создавшие ряд торговых льгот для этой именно компании „купцов-искателей“ („Merchants-adventurers“), которой покровительствовало английское правительство. Компания в 1569 году получила право беспошлинного торга во всем московском государстве и монополию на торговлю в Казани и Астрахани и в Нарвской гавани; разрешался даже транзит для торговли с Персией. Компания могла владеть недвижимостью в русских городах, иметь канатную фабрику в Вологде, искать железную руду на р. Вычегде, пользоваться ямскими лошадьми, держать русскую прислугу и рабочих. Ей было даровано право „жить по своему закону“; в юрисдикции агента компании находились все ее члены и служащие. Московская власть ведала англичан лишь в их столкновениях с русскими людьми или иными иностранцами, и для этих случаев Грозный особо пожаловал компанию, взяв ее в ведение опричнины, иначе говоря, в свое собственное ведение. Эти исключительные льготы однако не продержались долго. Политические размолвки Грозного с королевою Елизаветою и явная невыгодность для Москвы компанейских привилегий повели к ограничению их и к частичному уничтожению. Компания то теряла, то восстановляла свои льготы; но с течением времени московское правительство твердо усвоило себе правило не создавать монопольных преимуществ ни для каких иностранных торговых организаций или отдельных лиц. Рядом с компанией „купцов—искателей“ оно давало „жалованные грамоты“ и другим англичанам и поощряло торговые приезды купцов иных наций. Со смертью Грозного окончились красные дни англичан, принадлежащих к компании: московский дьяк, ведавший внешние сношения Москвы, насмешливо объявил английскому агенту, что в лице Грозного „английский царь помер“ и что теперь в Москве к англичанам будут относиться иначе. Компания действительно никогда более не могла вернуть себе преимуществ, какими ее жаловал Грозный, а в середине XVII века она и вовсе была лишена права торговли внутри Московского государства. Англичане, как принадлежавшие к компании, так и не принадлежавшие „должны были стать в одинаковые с другими иноземцами условия торговой конкуренции в Архангельской гавани, дальше которой им не стало езду“.

В пору наибольших английских успехов в Москве английская компания, а за нею и английское правительство упорно добивались от московских властей, чтобы они предоставили английским купцам исключительное право на торг с Московою и не допускали бы в С. Двину кораблей других наций. В

стремлении своем монополизировать московскую торговлю англичане прибегали даже к насилиям, задерживая на пути к Архангельску чужие корабли и побуждая к тому же датское правительство, которое и без того не желало поощрять плавания голландских кораблей вдоль Лапландского берега. На все такие притязания англичан Москва отвечала отказом, считая, что всякий мог пользоваться открытым морским путем. „Морская дорога к нашей вотчине, в Холмогоры, Колу и другие морские пристанища, не новая“—гово[illegible] московские дипломаты датчанам и англичанам: „ту Божью дорогу [illegible]е как мочно переняти и унять и затворить?“ Голландцы съумели [illegible] такой взгляд московской власти. Отчетливо представляя себе [illegible]ельства дела, они решились на борьбу с англичанами. Некто [illegible]эльстадт в 1589 году представил Нидерландским генеральным штатам [illegible]эчательную по осведомленности записку, в которой изложил все [illegible] от торговли с Москвою и рекомендовал, не смущаясь английскою [illegible]полией, послать в Москву посольство и дипломатическим путем добиться [illegible]лючения торгового договора на право торга внутри Московского государства. Пока штаты собирались исполнить совет Энгельстадта, некоторые предприимчивые голландцы частными усилиями добились для себя разрешения на въезд в Москву и другие русские города, и за время Бориса Годунова, а также в смутные годы начала XVII века внутри Московского государства мы видим достаточное число голландских купцов, жестоко конкурирующих с англичанами. Обе народности отличались энергией, предприимчивостью и смелостью, обеим казалось, что соперник достиг большего успеха, чем бы следовало, и потому оба соперника с исключительной настойчивостью шли к своей цели—укрепиться на московской почве и стать необходимыми на московском рынке.

[illegible]аких бытовых и правовых условиях действовали иностранцы в [illegible]м государстве. Северная окраина Руси—„Поморье“, ее столица [illegible] Новгород и пути к Нарвской гавани, наконец Волга и Каспий, как [illegible] а азиатский восток,—вот что привлекало внимание англичан и гол[illegible]цев в Московии. С переходом Нарвы к шведам, Новгород и Нарвский [illegible]уть теряли свое значение в московском торговом обороте. В Азию по Волге можно было попадать только с разрешения московской власти и с ее деятельной помощью и контролем. В Поморье же эта помощь бывала и не нужна, а контроль был часто неосуществим. Официально для иностранных мореходов была там открыта одна гавань, одно „пристанище“ Архангельское. А на деле иностранные корабли могли пользоваться всеми доступными „пристанищами“ от Кольской губы до устья Печоры и действительно пользовались ими, заводя сношения с русскими рыбаками и „лодейниками“ и с прибрежным населением. А по зимнему пути они ездили во все стороны от Архангельска, изучая край и отыскивая места торга—ярмарки, где они могли бы всего легче приобрести местные товары и сбыть свои. Уже в первые десяти-

летия своего пребывания на русском севере иностранные гости узнали хорошо его важнейшие пункты и пути. Они обратили в свои постоянные базы те пристани, где их официально принимали: англичане—свой „Розовый остров" (о. Ягры) в Никольском устье С. Двины, а голландцы—пристань в Пудожемском устье. Впоследствии и те и другие перешли в Архангельск и Холмогоры, где приобрели усадьбы и хорошо обстроились. Из этих своих факторий они и предпринимали всякого рода разведки. В 1566 году английская компания предписала своим агентам осмотреть путь от устьев Двины до Новгорода и Нарвы, чтобы узнать, можно ли связать между собою северную и западную московские гавани. Вследствие этого два англичанина Томас Соутгем и Джон Спарк отправились из Холмогор морем в Соловки, получили там проводника и с ним направились на Сороку и устье р. Выга. По Выгу шли они на трех небольших лодках, перетаскивая их через пороги. Переплыв Выгозеро, пошли они вверх по р. Телекиной и затем на телегах приехали в Повенец, а оттуда опять на судах Онежским озером, Свирью и Волховом приплыли в Новгород. Поставленная им задача была таким образом, разрешена. (Выше было рассказано, что в те же годы такого же рода путешествие по северным путям до Москвы и Новгорода сделали голландцы Селинген и Мейер). Немногим позднее агент английской фактории в Москве Антоний Марш вошел в сношения с русскими мореходами из Пустозерска и сговорился с ними, чтобы они с его комиссионером предприняли поездку в Сибирь к Оби за тамошними товарами. В 1584 году эта поездка и была совершена, вероятно, по р.р. Печоре и Усе. Хотя купленные там для англичан меха и были конфискованы московскими властями, но Марш получил от Пустозерцев много полезных географических и торговых сведений, которые позднее пошли в прок англичанам. Одновременно с попыткою Марша англичанин Франсис Черри успел лично съездить на крайний северо-восток России в Пермский край (into Permia) и повидимому добрался до северного Урала. Позднее, когда московская смута уничтожила государственное единство и гражданский порядок в Москве, английская компания потеряла возможность торговых сношений с самой Москвою и уже не получала товаров в Архангельск. Чтобы не терять русского рынка, она задумала завязать прямые торговые сношения с местными центрами на русском севере и между прочим с Пустозерском в устьях Печоры, откуда была надежда проникнуть в Сибирь, в места добычи наиболее ценных сортов пушного товара. В 1611 году английский корабль явился в устье Печоры и высадил в Пустозерске агентов компании Джосиаса Логана и Вилльяма Порсглова с товаром для обмена и торга. Оба эти лица остались в Пустозерске на зиму 1611—1612 гг. Далее на восток проникнуть им не удалось; но и оставаясь на Печоре, они могли приобрести сибирские товары. Они действовали на устьях Печоры и поднимались по Печоре до Усть-Цыльмы. С караваном самоедов и пустозерцев Порсглов на санях осенью 1611 года отправился на запад на Мезень.

На низовьях Мезени, сперва на острове Лампожне, а впоследствии в новоозникшей „Слободе" („Окладникова слободка" на месте нынешнего города Мезени), дважды в зиму бывала большая ярмарка, на которую съезжались для менового торга самоеды, пермяки и руские купцы из Холмогор, Вологды и других мест. В „Слободе" Перетлов нашел англичанина Томаса Лайтона, который постоянно там жил, торгуя не от английской компании, а от себя лично, или же от своего хозяина Ричарда Кокса. Из Слободы Перетлов проехал в Холмогоры, где застал другого англичанина Фабиана Смита, агента компании. После торга Перетлов возвратился в Пустозерск в январе 1612 г. и, скупив на Печоре и вытопив белужий жир летнего улова, осенью 1612 г. вместе с своим товарищем Логаном на ладье вернулись в устье Двины. Вслед за этими двумя англичанами на Печоре действовали их товарищи Вильям Гордон, которому удалось в 1614 г. побывать даже на северном Урале, „в Югре", на р. Усе, и Мармадьюк Вильсон, который годами живал в Усть-Цильме для приобретения пушнины.

Так, пользуясь московскими смутами и ослаблением обычно зоркого административного надзора, иноземцы проникали в самые потаенные углы московского севера и брали из первых рук местные товары, часть которых считалась „заповедными" и в нормальное время могла попадать в чужие руки только с царского соизволения. Когда московский порядок был восстановлен и царская политика решила предоставить внутренние рынки в исключительное пользование руских торговцев, иностранцы были вытеснены с северных путей и торговых пунктов и потеряли возможность странствовать по диким, „но прибыльным пустыням Беломорья". В 1625 г. последовал указ царя Михаила Федоровича о том, что приезжают к Архангельску торговые иноземцы с разных государств и оттуда ездят в другие города и возвращаются к Архангельску, а того неведомо, какие люди, и проезжих грамот у них нет, ездят самовольством; а потому государь приказывал задерживать в Архангельске до государева указа тех иностранных купцов, которые захотят ехать внутрь государства, но не будут иметь на то особых разрешительных грамот. Неоднократные подтверждения такого распоряжения в XVII веке крепко закрыли Поморье от предприимчивости иностранцев. Открылось оно снова лишь в эпоху Петра В., когда правительство само стало понемногу изучать север с помощью иноземных ученых и техников.

Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века.

Профессора С. В. Бахрушина.

I.

Уже в глубокой древности обозначались два больших водных пути, соединявших Восточно-европейскую равнину с Северо-азиатской. Это были реки: Печора и Кама.

Первый из этих путей—печорский, был связан с центром русской равнины через посредство Северной Двины и ее притоков: Юга и Сухоны, получающих начало из Алаунской возвышенности. По Северной Двине путь этот шел к северу, образуя в XVI в. два разветвления: во-первых, до устья Пинеги и далее по Пинеге до мыса Николаевского, волоком на реку Кулой, впадающую в море, и морем, вдоль берегов, до устья Мезени, Мезенью до впадения в нее реки Пезы и Пезским волоком на верховья р. Цильмы и из Цильмы в Печору [1]. Другой, более употребительный, вариант того-же пути шел с Двины по Вычегде до реки Вымы, вверх по Выми, и Вымским волоком на Печору; далее оба пути сливались. С Печоры за Урал было также несколько путей по притокам Печоры, вытекавшим из Уральских гор: северный—Усою до Урала и, перевалив через Урал, на верховья Соби, впадающей в Обь; другой—Щугором на Сыгву и на Сосву, принадлежащие к бассейну той-же Оби, и, наконец, по Илычу на Вогулью и на Сосву. На Оби путь раздваивался. В южном направлении шли вверх по ее течению, и в конце XV века русские уже достигали Иртыша. В северном спускались по Оби до ее устья в море и из Обской губы выезжали в примыкавшую к ней с востока Тазовскую губу, берега которой не позднее начала XVII века стали известны русским под именем Мангазеи [2].

Печорский путь, судя по случайным археологическим находкам — в древности был уже известен финским туземцам, от которых узнали его и новгородцы. Последние этим именно путем ходили с XII, по крайней мере, века за Урал в „Югру", т. е. в область нижней Оби, заселенную остяками („Югра" — зырянское прозвище остяков). Слухи о сказочных пушных богатствах полуночных стран, где, по рассказам, из туч сыплют молодые белки и олени, рано стали привлекать за „Камень" (старинное название Урала) предприимчивых новгородских промышленников, которых не пугал путь до Югры с его непроходимыми пропастьми, снегом и лесом. Из среды промышленников и Новгородское государство снаряжало за Урал военные экспедиции для сбора дани с туземцев, порою проникавшие глубоко в

[1] Путь этот описан Герберштейном. (Изд. Суворина, стр. 139).

[2] Название Мангазеи дано стране по имени одного из племен самоедских [illegible].

югорскую землю, как например в 1364 г., когда новгородская рать повоевала всю Обь, и вверх, и вниз до самого моря. В летописях сохранились не лишенные яркости повествования об этих походах и об упорном сопротивлении, которое новгородцам оказывали югорские князьки под стенами своих городков. В грамотах XIII в. Югра фигурирует в числе новгородских волостей. Зависимость остяцких князьков от господина Великого Новгорода ограничивалась, однако, очень, повидимому, нерегулярной уплатой дани соболиными мехами и другими местными произведеньями. После падения Новгорода, Печорский путь оказался в руках московских великих князей, которые и попытались в конце XV и начале XVI ст. использовать его для подчинения далекой Югры. Этим путем совершен был, в частности, знаменитый поход князей Петра Ушатого и Семена Курбского в 1501 году: военные силы были собраны на Печоре, здесь „основали" и город (зарубили, надо полагать, Пустозерский острог); от Печоры шли до Камня две недели, „щелью" перевалили через Камень и, отбиваясь от нападения „каменных" самоедов, спустились в долину Оби; причем ратные люди ехали на собаках, а воеводы на оленях. Перебравшись через Урал, войско разделилось на две части и в двух направлениях произвело жестокое опустошение неприятельской страны: было взято более 40 городков и захвачено в плен около 60 туземных князьков.

Исходным пунктом для московских экспедиций послужила Вымь, на берегах которой еще в конце XIV века образовались обширные владения московского ставленника, владыки Пермского. Пермская епархия, закинутая на далекую окраину, на самую границу русской культуры, очень скоро приобретает своеобразный характер полу-светской и полу-церковной пограничной марки, и укрепленный „владычень" городок Усть-Вымь, построенный на месте зырянского языческого мольбища, делается центром, откуда Пермский владыко не только проповедует христианство среди окрестных инородцев, но и распространяет на северо-восток и за Урал русское влияние, являясь посредником между великим князем московским и его югорскими данниками: владыко „печаловался" перед ним за всех этих югорских, кодских и вагульских князьков, выхлопатывал им „опасные" грамоты для приезда в Москву, сам сопровождал их в столицу; под владычним городком и при участии представителя владыки заключались мирные договоры между ними и вассалами московских государей — князьями вымскими; „печалованием" владыки его пленники освобождались из плена.

Но все же Печорский путь был слишком отдален от Москвы, чтоб им можно было совершить прочное завоевание Зауралья. Дело ограничивалось тем, что временами отдельные югорские князьки обязывались доставлять дань в великокняжескую казну. С завоеванием Казани и освоением Камских путей московское правительство, поэтому, совершенно отказалось от мысли использовать Печорский путь с завоевательными целями. Но и в дальней-

шем Печорский „чрезкаменный“ путь служил обычной дорогой, по которой в течение XVI и XVII столетий шло очень большое движение за Урал. „Чрезкаменный путь“ является по преимуществу путем торговых и промышленных людей, которые идут по старым проторенным дорогам за Камень в поисках драгоценной пушнины. Устюг, благодаря своему положению на перепутье, связывавшем Печору с русскими рынками среднего Поволжья и с единственным русским портом для внешней торговли—Архангельском делается в XVI веке важнейшим торговым центром и средоточием всей торговли сибирскими мехами. Далее, на восток, на всем протяжении Печорского пути, вырастает ряд промышленных слободок и становищ: Окладникова слобода на Мезени, Ламножкая на Куме, Усть-Цилемская и Ижемская слободки. Еще дальше на восток возникают временные становища промышленников. Таким становищем был, вероятно, тот „град“, на месте которого был выстроен Пустоозерский острог. По сведениям, собранным [illegible]ном, между устьями восточных притоков Печоры—Щугура и Подчерема находилось в начале XVI в. „складочное место для товаров“ торговцев, ехавших за Урал. Другим таким складочным пунктом был в начале XVII века Роговой городок в вершинах Усы, под Камнем: сюда приезжали пустозерцы „с великими товарами“, здесь они оседовали и вели торг с самоедами, которые съезжались в Роговой издалека, даже из-за Урала, с Ямала, с Обдора и с Куновати; сюда-же, как дорога станет, к ним приезжала пустозерская „каменная“ самоядь, „их знакомцы и друзья“ и начинала перевозить их и их товары за Камень к Кунной самояди. Есть повод думать, что таким-же становищем был первоначально Носовой городок на месте, где впоследствии возник Обдорский острог, и может быть, Березов. На пути между Березовым и Мангазеей, мы находим какой-то „Пантуев город“, очевидно, тоже одно из случайных русских зимовий в тундре. В самой Мангазее, первое упоминание о которой мы находим в „Сказании о человецах незнаемых“, составленном не позднее первой четверти XVI века, еще до основания здесь в 1600 году правительственного острога, стояли уже городки, „что поставили торговые люди“, те „вымичи и пустозерцы и многих государевых городов торговые люди“, которые „прежь сего приходили в Мангазею и в Енисею“ и с туземцев „имали на себя воровством дань“. На одно из таких промышленных зимовий в Мангазее, на „Зырянский городок“ натолкнулись сургутские служилые люди в 1601 году. Еще глубже на восток, на Турухане, притоке Енисея, составляющем кратчайший путь между Тазовской губой и этой рекой, образовалось в начале XVII века Туруханское зимовье, служившее в течение ряда лет местом „большого съезда“ торговых и промышленных людей и оживленной „ярмарки“, впоследствии ставшее резиденцией воеводы и административным центром Мангазейского уезда. Туруханское зимовье, с своей стороны, послужило исходным пунктом, откуда шло дальнейшее продвижение промышленных ватаг

вниз по Енисею до устья и вверх, в Нижнюю и Подкаменную Тунгуски, а в двадцатых годах XVII века промышленные люди с Нижней Тунгуски проникли на Вилюй и на „великую реку“ Лену. В течение XVII века Печорский путь оставался важнейшей артерией, по которой шло почти все движение русских промышленников на соболиные промыслы. Московское правительство в ревнивом стремлении контролировать с фискальными целями это движение, перехватило поэтому Печорский путь своими таможенными заставами. Таковы были Ижемская застава в Ижемской слободке и Собская и Обская заставы в Березовском уезде; когда промышленные люди попытались уклониться в сторону от этих застав и стали обходить их новой дорогой по Сыгве, то и здесь, на одном из ее притоков Киртасе, была устроена Киртасская застава. Хотя Печорский путь и был преимущественно путем поморских промышленников, но в XVII в. им в некоторых случаях пользовались и административные лица, например, воеводы ехавшие на воеводство, этим-же путем сплавлялась и ясачная мягкая рухлядь из некоторых сибирских городов. Он просуществовал до XVIII века, когда в 1706 году он был закрыт по распоряжению из центра по соображениям не совсем для нас понятным, и только в XIX веке возникает вновь вопрос о восстановлении в широком масштабе сообщений между Печорою и Обью.

В непосредственной связи с Печорским путем, можно сказать, одним из его разветвлений, был морской путь: „морем океаном, мимо Пустозерский острог“, которым промышленники поморских городов несомненно пользовались уже в первой половине XVI века и продолжали ходить до 1620 года, когда путь этот был закрыт для них вследствие запрещения, последовавшего от властей. Путь этот сами промышленные люди описывали так: „от Архангельского де города, из Колмогор и с Пинеги ходят они в Мангазею на Кулуйское устье и на Канин нос... и Югорским шаром... и на Карскую губу в Мутную реку (впадающую в восточную часть Карского моря) через сухой волок (срезывая таким образом полуостров Ямал) на Зеленую реку (впадающую в Обскую губу) и в Обь, да в Тазовскую губу, а ходят в малых кочах“. Отправляясь с Двины с Петрова заговенья, приходили к устью Мутной реки на Успеньев день (15 августа) и на Семенов день (1 сентября). Путь этот был труден и опасен: „а коли Бог не даст пособных ветров, и время опоздает, и тогда все кочи ворочаются в Пустоозеро; а коли захватит на Мутной или Зеленой реке позднее время и на тех реках зам[е]рзают и животишка свои и запасы мечут на пусте, а сами ходят на лыжах в Березовский уезд“. Тем не менее этим страшным путем ходили не одни случайные искатели приключений.

В 1617 году на допросе промышленные люди показывали, что многие из них ходят „с Пинеги с Мезени и с Двины морем... в Мангазею для промыслов лет по 20 и по 30 и больше“. Так, при царе Федоре ходил „проведывать Обского пути“ гость Лука четырьмя кочами: в 1601 году этим

путем пришло в Мангазею 4 коча, на которых ехало 40 человек во главе с кочехозяевами, в 1602 году столько-же, в 1610 году [1]) — 160 человек на 16 кочах: точно также и в 1618 и 1619 годах, „пришли морем многие люди“. По следам русских промышленников, в середине XVI века этим путем пробовали воспользоваться английские исследователи для открытия северного морского пути в Китай. В 1556 г. путь „морем вдоль побережья реки Печоры на восток“ сделался известен Стефену Борро от кольских [2]) промышленников, ездивших на моржевые промыслы на Печору и на Обь. Несколько позднее Дженкинсон вывез из своих странствований по России сведения о баснословной „Malgomzaia“ почерпнутые из „Сказания о человецех незнаемых“, и эта маленькая нелепая запись, переведенная на английский язык, послужила путеводною нитью для смелых научных гипотез и отважных морских предприятий. Ряд английских и голландских экспедиций во второй половине XVI и в первые годы XVII века обследовали этот путь (Виллоби в 1553 г., Борро в 1556, Пет и Джаксон в 1580, Корн. Най в 1594—1595 гг., Баренц в 1596, Гудсон в 1608 г.), тщетно стремясь пробиться на восток через непроходимые преграды северных льдов. Слухи об этих экспедициях вызвали серьезное беспокойство в русской администрации Сибири, особенно, когда в 1616 году выяснилось, что Енисей впадает в морскую губу того именно Студеного моря, „которым ходят немцы из своих земель к Архангельскому городу, и приезд к енисейскому устью есть... и большими кораблями из моря в Енисею пройти можно“. Одновременно возникали и другие опасения, как бы при проезде морским путем русские промышленники не стали избегать внутренних таможен, и не произошло от того „истери“ государевой казне в пошлинах. Эти соображения фискального и политического свойства, заставили правительство в 1620 г. после некоторых колебаний издать „крепкий заказ“, воспрещавший под страхом тягчайших наказаний пользоваться „старою дорогою — большим морем“. На волоку между Мутной и Зеленой рекой „для береженья проходу немецких и торговых людей“ была устроена застава, на которую на время навигации посылались небольшие отряды служилых людей. С тех пор великий морской путь закрылся для предприимчивых поморов, но память об „заповедной“, „воровской“ дороге „Океанскою пролївою“ долго жила среди „ведомых“ морских ходоков Поморья, покрываясь налетом легенды, и долго еще ходили среди них толки о том, „что Обским устьем в большое море и большим морем в Литву и в немцы пройти мочно“. Предания о ней дошли до XVIII века, когда в 1753 г. П. И. Шувалов, „уведомившеся“, что „в прошлых годах“ морем „промышленников хаживало не малое число“, отчего, „промышленный народ весьма пользовался“ и выхлопотал себе

[1]) Или в 1611 году.

[2]) Вернее от холуйских промышленников, согласно гипотезе профессора А. И. Андреева.

на этом основании разрешение образовать компанию для эксплоатации звериных промыслов по берегам Ледовитого океана до реки Таза. Но только во второй половине XIX и начале XX века, благодаря, главным образом, экспедициям Норденшильда и Нансена и усилиям русских предпринимателей Сидорова и Сибирякова, окончательно выяснилась возможность пользоваться „старой морской дорогой" для сношения с северным побережьем Сибири.

Пути по Печоре и ее Притокам и по морю обслуживали, главным образом, промышленные нужды населения русского Поморья.

Для истории завоевания Сибири и правительственной колонизации завоеванных земель более важное значение имел другой речной путь — Камский. В XVI веке наиболее известны были два разветвления этого пути. Одно шло от Соли Камской к северу, вниз по Каме на Чердынь, отсюда вверх по Вишере до Каменя, через Камень в Лозьву, принадлежащую к бассейну Оби, по Лозьве в Тавду, Тавдою вниз до Тобола, а Тоболом вниз на Иртыш и на Обь. Этот путь был важен тем, что находился в теснейшей связи с Печерским путем, так как через посредство своих притоков Вишера приближалась к бассейну Вычегды. Другое разветвление шло, наоборот, на юг от Соли-Камской, вверх по Каме, либо по Сылве, либо по Чусовой. Более известен путь по Чусовой, которым воспользовался Ермак: до устья реки Серебрянки, по Серебрянке до волока через Урал, волоком на верховья реки Туры, по Туре в Тобол и далее в Иртыш.

Корни Камского пути теряются в глубокой древности. Этим путем еще в VI веке по Р. Хр. доставлялись из Азии те серебряные сосуды характерные для эпохи персидских Сассанидов, которые до сих пор попадаются на берегах рек, принадлежащих к бассейну Камы. Долгое время Камский путь был закрыт для русских, которые при продвижении своем в среднее Поволжье нашли здесь, близ устья Камы, могущественное государство тюрков-булгар, захвативших в свои руки торговые пути в „страну Мрака", т. е. в Сибирь. Булгарские купцы ходили за Урал за пушниной, и арабские источники сохранили любопытные подробности немой торговли, производившейся ими с сибирскими дикарями, которых они, подобно русским, называли именем Югры („Юра").

Начиная с XII века суздальские великие князья тщетно боролись за обладанье камским путем и предпринимали ряд более или менее удачных походов на Каму; Булгарское Царство оказалось достаточно сильным, чтобы выдержать натиск; по временам булгары даже сами проявляли некоторые агрессивные намерения, стремясь распространить свои владения на верховья Печорского пути и на Устюг. Когда в середине XIII века Булгарское царство пало под ударами татарских завоевателей, на его развалинах образовалось сперва княжество, потом ханство Казанское, в руках которого сосредоточились подступы к зауральскому пути. Одновременно с появлением татар по сю сторону Урала, они покорили племена остяков и вагуличей, живших

по средней Оби, и образовали—на Иртыше царство, получившее название Сибирь. При всей своей отдаленности от культурных центров Азии, Сибирское царство приобрело известное значение, как рынок нужных товаров: на востоке завязались сношения с Бухарой, откуда купеческие караваны завозили на берега Иртыша вместе с мануфактурными товарами некоторые начатки магометанской культуры, на Западе с Казанью, и город Чинги-Тура (Тюмень) на Туре уже в XV веке сделался важным торговым пунктом на Камско-обском пути. Только в середине XVI века, с падением Казанского царства, Камский путь открылся для русских. На берега Камы хлынула волна колонистов. Казань была завоевана в 1552 году, а уже в 1558 году сольвычегодские промышленники Строгановы ходатайствуют о разрешении обосноваться на новых местах. Смелые предприниматели, они в поисках рассола постепенно поднимаются вверх по реке Каме от Камского Усолья, где у них были соляные варницы, сперва утверждаются в нескольких верстах к юго-востоку от Соли Камской в построенных ими городках Канкоре и Кергедане, а оттуда в ближайшее десятилетие последовательно захватывают речные пути дальше на Сибирь, Чусовую и Сылву, а в 1574 году торопятся обеспечить себе возможность дальнейшего захвата этого пути, „в Сибирской стороне за Югорским Каменем, на Тагиле, и на Тоболе реке, и на Иртыше, и на Оби, и на иных реках". На занятых землях они имели в виду „пашни, распахати и дворы ставити, и людей называти, и... рассолу искати, где найдется, и соль варити", „и по рекам рыбы ловити". Правительством предоставлены были Строгановым широкие льготы: в частности, освобождение поселенцев на известный срок от государственных податей, а на последующее время право непосредственного сбора и доставки таковых в Москву, суд над населением вотчин и свободный рынок: на свои земли Строгановы могли призывать на льготу „неписьменных и нетяглых" людей. Таким образом, на границах русского мира, на перепутье между Европой и Азией, возникло своеобразное частновладельческое государство, почти независимое от центра и всецело подвластное „именитым людям" Строгановым.

На пожалованных землях закипела работа. Берега Камы представляли из себя лесные дебри („бяху-же ту древеса велики и многоветвенны") среди которых были разбросаны редкие „улусы" вогуличей и остяков. Поселенцы стали „труды к трудам прилагати, лес секти, сеяния ради хлебного", „подсеку" „огнем попаляти", „яко-же обычай", и в сравнительно быстрое время „место пустынное" заселялось русским элементом. [1])

Итоги колонизационной деятельности Строгановых могут быть подведены по официальным данным XVI и первой половины XVII века. В 1579

---

1) Любопытные подробности о быте Строгановских колонистов можно найти в житии преп. Трифона вятского.

году, т. е. приблизительно через 20 лет после первого пожалованья, во владениях Строгановых мы находим 1 городок и 39 деревень и починков с 203 дворами. После смуты в них числилось 4 слободы, 51 деревня и починок, 291 двор с 313 человек м. п., еще через 10 лет (в 1623 / 4 г.) — 3 городка, 3 острожка, 2 слободки, 2 монастыря, 118 деревень и починков с 12 церквами, 933 дворами, 30 мельницами и с населением в 1354 чел., в 1647 г. — 3 городка, 4 острожка, 4 слободки, 6 сел, 231 деревня и починок, в них 1514 двора с населением в 5701 человек. Наряду с развитием хлебопашества — развивались соляные промыслы: в 1623 г. Строгановым принадлежали здесь 24 варницы, в 1647 году — 31. Не последнее место занимали в хозяйстве Строгановых и другие промыслы— „рыбные и звериные ловли"; Строгановы своих людей посылали „соболей и куниц и бобров и всякого зверя ловити". Меха приобретались и путем мены от инородцев, которые съезжались для торга в Строгановские городки даже из-за Урала. Помимо громадного колонизационного значения деятельности Строгановых на дальней Пермской окраине, приходится отметить большое стратегическое значение их вотчин. Расчищая леса и призывая людей на новые места, Строгановы должны были применять меры к защите поселенцев от нападений инородцев. Постоянная опасность грозила со стороны чусовских и сылвенских вогуличей и остяков, с которыми поселенцы вступали в непосредственные столкновения из-за „бортных и звериных ухожьев", земли которых они захватывали, вытесняя из их улусов, и „молбища" которых они разоряли. Из-за Урала то и дело на „Пермские места" производили набеги воинственные пелымские вогуличи, княжество которых было расположено на Тавде, и, наконец, наиболее серьезную опасность представляло для руской колонизации при-Камья соседство могущественного Сибирского царства. Поэтому Строгановым приходилось каждый шаг свой на восток закреплять постройкой укрепленных острожков, снабжать их артиллерией и содержать в них на свой счет гарнизоны. Эти городки, возникшие первоначально из хозяйственных соображений частных землевладельцев для защиты принадлежавших им соляных варниц и крестьянских поселков, сделались не только военными форпостами руской колонизации на восток, но и весьма внушительной защитой всей восточной границы Московского государства. Построенный в 1558 году в 15 верстах к югу от Соли Камской городок Канкор защищал ее от возможности такого набега со стороны сибирских татар, какой имел место еще в 1505 году. С постройкой в 1564 году нового городка Кергедана или Орла, верстах в 15 выше его, Канкор утратил свое первоначальное стратегическое значение и был вскоре пожертвован Строгановыми основанному ими Пыскорскому монастырю. Со стороны Яйвы подступы к Соли-Камской защищал Яйвенский городок. Выстроенный в 1568 году Нижне-Чусовский городок охранял Чусовской путь на Сибирь, а Сылвенский городок преграждал другой сибирский путь по Сылве.

В целом все эти городки образовали на путях в Сибирь законченную укрепленную черту, об которую неоднократно разбивались набеги зауральских инородцев и с постройкой которой можно было надеятся, что „в Пермь даже воинским людем безвестно пройти будет нельзя“. Московское правительство само склонно было считать одной из обязанностей Строгановых, „из своих острогов нашие земли пермские оберегать“. Служа оборонительной линией для Пермской земли со стороны Урала, Строгановские городки являлись одновременно и опорными пунктами для наступательнаго движения Строгановых на восток и для новых захватов. Эти захваты производились отчасти экономическим путем: с одной стороны, люди Строгановых „украдом“ проникали для промыслов в вотчины чусовских вагуличей, с другой стороны, сами вагуличи, задолжав, попадали в кабальную зависимость от Строгановых. Но наряду с этим Строгановы организовали правильные военные экспедиции в земли, населенные инородцами. В 1574 году они официально испросили разрешение „бесиенно“ посылать воевать на сибирского салтана, “сбирая охочих и своих людей и вагуличей и югричей и самоедов с наемными казаками и с народом своим“, чтоб сибирским людям „обиды своя мстити“ и попытаться утвердиться за Уралом постройкой крепостей на Тоболе и других реках. В 1579—1581 годах Строгановские наемные люди и казаки „по закамени вагуличей воевали“. Приблизительно в это время имел место и знаменитый поход Ермака. Насколько можно судить по отрывочным летописным данным, экспедиция Ермака в основе своей носила характер военно-промышленного предприятия, снаряженного на частные средства, примеры каковых мы встречали в более поздния времена в истории завоевания восточной Сибири. Экспедиция состояла из „наемных казаков“ и собственных „людей“ Строгановых; Строгановы снабдили ее „из своих пожитков“ всем военным снаряжением „всяким к воинскому делу запасом“: „одеянием ратным“ и „воинским оружием“ — ружьями, порохом, свинцом и походной артиллерией, средствами передвиженья и продовольствием, дали ей проводников и „толмачей бусурманского языка“. Получая от Строгановых „подмогу“, „запас на проем“, казаки обязывались поделиться добычей: „аще Бог управит путь наш в добыче. . . заплатим и наградим по возвращении нашем“. Таким образом, первая попытка вторгнуться в Сибирь произведена была всецело „промыслом и подмогою честных мужей Строгановых“.

Сибирское царство, в пределы которого направлялась экспедиция Ермака, состояла в XVI веке из ряда более или менее независимых татарских и туземных княжеств, весьма слабо об'единенных под властью сибирского царя, столица которого находилась у слияния Тобола с Иртышем в городе Кашлыке или Искере (русские называли его Сибирью. [1]) В культурно

[1]) Кашлыком называет столицу Кучума Ремезов, название „Искер“, означающее „старое городище“, может быть позднейшего происхождения.

отношении сибирские татары в описываемое время еще не вполне перешли от кочевого быта к оседлому, и даже Кашлык представлял из себя только укрепленное деревянным тыном и окопами становище для временного пребывания на случай нашествия врагов. Большинство из них были еще язычниками—шаманистами, но торговые сношения с Бухарой способствовали постепенному внедрению среди них магометанской религии и культуры. Это полукочевое царство, раздробленное на ряд плохо спаянных между собой племенных владений и об'единявшее чисто внешнем образом под своéю властью татарских, остяцких и вагульских князьков, магометан и язычников, было мало способно противостать сильному удару со стороны немногочисленного, но более культурного и хорошо вооруженного неприятеля. Слабости Сибирского царства способствовали и непрерывавшееся в течение целого столетия, соперничество за Сибирский престол между бухарскими шибанидами (царями из рода Шейбани, внука Чингисхана) и местными беками „Тайбугина рода". Незадолго перед походом Ермака „шиданскому царевичу" Кучуму удалось захватить столицу Сибири и убить княживших здесь Эдигара и его брата Бек-Булата, но сын последнего Сейдяк продолжал угрожать счастливому победителю. Чувствуя свою слабость, Сибирские ханы после падения Казани признали власть московских государей, и одно время Эдигар, а за ним и его победитель Кучум обязались-было платить дань в Москву, но подчинение это было только номинальное. Пользуясь дальностью расстояния, Кучум не только не исполнял своих обязательств, но и стал проявлять некоторые признаки агрессивности в отношении к новым русским владениям; он захватывает речные пути, ведущие за Урал, подчиняет своему влиянию пелымских вагуличей, и племянник его Махмет-Кул уже в 1573 году вторгается в русские пределы „дорогу проведати" на Пермь. Поход Ермака, произведенный очень не большими силами, вряд-ли мог иметь целью завоевание Сибирского царства, о могуществе которого русские имели преувеличенное представление, имелось в виду, вероятно, только взять „с бою и без бою" ясак с туземцев и вернуться с добычей. Предприятие увенчалось неожиданным успехом. Сибирское царство распалось от первого удара, и после первых неудач Кучума от него стали отпадать его вассалы, зависевшие от него татарские мурзы и бии; еще слабее были связи, соединявшие инородческие племена с татарами-завоевателями: из под Чувашева, где Кучум пробовал задержать казаков в их пути на Кашлык, первыми разбежались вагульские и остяцкие князьки и тем способствовали полному его поражению. Не будучи в силах оказывать дальнейшее сопротивление, Кучум с своим народом покинул столицу и откочевал в степи, и казаки заняли лишенный защитников город, после чего окрестные инородцы и недавние вассалы Кучума из татари немедленно „поклонились ясаком" победителям. Таким образом, экспедиция, снаряженная Строгановым, закончилась на первых порах полным разгромом Сибирского царства. Из случайного разбой-

ничьего набега — поход Ермака превратился в большое государственного значения предприятие. Частными средствами удержать произведенные завоевания было невозможно, и тотчас после занятия Кашлыка и казаки, и сами Строгановы торопятся обратиться в Москву за помощью и поддержкой.

Первоначально агрессивная политика Строгановых встречала мало сочувствия в правительственных кругах Москвы, где не без оснований смотрели на экспедицию, снаряженную предприимчивыми солепромышленниками, как на их частное дело, преследующее их личные выгоды. „Вы вогулич и вотяков и пелымцев от нашего жалованья отбили и задирали", писали им с упреком из Москвы: „и войною на них приходили и тем задором с сибирским салтаном нас ссорили". Завоевание Сибири трактовалось первое время, как простое расширение пределов обширных Строгановских вотчин, и на нее распространены были, повидимому, все права, которыми Строгановы были пожалованы в своих пермских владениях; в частности, они через посредство своих людей должны были производить сбор ясака с туземцев и отвозить его в Москву.

Неожиданный успех экспедиции, завершившийся занятием столицы Сибирского царства, и, вместе с тем, выяснившаяся полная невозможность удержать одними частными средствами завоеванную территорию, заставили правительство предпринять более решительные шаги. Еще при жизни Ермака ему на подмогу был послан отряд в 500 человек под начальством кн. Сем. Болховского и Ив. Глухова, который прибыл в Сибирь только в 158[illegible] году [1]. Экспедиция Болховского, снаряженная плохо и без знания местных условий, не выполнила своей задачи. Страдая от недостатка продовольствия, теснимые кучумовскими татарами, потеряв Ермака, попавшего в засаду, и самого кн. Болховского, умершего от голода, русские были вынуждены весною следующего года бросить Кашлык и, под начальством Глухова, перебрались обратно на Русь Обью и Печорою. Посланный на смену Болховскому, новый воевода Ив. Мансуров, застигнутый заморозками, перезимовал на устье Иртыша, где основал первый русский город на Сибирской почве— Обский городок, и с открытием навигации тем-же печорским путем ушел за Урал. В Кашлыке вновь утвердились татарские владетели, сперва сын Кучума-Али, затем его соперник Сейдяк, племянник убитого Кучумом Эдигара. Таким образом, набег Ермака, расшатав сибирское царство и открыв путь русским в долину Иртыша, сам по себе не привел к прочным результатам. Предстояло приступить к планомерному покорению Сибири уже силами правительства и по плану, выработанному в столице. Вместо того, чтобы углубляться в неприятельскую страну, было решено закрепить за собою во-первых, пути в нее; в этих целях на развалинах некогда богатого и сильного

[1]) По датировке актов.

татарского города Чинги-Туры [1]) был построен город Тюмень, который и должен был служить опорным пунктом для дальнейших завоеваний. Посланный из Тюмени письменный голова Ив. Чулков почти под самыми стенами Кашлыка, на реке Тоболе, построил небольшой острожек, получивший впоследствии название Тобольского города, откуда он зорко следил за движениями неприятеля, выжидая удобный момент для нападения. В 1588 году ему удалось заманить к себе в город Сейдяка и захватить его в плен, после чего татары окончательно очистили Кашлык и ушли в степи. Бывшая столица сибирских ханов пришла в запустение и на ее месте вырос центр русской колонизации, стольный город русской Сибири — Тобольск, который постепенно приобрел значение главного административного центра новой колонии и на который выпало руководство делом дальнейшего завоевания и заселения Сибири. С падением Кашлыка не сразу прекратилась, однако, борьба с Кучумом. В целях обезопасить себя от нападений его татар, русские в 1594 году построили на самой границе степи город Тару, который должен был защищать подступы к Тобольску с юга и вместе с тем служить исходным пунктом для походов в степь. В следующие 1595 - 1596 г.г. из Тары были совершены успешные походы в глубь Барабинской степи, на верховья Оми, но только в 1598 году тобольскому воеводе Ефиму Бутурлину удалось нанести Кучуму решительное поражение, после которого он уже не оправился. Сыновья и внуки Кучума, однако, в течение всего XVII века продолжали беспокоить набегами русские пограничные селения. Под влиянием этих постоянных угроз со стороны Кучумовичей, среди инородческого населения Западной Сибири не только долго хранилась память о былой независимости, но и продолжали жить надежды на восстановление Сибирского царства, „как было при Кучуме царе“. Еще в 60-х годах XVII века остяцкие князьки Березовского уезда охотно соглашались платить ясак царевичу из рода Кучума, в уверенности, что ему удастся захватить Тобольск. Ремезов, писавший на переломе между XVII и XVIII веками, сохранил нам отрывки тех проповедей магометанских „шихов“, которыми в его время „блазнились“ в Тобольске „проклятые бусурмане“, и в которых доказывалось, что „по времени возьмут Сибирь бусурманы во владение не надолго“.

Одновременно с окончательным завоеванием Сибирского царства Московское правительство принимало меры к закреплению за собою путей, связывавших вновь завоеванные земли с центром. От Чусовского пути отказались, вследствие малой судоходности горных речек, по которым он шел, и первое время правительственная дорога в Сибирь шла по Вишере и по Тавде. На верховьях Тавды, на реке Лозве, служившей как-бы связью между бассей-

[1]) За исключением Ремезовской „Истории“ в других летописях ничего не говорится о завоевании Ермаком Тюмени, это дает повод думать, что в конце XVI в. Тюмень уже утратила свое прежнее значение и может быть была покинута населением. Рассказ Ремезова в этой своей части нуждается в критической проверке.

ками Иртыша и Камы, в 1590 году был основан городок Лозовой. Из этого городка начато было затем покорение вогульского княжества Пелыма, на Тавде. Расположенное на пути из Руси в Сибирь и сравнительно высоко стоявшее в культурном отношении, Пелымское княжество в XVI веке беспрестанно беспокоило своими набегами пермские окраины. Потребовались довольно большие усилия со стороны русской власти, чтобы его разрушить: первая планомерная попытка в этом направлении была сделана, повидимому, в 1592 г., в 1593 был построен на месте прежней резиденции пелымских князей русский город Пелым и только в 1594 году и то лишь при содействии русского подручника остяцкого (кодского) князька Игичея Алачева удалось одолеть непроходимые дебри вошедшей в состав Пелымского княжества Б. и М. Конды. С уничтожением Пелымского княжества, путь по Тавде оказался совершенно свободным. С открытием новой Бабиновской дороги, оставлявшей в стороне Лозовую и шедшей прямо на Туру, значительно сокращая тем расстояние, Тавдинский путь был, однако, покинут. Лозовой городок был срыт и вместо него в 1598 году был основан на верховьях Туры город Верхотурье. Верхотурье в течение всего XVII века и отчасти в XVIII веке оставался главными воротами в Сибирь, через которые шли все официальные сношения Москвы с Зауральем. В 1600 году ниже Верхотурья на полпути между ним и Тюменью возник Туринск. С постройкой Верхотурья, Туринска и Тюмени в русских руках была закреплена по всему ее течению главная водная артерия, соединявшая Иртыш с бассейном Камы-Туры, и тем самым вновь завоеванное Сибирское царство было прочно связано с центром Московского государства. Только в XVIII в. с развитием Екатеринбургского горно-промышленного района, значение Верхотурской дороги стало падать, т. к. с 1763 года [illegible] более короткий Сибирско-Московский тракт, шедший из Москвы через Кунгур на Екатеринбург, и из Екатеринбурга прямо на Тюмень. Утвердившись в Кашлыке, русские постепенно стали распространять свою власть на „татарские волости", некогда входившие в состав Кучумовского царства. Продвижение на юг, в сторону Барабинской степи было, однако, на первых порах сильно затруднено близостью воинственных и многочисленных кочевых народов: отсюда грозила постоянная опасность со стороны „алтайских" татар, принадлежавших в свое время к улусу Кучума, и особенно со стороны калмыков, [illegible] позднее башкиров. Лишь очень медленно продвигалось русское население на юг от Туры и Тобола. Только в 30-х годах XVII в. с постройкой острогов: Ялуторовского, Тебендинского, [illegible], [illegible] и Тарханского создалась укрепленная черта, [illegible] несколько южнее пределы русских владений, и русские поселения фактически достигли в этом направлении прежних границ Кучумовского царства. Основание Царева Городища, будущего Кургана, относится уже ко второй половине XVII века.

Вверх по Иртышу в течение всего XVII в. Тара оставалась крайним русским городом, и только в первой четверти XVIII века с постройкой Омска,

Железинской, Ямышевского острога и Семипалатинской крепости все течение Иртыша было завоевано русскими. Точно также к XVIII веку относится закрепление под русской властью верховий Тобола (постройка Троицка в 1743 году).

Таким образом, в южном направлении русское продвижение было сразу и надолго остановлено и тем самым было направлено к северу и к востоку, вниз от устья Тобола по Иртышу и на Обь, где мелкие вагульские и остяцкие племена не в состоянии были оказывать серьезное сопротивление русскому оружию. Уже тотчас по занятии Кашлыка Ермаком были вынуждены ему покориться инородческие князьки, юрты которых были расположены в непосредственном соседстве, по нижнему течению Иртыша. В начале 90-х годов более или менее добровольно согласились платить ясак остяцкие князьки, жившие по низовьям Оби, от устья Иртыша и до моря: лянинский князь Лугуй, кодский Игичей, обдорский Василий и казымский Цингон-мурза. В 1593 г. для окончательного подчинения остяцких народцев был построен город Березов. Воинственные остяки не сразу примирились с создавшимся благодаря постройке русского города положением: в 1595 году среди них вспыхнуло сильное восстание, во время которого только что устроенный Березов подвергся большой опасности со стороны дикарей. В 1610 году по волостям Березовского уезда опять разослана была священная стрела с символическим призывом к восстанию, и только благодаря своевременно принятым мерам замысел расстроился. И даже так поздно, как в 1662 году, березовская администрация была серьезно обеспокоена слухами о готовящемся среди остяков возмущении. При покорении при-обских инородцев русские искусно пользовались взаимной враждой между отдельными племенами, и среди туземных князьков не один не оказался „на немирных казакам вожь изрядный.... и верен вельми“. Как общее правило, остяцкие княжеские роды не были истреблены и продолжали под русским владычеством управлять своими племенами, некоторые, как кодские князья Алачевы, оказавшие русской администрации очень большие услуги при покорении соседних племен сохранили некоторое время большую долю независимости. При содействии обдорских и казымских остяков была распространена, правда, в значительной мере, номинально, власть московских государей на самоядь, кочевавшую по приморским тундрам. С целью завершить покорение всего побережья Обской губы, в 1600 году из Тобольска была снаряжена большая экспедиция на реку Таз. По своим размерам и по трудностям, с которыми она была сопряжена, эта экспедиция представляется одной из наиболее крупных того времени. На Тазу была расположена та баснословная Мангазея, которая давно уже была открыта смелыми искателями пушнины из Поморья. Снаряженная на скорую руку, экспедиция на первых шагах потерпела крупный урон: речные суда, из которых она состояла, были не пригодны к морскому ходу“ и, пока на Верхотурье строилась морская флотилия, экспедиционный корпус двинулся от устьев Оби сухим путем

на оленях и в пути подвергся по бывалому за описываемое время „погрому" со стороны самоедов; тем не менее, остатки отряда достигли Таза, на берегах которого и был построен Тазовский или Мангазейский город, послуживший исходным пунктом для дальнейшего завоевания Енисея и Лены.

Одновременно с покорением остяцких племен по нижнему течению Оби, шло продвижение русских от устья Иртыша вверх по Оби. На самом устье Иртыша возник Обский городок на месте укрепленного лагеря зазимовавшего здесь Мансурова. Городок этот просуществовал до 1594 года, когда выше его по Оби был поставлен новый город Сургут, но уже через 4 года после постройки Сургута с целью обезопасить новые владения от опасности, грозившей со стороны воинственного остяцкого князька Вонея, властвовавшего над многочисленной „Пегой ордой", пришлось построить новый укрепленный пункт еще выше по Оби и глубже на восток, в самом центре Пегой Орды Нарым. Постройка Нарыма открывала пути далее вверх по течению Оби, на юго-восток. В 1604 году добровольно отдался под покровительство русской власти эуштинский князь Тоян и бил челом о постройке в его земле города; город и был построен на притоке Оби-Томи, отчего и получил название Томского города. Дальнейшее продвижение на юг было сопряжено с большими затруднениями: русские вступали в „горные" области, населенные бедными и воинственными киргизскими племенами, платившими дань монголам. Помимо природных препятствий, представляемых горной местностью, неизбежно было столкновение с многочисленными завоевателями, собиравшими издавна „алман" (дань) с туземцев, в частности с монгольскими „золотыми царями" (алтын-ханами), господствовавшими в [illegible] Кемчика, власть которых распространялась на пограничные племена инородцев. Только в 1618 году поставлен был в верховьях Томи Кузнецкий острог, и дальнейшее продвижение на юг было затем приостановлено на целое столетие. Даже в указанных пределах русские должны были все время выдерживать борьбу с монголами и калмыками, и киргизские племена, жившие в окрестностях Кузнецка, фактически не только в XVII, но и в XVIII веке не были вполне подчинены русской власти, и русское правительство должно было делить свое право на ясак с алтын-ханами, порою с калмыцкими контайшами. Таким образом, Кузнецкий уезд являлся надолго крайним пределом русского движения в глубь Азии, и только в начале XVIII века с постройкой острога на реке Бии русские стали твердой ногой на верховьях Оби.

Покорением течения Оби и ее притоков в указанных пределах заканчивается один, очень определенный, период в истории завоевания Сибири. Период этот характеризуется тем, что общее направление завоевательной политики остается почти всецело в руках центральных правительственных органов. Весь план завоевания, отдельные задания, очередные задачи—все это вырабатывается в Москве и выполняется мест-

ными воеводами на основании инструкций, составленных в Москве. Московские наказы в деталях предусматривают все подробности той или иной компании, в них даются точные указания, касающиеся военной стороны похода, предписывается порядок комплектования и устанавливается состав экспедиционных корпусов, предлагается готовый стратегический план предприятия. Нередко, даже, особенно в первое время, часть военных сил присылается из русских поволжских городов. Постепенно такой характер завоевания изменяется. По мере удаления от центра дальше вглубь Азиатского материка, правительство утрачивает и способность, и возможность руководить ходом военной оккупации страны. Инициатива переходит в руки местной администрации, и правительство ограничивается в наказах стереотипными предписаниями „радеть о государевом деле“ и поступать „смотря по тамошнему делу“. Организованное наступление уступает место беспорядочному, порой случайному, но безудержному стремлению вперед русского элемента, проникшего за Урал. Впереди идут промышленные люди. По мере того, как „испромышляется“ соболь в Западной Сибири, они в поисках новых „собольных мест“ проникают все дальше на восток и открывают новые „неясачные землицы“. Благодаря варварским приемам ловли пушного зверя „кулемами“ истребление наиболее ценных пород идет необычайно быстро, и также быстро идет вперед движение промышленников все глубже в „неведущие земли“. По следам промышленников, часто на свой страх и риск, небольшими партиями в несколько человек, идут служилые люди сибирских городов для сбора ясака и новооткрытых „немирных иноземцев“, привлекаемые той-же жаждой наживы и надеждой на грабеж и военную добычу. Рядом с промышленными зимовьями возникают ясачные зимовья, в которых служилые люди собирают ясак на государя и „поклонные соболи“ для себя и воевод. Так незаметно расширяется зона русского влияния. Местные воеводы всячески и по соображениям личной выгоды, и по служебным расчетам содействуют распространению своих уездов: по „сказкам“ служилых и промышленных людей они снаряжают в „новые землицы“ небольшие экспедиции, а в тех случаях, когда местных сил не хватает, обращаются за содействием в Тобольск, центр сибирской администрации. Таким образом, дело открытия и завоевания Сибири, с начала XVII века, идет в значительной мере помимо Москвы. Москва вступает в дело лишь тогда, когда нужно завершить начатое завоевание и организовать управление вновь присоединенной области.

Описанный характер носит завоевание Енисея и Лены и их притоков. На Енисей русские проникли двумя путями: южным— притоком Оби —Кетью и северным, через Мангазею. Не позднее 1605 года на Кети вырос Кетский острог, а в 1618 году на волоку между Кетью и Енисеем —Маковский острожек. В 1619 году русскими уже был основан на Енисее Енисейский острог, а через несколько лет выше его—Красноярск. Из Красноярска началось покорение киргизских племен, живших далее к югу. С основанием

Красноярска русские достигли в XVII веке крайней точки своего продвижения по верхнему течению Енисея на юг. И здесь, как на верховьях Оби, они столкнулись с встречным наступательным движением монголов, в частности алтын-ханов. Им не только приходилось делить с ними добычу, но часто удовлетворяться лишь номинальным и временным подчинением жителей „порубежных горных волостей“; в царствование Алексея Михайловича один из алтын-ханов Лаузан пытался даже прогнать русских из Красноярска, произвел опустошительный набег на Красноярский уезд и только опасность со стороны калмыков принудила его отступить. Как и на верховьях Оби, и на Енисее продвижение на юг возобновилось лишь в XVIII веке, когда в 1707 году в Тубинской земле был основан Минусинск. Остановленные таким образом, надолго благодаря близости монголов в своем наступлении на юг, русские из Енисейска стали продвигаться по реке Ангаре (Верхней Тунгуске) на восток, первоначально встречая лишь слабое сопротивление со стороны стоявших на низкой степени культуры тунгузских племен. Этапом в этом направлении послужило основание в 1630 году Илимского острога, послужившего затем одним из важнейших исходных пунктов открытия пути на Лену. Дальнейшее наступление вверх по Ангаре было, однако, сильно замедлено благодаря, отчасти, природным препятствиям, какие представляли например ангарские пороги, и, главным образом, благодаря отчаянному сопротивлению, оказанному обитавшим по верхнему течению Ангары монгольским племенем бурят — „братскими людьми“. Построенный в 1631 году для их покорения Братский острог подвергся разрушению и гарнизон был перебит, и только в 1636 году восстановлена была власть русских. Дальнейшее объясачение „братских“ племен по верховьям Ангары сопровождалось непрерывной борьбой и завершилось выселением значительной части их на юг, под власть родственных им монголов. Для прочного утверждения на берегах Ангары, к югу от Братского острога в 1654 году был построен Балаганский острог.

Другим путем, из Мангазеи, русские пробрались на Енисей несколькими годами раньше основания Енисейска. Поморские промышленники, повидимому, еще в конце XVI века ходили из Таза рекою Вологачкой, „розсохами и Енисейским волоком на реку Турухан, приток Енисея, и в начале XVII века на Турухане, на месте промышленного Туруханского зимовья, возник небольшой, зависимый от Мангазеи административный пункт, сыгравший крупную роль в деле дальнейшего распространения русской власти и впоследствии ставший резиденцией мангазейского воеводы. Отсюда промышленники, а за ними и мангазейские служилые люди разбрелись за пушниной и за ясаком вниз по Енисею до самого устья, по тундрам Пясиды, тянувшейся к северу-востоку от низовьи Енисея: отсюда же они подымались вверх по Енисею в его восточные притоки, в Нижнюю и Подкаменную Тунгуски, покоряя под „государскую высокую руку“ окрестные племена тун-

гусов и инбаков (енисейских остяков). Когда же „около Мангазейского города и Туруханского зимовья и вверх по Енисею реке и снизу Тунгуски реки соболи и бобры „опромышлялись“, промышленные люди „учели ходить вверх по Тунгуске реке далече“, туда, где еще „соболи добрые и всякого зверья много“, а с верховьев Н. Тунгуски перебрались на Вилюй и на „великую реку Лену“. Необходимость защитить промышленников от опасности, грозившей им в этих далеких краях от „сыроедов“ вызвала уже в 1629 году посылку из Тобольска военной экспедиции на Н. Тунгуску и на Лену под начальством Самсона Навацкого „для обороны (промышленных людей) от тех иноземцев“, долженствовавшую придти „до коих мест ходят промышленные люди на промысел“, „и в тех дальних землицах им, промышленным людям, учинить оборонь“, а в 1633 году новую экспедицию под командой Вочка Шахова. На основании данных экспедиции Навацкаго и расспросов тунгуских аманатов, мангазейский воевода Андр. Палицын, по возвращении в Москву, представил проект завоевания Лены, приложив к нему описание и чертеж пути; он сулил распространить русские владения „до востоков солнечных, до переходу великого царя Александра и до превысокого холма Каркаура“, туда, где „обитают люди едыноногие и единорукие“. Движение, шедшее на Лену через Мангазею, столкнулось с подобным же движением, шедшим туда-же из Енисейска. В конце 20-х годов XVII в. открыт был путь с Верхней Тунгуски рекою Илимом и с Илима „Ленским волоком“ на реку Куту, впадающую в Лену, и был последовательно закреплен постройкой острогов на волоку (Илимский острог) и на устье реки Куты. В 1632 г. на Лене был поставлен Якутский острог, а несколько позднее выше его Олекминский и по нижнему течению Лены Жиганские остроги; одновременно были обследованы притоки Лены: Вилюй, на котором енисейские служилые люди уже нашли зимовья мангазейских ясачных сборщиков и острожек, поставленный Вочком Шаховым, и Алдан, на притоке которого Амге, в 1633 году возникло Амгинское зимовье. Енисейские служилые люди не ограничились этими успехами. В 1636 году десятник Елисей Буза, совместно с большой партией промышленных людей, спустился вниз по Лене до устья, вышел в море и морем проехал на устье реки Оленека; в 1637 году одновременно тот-же Буза морем проехал с Лены к устью реки Яны, а другой отряд служилых людей под начальством Посника Иванова сухим путем прошел к верховьям той-же реки, а оттуда в 1639 году на Индигирку.

Эти головокружительные успехи и слухи о богатствах „великой“ реки Лены привлекли внимание и взволновали всех искателей легкой добычи в Сибири. В 1638 году даже из далекого Томска отправлен был на Лену отряд под начальством атамана Дм. Копылова. Несмотря на протесты енисейского воеводы, он проплыл мимо Енисейска в реку Алдан, и основал на устье реки Маи Бутальское зимовье; в 1639 году он отправил часть сво-

ого отряда вверх по Мае: экспедиция поднялась до притока Маи-Ньюдомы, перевалила через горы, вошла в реку Улью и спустилась по ней до моря; на устье Ульи, на берегу Охотского моря было поставлено зимовье, откуда были произведены разведки морского берега к северу до устья реки Тауи, а к югу до устья реки Уда.

Таким образом, начиная с 20-х годов, русские служилые люди, идя по следам промышленников, в неимоверно короткое время обошли все обширные пространства земель к востоку от Енисея до берегов Восточного океана. На Лену и дальше на восток ринулись искатели добычи и приключений отовсюду, изо всех углов русской Сибири, из Мангазеи, из Енисейска, из Тобольска, даже из Томска: служилых людей охватила какая-то горячка: шли вперед на свой риск, в погоне за добычей. Поиски „новых землиц" производились без всякой системы, небольшими партиями служилых людей в несколько человек: „вожама" в эти „далекие от века неведомые земли" являлись промышленные люди, при непосредственном участии которых совершались наиболее рискованные экспедиции. Это были по существу разбойничьи набеги: служилые люди, „пристав под которою землицею приманивали тех землиц людей торговать и имали у них жен и детей и животных и скот грабили и насильства им чинили многия и от государевы высокие руки тех диких людей отгонили, а сами обогатели многим богатством, а государю приносили от того многого своего богатства малое". На Лене столкнулись служилые люди разных городов, и встреча эта была не всегда дружелюбна: между отдельными партиями конкурентов происходили сражения из-за ясака и добычи: „меж себя у тех тобольских и у енисейских и у мангазейских служилых людей для тое своей бездельные корысти бывают бои", говорится в одной царской грамоте: „друг друга и промышленных людей, которые на той-же реке Лене соболи промышляют, побивают до смерти, а новым ясачным людем чинят сумнение, тесноту и смуту и от государя их прочь отгоняют". Эта „смута" и связанные с нею убытки для казны заставили Московское правительство принять очень рациональную меру, а именно послать специальных воевод на Лену, из'яв все вновь открытые земли из ведения наличных сибирских воевод и запретив енисейским, мангазейским, томским и другим служилым людям ходить на Лену. С основанием в 1640 году самостоятельного Якутского воеводства, на самой Лене образовалась прочная база для дальнейшего обследования Восточной Сибири. Из Якутска, в частности, произведено обследование северо-восточного побережья Сибири. В 1644 г. Мих. Стадухин основал Н. Колымское зимовье в стране чукчей. В июне 1648 года большая экспедиция промышленников, снаряженная приказчиком торгового человека Усова—Алексеем Федоровым, с участием знаменитого казака Семена Дежнева, после неудачной попытки в предшествовавшем году, вышла на устья Колымы на шести кочах в открытое море; и после трехмесячного плавания достигла „Большого каменного носа, а тот

нос вышел в море гораздо далеко“ (ныне мыс Дежнева или Восточный), а „живут на нем люди чюхчи добре много, против того же носу на островах (Диомида или Гвоздева) живут люди (эскимосы), называют их зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных“; разразившиеся бури разнесли кочи в разные стороны, большая часть их погибла, коч Дежнева носило по морю „неволею“ и выбросило на берег далеко на юг „прошед Анандырское устье“. Таким образом, Дежнев фактически обогнул северо-восточную оконечность Азии. Одновременно на реку Анадырь стали проникать промышленные и служилые люди также сухим путем. Обследование побережья Ледовитого океана продолжалось и в последующие годы: такова поездка казака Андрея Горелова в устье реки Хрома, сухопутная экспедиция Стадухина до реки Пенжины и т. д. В 1648—49 годах открытия томских казаков на Охотском море были закреплены постройкой Косого острога (будущего Охотска). В течение второй половины XVII века производилось во всех направлениях обследование северо-восточного угла Сибири, завершившееся завоеванием Камчатки в 1697—1699 годах Атласовым. Таким образом, к началу XVIII века русские достигают в этом направлении крайнего пункта Азиатского материка, и перед якутской администрацией уже возникают новые задачи покорения земель, которые „только видеть в море за переливами“ и проведывания „чрез дальную видимую землю“ про „Апонское государство“. Из Якутска же шло об'ясачение земель по верхнему течению Лены, где в 1642 году якутские служилые люди основали Верхоленск, но утверждение русской власти в верховьях Лены встретило отчаянное сопротивление со стороны братских людей, которые одно время грозили даже Усть-Куту и Илимску. С верховьев Лены Якутский пятидесятник Курбат Иванов проник на берега „Святого моря“ бурят Байкала. На верховьях Лены якутские служилые люди опять встретились с аналогичными поисками со стороны енисейских служилых людей. С основанием Якутска приостановлена была дальнейшая деятельность „енисейщиков“ на восток, и их усилия направились на юг, на Ангару, где им также приходилось вести упорную борьбу с воинственными и многочисленными племенами „братских“. В 1647 году енисейский атаман Вас. Колесников обошел северо-западный берег Байкала и закрепил результаты своей экспедиции постройкой острожка на В. Ангаре; в том же году енисейский сын боярский Ив. Похабов перебрался на южный берег Байкала, а в следующем году один из самых выдающихся енисейских служилых людей, Иван Галкин, предприимчивый, смелый, жадный до наживы, неутомимый исследователь и завоеватель „новых землиц“ типичный русский Пизарро, дошел до устья р. Иргени. В 1652 году Похабов построил Иркутское зимовье, чем завершилось покорение пути на Байкал. Одновременно красноярские служилые люди из построенного в 1647 г. Верхнеудинского острога произвели покорение братских племен по притокам Ангары—Оке и Уе и тоже добрались этим путем до Байкала.

Такая-же конкуренция наблюдается и в деле завоевания Амура —„Даурской земли“, как называли русские бассейн этой реки по имени обитавшего по ней народа—дауров. С Байкала енисейские служилые люди перебрались на озеро Иргень и на верховья Шилки; в 1652 году из Енисейска снаряжается туда специальная экспедиция, под начальством Петра Бекетова, которая, впрочем, не имела прочного успеха. Одновременно и Якутские воеводы направляют свое внимание на Амур: в 1643 году снаряжена экспедиция под начальством Вас. Пояркова, который с верховьев притоков Алдана Учура перевалил за реку Зию, впадающую в Амур, оттуда спустился в Амур, в следующем году по Амуру спустился далее до моря и весною 1645 года пошел вдоль морского берега до устья реки Ульи и Ульей и Майей вернулся в 1646 году в Якутск. В том-же 1646 году послана была из Якутска новая экспедиция вверх по Лене до Олекмы, Олекмою до Тугира, а Тугиром до „камня“, „который камень промеж государевой земли и даурской“ с целью „про ту даурскую землю проведать доподлинно“. В 1649 г. при материальной поддержке нового воеводы, энергичного и предприимчивого Дм. Анд. Францбекова, пашенный крестьянин устюжанин Ярофей Павлов Хабаров составил за свой риск и на собственные средства „на своих проторех“ большую военнопромышленную экспедицию: нашел партию „покрученников“, снабдил их за свой счет оружием и запасами и во главе своих „полчан“ произвел опустошительный набег на Амур и захватил городок даурского князька Албазы, который и сделался базой при завоевании этой реки. В 1651 г. он собрал новую партию „охочих людей“, к которым присоединился небольшой отряд якутских казаков, для усиления своего „войска“ и поплыл вниз по Амуру; по пути он брал и жег прибрежные городки туземных князьков, грабил и побивал в „пень“ инородцев, захватывая женщин и детей в полон, собирал ясак. Предприятие Хабарова преследовало в первую очередь интересы и выгоды самого предпринимателя, который исключительно „радел своему прибытку“, но слухи об успехах, достигнутых ею, и о насилиях, которыми она сопровождалась, заставили правительство вмешаться в дело. В 1652 году из Москвы был командирован дворянин Дм. Зиновьев для приема под свое управление новой Даурской земли. После головокружительного успеха частного предприятия Хабарова, как после похода Ермака, наступил период медленного и планомерного завоевания страны, обследованного им. Было приступлено к закреплению пути на Амур постройкой острогов на Тугурском волоку между Тугуром и притоком Зии Уркой и на устьях Урки и Зии; на самом Амуре был поставлен острожек на месте Албазина городка. У впадения Нерчи в Шилку был создан особый военно-административный центр (будущий Нерчинск) с самостоятельным воеводой во главе, откуда и должно было производиться окончательное покорение и устройство Даурской земли.

Однако, на Амуре русские вступали в столкновение с могущественным и высококультурным государством, каким в XVII веке являлся Китай. Китайцы издавна обложили ясаком „рыбокожих“ и „длинноволосых“ дикарей, живших по Амуру, Шилке, Зии и „от реки Зии по иным всем рекам до устья великия реки Амура до моря океана“ и по побережью Охотского моря и, ежегодно из пограничных китайских городов Сан-сина и Нингуты ходили на Амур военно-торговые экспедиции для сбора дани и для меновой торговли с инородцами. Попытка русских утвердиться в этих местностях была вызовом „Китайскому царству“. „Почто-де вы ходите в нашу землю к нашим ясачным тунгузам?“ заявляли „богдоевы люди“ русским ясачным сборщикам: „Вы еще хуже того стали делать“, писал богдыхан в 1683 г.: „и моих ясачных людей имаете и огнем жжете... и вы отнюдь переводу не знаете!“. Китайское правительство пробовало и оружием и дипломатическим путем остановить успехи русских на Амуре. Русские городки неоднократно подвергались нападениям многочисленных и хорошо вооруженных китайских войск, пока, наконец, в 1684 году император Канси не приказал разорить все русские остроги на Амуре. В июне 1685 года после упорной осады пал Албазин, и, когда на следующий год была сделана попытка возобновить укрепления, явилось вновь китайское войско и осадило новый город. Одновременно китайские подручники—монголы стали производить нападения на русские „окраинные города“ на Селенге. В январе 1689 года нерчинский воевода Головин заключил договор с монгольскими тайшами, которым обеспечивался их нейтралитет, а 27 августа того-же года, после длительных переговоров, заключен был Нерченский мир с китайским двором, согласно которого Амур остался под властью Китая и граница определялась к югу по Аргуни и Становому хребту и к востоку по реке Горбице, впадающей в Шилку. Отказ русских от наступления на Амур было не только результатом искусства китайских дипломатов, в частности находившихся на службе у Китайского двора католических иезуитов: и на Амуре, как и на других южных окраинах, русские, при недостатке людей и матерiальных средств, не в состоянии были бороться с большим и хорошо организованным государством. Буринским трактатом 1728 года условия Нерчинского мира были подтверждены в общих своих положениях, и дальнейшее движение русских на юго-восток прекратилось до половины XIX века.

В общем итоге к началу XVIII века русские владения в Сибири почти достигали на севере и на востоке своих естественных границ, образуемых Ледовитым и Восточным океанами, на юге окаймлялись Яблоновым хребтом и Становым и предгорьями Саян и Алтая, а в верховьях Иртыша и Ишима—степями, которые все еще были недоступны русской колонизации, благодаря присутствию в них многочисленных и воинственных кочевых племен и неблагоприятным природным условиям степной местности. В XVIII в. и в первой половине XIX века дельнейшее распространение русских владений шло

в двух направлениях: на северо-востоке на острова Ледовитого и Восточного океана, и на юг к верховьям Оби, Иртыша и Ишима, и Енисея.

Процесс занятия островов, расположенных в морях, омывающих материк Сибири, явился в сущности продолжением того процесса открытия и завоевания страны к северо-востоку от Енисея, который имел место в XVII веке. Главную роль сыграла и тут частная инициатива промышленных и служилых людей, которые в поисках добычи пускались в опасные морские предприятия. Так, в 1711 году камчатские казаки, участвовавшие в бунте местного гарнизона, чтобы загладить свою вину, совершили экспедицию „в мелких судах и байдарах" на Курильские острова и об'ясачили туземцев; несколько позднее якутский казачий голова Шестаков во главе большой и организованной экспедиции обследовал земли чукчей, об'ехал Камчатку и достиг берегов Америки. Но на первом плане и в XVIII и XIX столетиях, как и раньше, необходимо отметить деятельность русских купцов и промышленников. Морские промыслы, в частности бобриковые промыслы на островах Охотского моря, привлекают толпы предприимчивых, жадных до добычи, неразборчивых в средствах людей, которые не пугаясь опасностей, нередко с риском для жизни, открывают неведомые до них острова в Ледовитом и Восточном океанах и „ради Высочайшего интереса" „смиряют" островитян „под высокую руку" русских государей. Ряд торговых экспедиций в 40-х и 50-х г. XVIII в. снаряженных купцами Серебрянниковым, Трапезниковым, Юговым, Толстых и другими, способствовали открытию и захвату Алеутских островов; якутский купец Шалауров в течение нескольких лет обследовал Ледовитый океан к востоку от устья Лены, пока не погиб в одну из своих поездок [1]); после него ряд открытий на Ледовитом океане произведен Ляховым и Протодьяконовым (Ляховские острова). С 70-х годов русские торговые суда начали ездить к берегам „Большой земли", о которой впервые русские услыхали в начале столетия от чукчей,— Америки, и, таким образом „Страна далека и ужасна

„Отважностью близка (становится) вдали".

В 80-х годах уже возникают русские фактории на островах Кадьяке и Ситхе, основанные торговой компанией Шелихова и Голиковых, которая впоследствии была преобразована в Соединенную Американскую компанию. В начале XIX века Американская компания сделала попытку обосноваться в Калифорнии, бывшей под владычеством испанцев, но основанная здесь в 1812 году крепость Росс была упразднена в 1839 году за бездоходностью.

Параллельно открытиям и завоеваниям, производившимся частными лицами за их страх и риск, снаряжались как в XVIII веке, так и в первой половине XIX века правительственные экспедиции, имевшие целью научное обследование побережья Сибири и омывающих их морей. Таковы знамени-

[1]) Им открыты Медвежьи острова.

тые экспедиции Беринга, для разрешения вопроса о проливе между Азией и Америкой; одновременно, в 30-х годах XVIII века имело место систематическое описание всего побережья Ледовитого океана к востоку от Архангельска до Анадыря, произведенное последовательно несколькими небольшими морскими экспедициями (Овцына, Лаптева, Прончищева и других). Из позднейших исследователей достаточно назвать Биллингса, Сарычева, в XIX в. Врангеля.

В результате всех этих промышленных и правительственных экспедиций русские владения распространились, таким образом, постепенно на острова, лежащие к северу и востоку от Сибирского материка. Занятие Курильских островов в Охотском море намечало естественное продвижение на юг от них к островам, входящим в состав Японского архипелага, и действительно в начале XVIII века делаются некоторые попытки „о проведываньe Японского государства". Однако, по местным условиям Японское государство оказывалось слишком могущественным, чтобы с ним можно было бороться силами частных торгово-промышленных компаний, какими произведены были прочие завоевания на Тихом океане. Действительно, уже в 1732 г. при снаряжении второй экспедиции Беринга, ему строго предписывалось „идти для проведывания островов, продолжающихся к Японии", но „накрепко остерегаться", чтобы не попасть во владение „японского хана" или какого-нибудь другого европейского или азиатского государя. Оставался открытым один путь на восток, т. е. к берегам Америки. Слабое испанское правительство было неспособно оказать сопротивление русским промышленникам, которые утвердились не только на пустынных островах, составляющих продолжение Алеутских, но даже в Калифорнии в 50 верстах от Сан-Франциско. Так образовались обширные русские владения в Америке, охватывавшие Аляску и все северо-западное побережье до верхней Калифорнии, в состав которых входили острова Курильские, Шумагинские, Кадьяк, Ситха и Прибылова; все эти земли представляли из себя в сущности частное владение Американской Компании, в заведывании которой они находились до 1865 года. Образование в 80-х годах XVIII века Северо-Американских Штатов и их мощный рост в последующем столетии, должны были, однако, рано или поздно привести к уничтожению этих русских колоний, закинутых в далекий угол Нового Света, тем более что отдаленность от центра и отсутствие капиталов и технических знаний препятствовали эксплоатации даже в самых скромных размерах природных богатств Американских колоний. В 1867 г. русское правительство уступило поэтому все свои владения на территории Сев. Америки и прилегающие к ним острова за очень умеренное денежное вознаграждение Северо-Американским Соединенным Штатам.

Иной характер носит за описываемый период русское наступление вверх по Иртышу, Ишиму и Оби. Русское государство, переживавшее на переломе между XVII и XVIII веками один из самых тяжелых моментов своего

развития, испытывало особенно остро потребность в металлах для удовлетворения своих военных и финансовых нужд. Этим об'ясняется упорное стремление правительства распространить свою власть в Сибири на местности, богатые ископаемыми. Как и в других случаях, оно при этом пользовалось содействием частных предпринимателей. Демидовы первые частные заводчики, обосновавшиеся на Алтае в 1723 году, должны были для охраны своих заводов на свой счет строить крепости, снабжать их артиллерией и содержать гарнизоны, подобно тому, как в свое время Строгановы ставили городки для защиты своих соляных промыслов. Таким образом, русские владения достигли верховьев Оби и врезались в Алтайские горы. Та-же потребность в металлах манило правительство еще глубже в Азию, на юг к Яркенду (Хиве), откуда шли соблазнительные слухи про „песошное золото“ Аму-Дарьи. В этих целях в царствование Петра I было снаряжено несколько экспедиций, план которых был намечен самим императором. Экспедиции эти, впрочем, не имели успеха: Яркенд оказался недоступен для русских. Зато в результате походов в степь весь путь от Тары вверх по Иртышу оказался в их руках и был закреплен постройками ряда крепостей: Ямышевской (1715 году), Омска (1716 году), Железинской (1717), Семипалатинской (1718), Усть-Каменогорской (1720). Таким образом, русские владения достигли в этом направлении естественных границ, представляемых Тарбагатайской горной цепью, которая отделяет, строго говоря, Сибирскую низменность от Туркестана. Продвижение вверх по Иртышу открыло для русской колонизации до тех пор недоступные Барабинские степи. Для защиты новых южных границ от набегов кочевников пришлось воздвигнуть целую сложную систему укреплений; так образовалась в течение XVIII века „Сибирская линия“, определяющая довольно точно этапы русского продвижения в степь. Начало ей положили возникшие еще в XVII веке вдоль по Тоболу городки, имевшие целью защищать пашенные свободы на Туре и на Исети. С конца XVII века в эти „тобольные и исетские остроги“ из Тобольска ежегодно весною высылались отряды служилых людей „на обереговую службу на конех от приходу воинских людей“. Крайними южными пунктами здесь являлось Царево-городище или Курган и Утяцкий острог. Другая линия укреплений в XVII веке шла по Вагаю и по Ишиму, заканчиваясь острогами Абацким и Коркинским (Ишим). Таким образом, уже в XVII веке сложились две укрепленные линии, огибавшие с запада и с востока степь. В XVIII веке укрепленная граница продвинулась сильно к югу. В 30-х годах она шла вниз по Тоболу от крепости Лебяжьей (расположенной южнее Кургана) [1]) и, не доходя Кургана, сворачивала на северо-запад, через Моревский, Арлагульский и Суерский форпосты на крепость

[1]) По Тоболу, кроме Лебяжьей, можно отметить Чернавский и Верхне-Утяцкий остроги.

Омутную и Усть-Ламинскую, где опять поворачивала на юго-запад к Ишиму (Коркина) и далее, делая значительный изгиб в северном направлении (Зудиловский острог) перекидывалась на Иртыш (Большерецкая) и шла по Иртышу, заканчивалась Черлоуцким острогом (несколько севернее Омска). В состав этой Ишимской оборонительной линии входило всего около 60 укрепленных поселков; в общей сложности она охватывала значительные пространства земель, в углу, образуемом Тоболом и Иртышом, дугою огибая степь. В середине XVIII века образовалась новая Пресногорьковская или Горькая линия. Она начиналась тоже на Тоболе крепостями Звериноголовской и Пресногорьковской, несколько южнее старой линии и шла на запад на Петропавловскую, а оттуда на Омск, замыкая, таким образом, треугольник между Тоболом и Иртышем, и в общем совпадая с теперешней южной границей Сибири; с ее постройкой Ишимская линия утратила свое значение. К середине-же XVIII века относится постройка укрепленной линии для защиты Кузнецко-Колыванского горнопромышленного округа на Алтае, проходившей от Иртыша по реке Убе на север через Змеиногорский рудник, Колыванский завод и Белорецкий острог в Мараliху и оттуда на Бийск и на Кузнецк; в 60-х годах ее подвинули несколько к юго-востоку вверх по Убе, оставив к западу Змеиногорск и Колывань. В общем итоге в течение XVIII века была достигнута и стратегически закреплена южная граница современного Тобольского и Томского края. Дальнейшее продвижение в Центральную Азию пошло иным путем и с колонизацией Уральской области и основанием Оренбурга создался новый центр, откуда легче было вести наступление в пределы теперешнего Туркестана.

В середине XIX века происходит резкий перелом в завоевательной политике России в Азии. Рост капитализма, отмечающийся с начала этого столетия, ставил перед правительством новые задачи. Не будучи в состоянии конкурировать с более высокой техникой западно-европейских государств, русская торговля ищет новых рынков, где-бы она была полновластным хозяином. Отсюда активная политика на Ближнем и Дальнем Востоке, первые признаки которой мы наблюдаем в царствование Николая I. На Балканском полуострове осуществление поставленных планов встретило ряд затруднений в виду сложности политических кон'юнктур, складывавшихся вокруг Турецкого вопроса, и столкновения с интересами других европейских держав. Естественно поэтому, что военная политика России направилась в ту страну, где она встречала наименьшее сопротивление, т. е. в Азию. Уже при Николае I намечается завоевание Хивы, но окончательный поворот в сторону устремления на восток должен быть отнесен к эпохе Александра II. Занятие Амура, произведенное по инициативе сибирского генерал-губернатора Муравьева и утвержденное Айгунским договором в 1852 году, знаменует собою переход к новому курсу, который

должен был рано или поздно привести к попытке проникновения в Монголию, Манчжурию и Корею и завершился на наших глазах вооруженным столкновением с Японией. Одновременно завоевание Туркестана при Александре II открывало русской торговле рынки Средней Азии. Следующим этапом в этой области явился экономический раздел Персии между Россией и ее соперницей на востоке — Англией. Таким образом, середина XIX века характеризуется переходом к активной деятельности на Дальнем Востоке. Вместе с тем переход государства от крепостных форм хозяйства к капиталистическим вызывал ряд новых потребностей, на удовлетворение которых должная была быть использована Сибирь с ее непочатыми пространствами удобной для обработки земли, с ее неисчислимыми запасами сырья. Таким образом, середина XIX века является гранью в истории Сибири, когда в ее жизни выступает ряд новых фактов, которых мы почти не замечаем в предшествующую эпоху и, наоборот, постепенно отмирают явления, которые наблюдались в течение нескольких столетий.

II.

Русская колонизация к востоку от Урала в различные периоды своей истории направлялась и руководилась различными задачами и целями. Первоначально в XVI и XVII веках главною целью освоения и заселения территории Сибири была пушнина. За пушниной с незапамятных времен ходили в Югру новгородцы, за пушниной и в позднейшее время ежегодно пускались толпами в далекую, „заморскую“ Мангазею поморские мореходы и промышленники, и еще в XVIII веке за пушниной проникли на острова Восточного океана и к берегам Северной Америки торговые купеческие компании. Пушнина была основной целью и правительственной деятельности за Уралом: ясак, т. е. сбор мехов в виде дани с инородцев и десятая пошлина натурой с русских промыслов были в сущности сначала единственным, зато чрезвычайно сильным интересом, который привлекал Московское государство на восток и ради которого произведена была оккупация страны строились города, содержались гарнизоны, заводилось земледелие. По расчетам Котошихина „соболиная казна“, поступавшая из Сибири и из восточных областей Европейской России, достигала грандиозной ценности в 600,000 рублей и составляла около трети тогдашнего доходного бюджета государства [1]). За отсутствием благородных металлов „Соболиная казна“

[1]) До конца XVII столетия мы имеем более скромные цифры. В 1676 году мягкой рухляди из Сибири поступало на 103.467 руб., в 1677 году только на 74.982 р. (Русск. Ист. Библ. т. VIII № 12). По бюджету 1680 г., изданному Милюковым (Госуд. хозяйство России), оклад поступлений из Сибири (почти исключительно мягкой рухлядью) определялся в 143,610 р., что составляло более 13% всего окладного денежного бюджета.

до известной степени играла в финансах XVII века роль современного золотого фонда. При недостатке металлических денег, меха шли и на жалованье служилым людям, и на награды боярам и духовным лицам, и на подарки иностранным „потентатам“, на милостыню восточным церквам. Но главное значение этого фонда „мягкой рухляди“ заключалось в том, что он давал возможность правительству сосредоточить в своих руках всю внешнюю торговлю мехами и вместе с тем ссужать московских купцов пушным товаром для торговли. Таким образом, при крайней примитивности тогдашних финансов, слабом развитии денежного оборота и полном почти отсутствии торгового кредита, сибирские меха, поступавшие в казну, являлись не только одним из наиболее крупных средств для поддержания колеблющегося московского бюджета, но и одним из важнейших факторов торговой жизни государства, и еще в 1739 году императорское правительство не считало возможным перевести ясак на деньги из опасения „великого ущерба“ казне „для того, что соболи и прочие звери не без прибыли в торг употребляются“.

Преобладающим значением пушнины в первый период колонизации Зауралья во многом об'ясняется самый характер открытия и завоевания Сибири, в частности быстрота, с которой оно произошло. По мере того, как истреблялся соболь во вновь открытых землях, русские промышленники стремились дальше на восток, не задерживаясь в старых становищах, и страшась новых опасностей, вслед за ними и часто с ними вместе продвигались и служилые люди, перебираясь с одной реки на другую, в лихорадочных поисках все новых „неясачных“ инородцев, новых плательщиков ясака и „поклонных соболей“. Зимовья, основанные промышленными людьми и ясачными сборщиками на далеких—сторонних речках, вырастали постепенно в административные центры, из которых производился в последующее время планомерный сбор ясака с дикарей и таможенных пошлин с промышленников. В XVIII веке пушнина продолжает играть значительную роль в истории распространения русского владычества в Сибири. Котиковые промыслы на Охотском море послужили поводом к очень быстрому захвату русскими лежащих в нем островов и далее к образованию русских факторий на Американском материке. Однако, в XVIII веке в связи с общим экономическим развитием России значение пушнины в государственном хозяйстве постепенно падает и делается второстепенным. Знаменательным в этом отношении является отказ правительства в 1769 году от обязательности уплаты ясака мехами с предоставлением инородцам права платить его деньгами.

В XVIII веке возникает новый и очень важный фактор Сибирской колонизации—это горная промышленность. Создается новый интерес, который в течение следующих полутора столетий руководит деятельностью правительства в Сибири, заслоняет постепенно все прочие интересы и делается господствующим.

Первые попытки эксплоатации ископаемых богатств Сибири относятся уже к царствованию Михаила Федоровича, когда под влиянием опыта Смутного времени впервые возник в жизни молодого государства целый ряд новых потребностей. К этой эпохе относится открытие первого железоделательного завода в Туринске и первые находки руды на реке Нице. Однако развитию горной промышленности даже в местностях, ближе расположенных к центру, препятствовало отсутствие технических сил. Местная сибирская администрация относилась в течение всего XVII века совершенно безучастно к этой отрасли государственного хозяйства. „Полно руды заводить!“ отвечал в 1637 году тобольский воевода, кн. Темкин-Ростовский иностранцу, предлагавшему свои услуги по розыску железной руды в Верхотурском уезде. Однако, военные потребности и потребность в валюте, особенно сильно выросшие к концу XVII века в связи с изменившимся международным положением Московского государства, заставили обратить более серьезное внимание на подземные богатства Сибири. В 16[illegible]0 году по сибирским городам рассылается повеление „разведывать и рассматривать подлинно, есть-ли серебряная и золотая и оловянная и медная руды и буде где какие руды есть и по те руды посылать и опыты чинить“. С 70-х годов начинается разработка руд на реке Невье, в Мурзинской слободе. В конце 90-х годов правительственная деятельность в этом направлении принимает необычное оживление. С 1697 года соответствующие пункты вносятся в воеводские наказы, а в 1700 году в Москве основан особый „приказ рудных дел“, свидетельствующий о важности значения, которое придается горной промышленности. Одновременно усиливается работа на местах. В 1699 году приступлено к постройке железоделательного Невьянского завода; в том же году на р. Каштак командируется специалист горного дела грек Левандиан для поисков серебряной руды, в 1704 году тот-же Левандиан положил начало разработке серебряных рудников в Нерчинском уезде и построил сереброплавильный завод на реке Алтаче, впадающей в Серебрянку, приток Аргуни, на месте прежних китайских приисков. Вместе с тем, правительство принимает меры к привлечению частной предприимчивости для разработки горных богатств Сибири. В 1702 году известному горнопромышленнику Демидову уступлен Невьянский завод, в 1713 году ему предоставляется право производить поиски металла в других местах, а в 20-х годах он направляет свои усилия в сторону „Золотых гор“ — Алтаю, где в 1723 г. им открываются богатые залежи меди и вслед затем основан первый завод на Алтае—Воскресенско-Колыванский. В течение XVIII века в этом горном районе, до 1717 года остававшемся в руках Демидова, а потом перешедшим в казну, возникло еще семь заводов и в первой четверти XIX века — два. В двадцатых и тридцатых годах XIX столетия были открыты золотые россыпи в Восточной Сибири, и к концу изучаемого периода уже насчитывалось 207 приисков в разработке у частных предприни-

медей, кроме того 7 — 8 казенных приисков на Алтае и приблизительно 40 в Нерчинском округе. Некоторое понятие о размерах горной промышленности в Сибири, за изучаемый период, могут дать цифры добычи благородных металлов. В Нерчинском округе ежегодная добыча серебра, совершенно ничтожная в первые годы (1705 — 1 пуд 22 фунта 6 зол., в 1711 году — 11 пудов 26 фунтов 4 зол.) к 1765 г. достигает 200 пудов, а к 1776 году даже 629 пудов, после чего добыча начинает опять падать (в 1830 году—250 пудов 33 ф. 81 з., в 1840—204 п. 25 ф. 51 з., в 1849 г.—145 п. с небольшим и, наконец, в 1850 году всего 65 пудов). Всего с основания (1704 году) до 1852 года на Нерчинских заводах выработано более 26½ тысяч пудов серебра. На Алтайских заводах добыча серебра определялась в 1830 году в немногом более 1000 пудов, и эта цифра удерживается до середины столетия. Что касается золота, то в 1833 году в Нерчинском округе добыто всего 6 ф. 39 зол., в 1843 г.—10 п. 7 ф. [illegible] з., в 1850 г. 71 п. 17 ф. 94 з.; на Алтайских заводах в 1830 г.—[illegible] ф. 1 з., в 1840 г.—32 п. 37 ф. и в 1850 г.—40 п. 6 ф. 7 зол., на частных приисках в 1829 году—1 п. 10 ф 11 зол. в 1839 г.—159 п. [illegible] ф. 55 з. и в 1850 г.—1035 п. 21 ф. 41 зол. Таким образом, в XVIII веке и в первой половине XIX—„неисчерпываемые" горные богатства Сибири делаются важнейшей отраслью государственного хозяйства империи; страна соболя и чернобурой лисицы в глазах, как самих русских, так и иностранцев превращается в „золотоносную" страну рудников и копей, в источник „несказанных" ископаемых богатств. Неудивительно, что горная промышленность надолго делается основным нервом всей экономической жизни Сибири. Правительство целым рядом указов привлекает частных предпринимателей к разработке местных горных богатств, предоставляя им различные льготы. В колонизационной правительственной деятельности на первом плане стоит забота о снабжении горнопромышленных округов рабочими руками: местные крестьяне целыми волостями приписываются к заводам и в рудники направляются тысячами ссыльные, в этих целях используются все без исключения приговариваемые к каторжным работам и организуется Сибирская каторга, которая заменяет собою Рогервик и другие места каторжных работ. Для защиты горных округов воздвигается линия военных укреплений по всему течению Иртыша, в частности Колыванско-Кузнецкая линия. Наконец, стремление расширить районы добывания металлов руководит правительством в военных действиях по направлению к Хиве и в продвижении на юг и в окончательном занятии подгорных кряжей. Словом, начиная с Петра I, горнозаводское дело в Сибири является главным стимулом всей правительственной деятельности в крае.

К началу XIX века намечается, однако, один новый мотив, которому впоследствии суждено сыграть решающую роль в деле заселения Сибири.

Впервые, еще слабо, возникает мысль об использовании Сибирских территорий для целей широкой колонизации вне зависимости от тех узких задач, которые ставились в связи с эксплоатацией природных богатств Сибири. Хотя уже в XVII веке „дебрь плодовитая на жатву и скотопитательные места, пространные зело“, привлекали в юго-западные области Сибири колонистов-земледельцев, правительству очень долго оставалось чуждым сознание государственной важности земледельческой колонизации, как средства под'ема экономической жизни страны в целом. Сибирь заселялась лишь постолько, поскольку это представлялось необходимым сперва для организации вывоза пушнины, позднее—для разработки ископаемых богатств. Еще Сперанскому Сибирь представлялась только как „прекрасное место для ссыльных, выгодное для некоторых частей торговли и богатое для минералогии, но не место для жизни и высшего гражданского образования“, а его современник, известный историк Сибири, Словцов писал в 1826 году, что в ней „земледелие, и в тесном и пространном смысле взятое, не представляет широких надежд“. Впервые, очень еще слабо, начинает мелькать мысль о Сибири, как о большом земельном фонде государства, заслуживающем более интенсивной эксплоатации, и о возможности воспользоваться этим фондом в обще-государственных целях, в последнее десятилетие XVIII века. Эту мысль высказал Фишер в предисловии к своей „Сибирской истории“, отметив, что Сибир, „еще очень пуста и рассуждая по обширности ее, могла-бы еще пропитать несколько миллионов людей“. Потребность в таком колонизационном фонде уже ощущалась в это время в России, и этой потребностью об'ясняется устройство в царствование Екатерины II ряда академических экспедиций для обследования окраин России, в частности Сибири (знаменитое путешествие Палласа в 1768—1774 годах, Лепехина, Георги, Фалька). Занятие Крыма и северного побережья Черного моря, открывшее новые колонизационные пространства на юге, лишь временно удовлетворило назревшие нужды разраставшегося государства. Признаки нового направления в деле колонизации Сибири уже совершенно определенно выражены в законе 1799 года о заселении Забайкалья. В предисловии к этому закону указывалось ясно и точно, что „полуденный край Сибири, одаренный от природы как плодотворным кряжем земли, так и благорастворенным климатом, населен мало и не приносит той пользы, каковую-бы государство от него получить долженствовало“. Исходя из этих соображений правительство наметило систематический план заселения указанных местностей в целях развития земледелия, скотоводства и фабричной промышленности. „Положение для поселений в Сибири“, изданное в 1806 году, в развитие закона 1799 года, ставило вопрос много шире и создавало особую организацию для развития переселенческого дела во всей Сибири. Таким образом, постепенно вырабатывался общий план колонизации Зауралья. Однако, в жизнь этот план проводился очень нерешительно, с

большой неуверенностью, и в 1812 году переселение было совершенно приостановлено, и только в 1822 году, по представлению Сперанского, допущено было переселение казенных крестьян в Сибирь. В 30-х годах правительство приступает к образованию переселенческих участков, и в 1837 году создается в этих целях особый орган: „Сибирское межевание“. Устав 1843 года, устанавливая порядок переселения казенных крестьян, уже определенно указывал государственный смысл такового, как средства „излишние руки в одних местах обратить к возделыванию пространств втуне лежащих“; тем не менее, через несколько лет (в 1846 году) был издан новый указ о строгом преследовании самовольных переселений казенных крестья. Таким образом, в течение первой половины XIX столетия постепенно вырабатывалось представление о государственном значении земледельческой колонизации Сибири, и были сделаны некоторые слабые попытки к планомерному осуществлению такой колонизации, но условия экономического быта крепостной России мало способствовали развитию переселенческого дела. Передвижение больших масс земледельческого населения за Урал было очень затруднительно, так как долго оно было прикреплено к частновладельческим и казенным землям; переселение частновладельческих крестьян вообще было фактически невозможно, переселение крестьян казенных разрешалось, как исключение с соблюдением целого ряда стеснительных условий. Государство, построенное на основах крепостного права, с трудом и медленно приспособлялось к новым формам государственного хозяйства, а интересы привилегированного землевладения Европейской России, питавшегося подневольным трудом, были мало совместимы с широкой колонизационной политикой. Даже после реформы 1861 года развитию переселенческого дела препятствовало опасение „вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении“. В общем итоге, законодательные положения первой половины XIX века скорее намечают дальнейший ход колонизации Сибири, чем начинают собой новый период. Этот новый период начался только с падением крепостного права.

III.

Следующий вопрос, который приходится осветить, это вопрос о том, как в течение изучаемого периода происходило самое заселение Сибири русским элементом, какие группы русского народа и по каким соображениям шли за „Камень“ и на каких социальных основах складывалась жизнь в зауральской колонии.

Несомненно, что основным мотивом, приведшим в конечном итоге к захвату и колонизации Сибири, являлась вековая тяга промышленного населения северо-восточных областей России дальше на восток — на промыслы.

Движение русских торговых и промышленных людей за Урал началось в очень древние времена, когда с Печоры новгородские промышленники добрались сначала до Урала, а затем проникли и в зауральскую Югру. Для XVI века имеется уже целый ряд совершенно точных сведений о большом числе русских, направлявшихся на промыслы в Сибирь. Герберштейн поместил в своем сочинении о Московии описание пути, которым они ходили из Поморья за Урал. В середине XVI века английские мореплаватели встречались с партиями промышленных кочей, следовавших в устье Оби. При первом своем появлении в Березовском уезде московские воеводы и служилые люди уже нашли здесь промышленных людей, которые издавна ходили туда по им одним известным дорогам; в Мангазее, городу поставленному по распоряжению правительства в 1600 году предшествовали городки, поставленные промышленниками. Важнейшим путем, каким промышленные люди проникали за Урал был старый новгородский путь Печорою. На этом пути в XVII веке процветал Устюг, где скрещивались важнейшие торговые артерии — Двиною на Архангельск, Вычегдою и Вымским волоком на Печору и „через Камень“ в Сибирь, Сухоною на рынки Среднего Поволжья: в Ярославль, Москву и Н. Новгород, р. Югом в Вятку, и где происходила встреча Сибирской пушнины с красными „немецкими“ товарами Архангельска. Этим путем ежегодно пробиралось за Камень несколько сот промышленных людей, и расходились по Енисею и по Лене. О размерах промышленного движения в Сибирь в первой половине XVII века дают некоторое представление следующие цифры. В Мангазею приходило торговых и промышленных людей, по их собственному отзыву, „человек по 500 и по 700, и ссоболиных промыслов приходило каюков по 100 и по 150... а всяких... людей о с‘езде ярморочном (в Туруханске) с‘езжалось для торгов человек тысячи по две и больше; у многих... у одного человека ужин (т.-е. наемных покрученников на промыслах) по 50, а в товару у одного же тысячи по две и по три и по пяти и больше“. Так в 1626 году из Туруханска пошло в Тунгуски на промыслы 501 человек, в 1628 году в Мангазее перебывало 928 чел., в 1630 году на Русь из Мангазеи выехало 1270 человек, в 1634 г. прибыло в Туруханское по Тунгуске с промыслов 887 человек, а летовало в Туруханске 127 человек, всего 1014 человек, в 1637 г. из Туруханского пошло на промыслы 243 чел., вернулось с промыслов 586 чел., всего 829 и т. д. В 1642 году из Якутска было отпущено на промыслы 870 чел., выехало на Русь 233 чел., 21 человек пошло на пашенные работы, всего зарегистрировано в таможне 1131 чел. промышленных и торговых людей. Добыча, которую промышленники вывозили на Русь, была очень велика: в 1630 году с промыслов в Мангазею привезено было 847 сороков 28 соболей (т.-е. более 33.800 соболиных шкурок), в 1638 году из Мангазеи вывезено на Русь всякой мягкой рухляди на 35.256 руб. (т.-е. приблизительно 530.000 руб. до-военного времени), в том

числе 755 сороков 34 соболей (более 30.200 шкурок), в 1641 году из Якутска вывезено мягкой рухляди на 31.763 руб. с копейками (т.-е. приблизительно 475.000 руб.) [1]).

По происхождению своему эти промышленники в главной своей массе принадлежали к выходцам из русского Поморья, преимущественно восточной его части. Это, во-первых, население приморского побережья к востоку от Двины, живущее близ моря или на реках, у впадения их в море: холмогоры, мезенцы, кевролцы, из состава которых выходили те бесстрашные мореходы, ходившие из года в год на морские моржевые промыслы, которые открыли Новую Землю и на своих плоскодонных кустарных кочах не боялись огибать берега северной Европы и Азии, среди них встречался не один „по морю староход и знатец“, „которому морской ход за обычай и который морские пути знает“. Второе место занимают жители крупных центров торговли пушниной на Печерском пути: Устюга и Соли-Вычегодской с их уездами. Не особенно многочисленна, но сыграла большую роль в деле промышленного открытия Сибири группа полу-русского, полу-инородческого населения, разбросанного по лесным пустыням Печорского края и ютившегося в нищенских промышленных слободках на берегах Вычегды и Печоры: зыряне и вымичи. Очень незначительную, но крупную по размеру своих торгов и промыслов группу составляют представители больших торговых городов Московского государства: Москвы, Ярославля, Н. Новгорода и Казани. Великий Новгород тоже посылал своих промышленников за Урал, и в этом, может быть, следует видеть отголосок тех очень далеких времен, когда Печорский путь принадлежал новгородцам.

В социальном отношении вся эта масса резко делилась на две группы. Меньшинство составляли торговые люди, возившие в Сибирь для продажи русским людям и для мены с инородцами „русские“ товары „на сибирскую руку“ или-же „на остяцкую руку“ и „на якутскую руку“ (главным образом предметы продовольствия, мануфактуры, железные и медные изделия, кожи и обувь, и для дикарей бисер, бусы, олово и т. д.) и организовывали в широком масштабе промышленные экспедиции за соболем. Свои операции они редко производили лично, чаще через своих родственников, приказчиков или людей. Главную массу составляли промышленные люди, либо промышлявшие за свой счет и риск („своеужинники“) соединяясь в артели или в одиночку, либо „покрученики“, не имевшие ни собственного снаряжения, ни своего продовольствия, и нанимавшиеся „крутившиеся“ на промыслы к богатым предпринимателям. Из таких покручеников приказчики торговых людей образовывали под руководством опытных „передовщиков“ ватаги, достигавшие значительных размеров (15 человек, даже 30—40) для посылки на промыслы „в сторонние реки“. Предприниматель снабжал каждого по-

---

[1]) Принимая по Ключевскому рубль около 15 руб.

крученика „ужиной“, т.-е. охотничьим снаряжением („соболиной снастью“), продовольствием, одеждою и средствами передвижения, за это получал с него две трети добычи. На тех же началах „покруты“ снаряжались большие военно-промышленные экспедиции, имевшие целью не только соболиные промыслы, но и об'ясачание инородцев, вроде экспедиции приказчика Усовых Федора Алексеева, приведшей к открытию пролива между Азией и Америкой, и особенно знаменитого по грандиозности замысла и размером похода Ярофея Хабарова в Дауры.

Своими промышленными экспедициями торговые и промышленные люди в значительной степени способствовали открытию и завоеванию Сибири. По следам промышленных ватаг шли, как мы видели, служилые люди, руководствуясь „сказками“ промышленных людей. При недостатке военных сил даже походы, снаряжавшиеся администрацией производились с участием и при содействии промышленных людей. Обычно для покорения немирных иноземцев посылались очень небольшие отряды служилых людей, нередко в несколько человек, к которым добровольно присоединялись в большом числе промышлявшие в окрестных зимовьях промышленные люди. Так образовывались те силы, посредством которых распространялась власть московского государя па новыя неясачныя землицы. Помимо участия в открытии и завоевании территорияй, торговые и промышленные люди способствовали также в большой степени заселению Сибири. По существу они составляли очень подвижную массу, которая то и дело перебиралась взад и вперед через Урал, то в Сибирь, то обратно на родину, то опять на промыслы в Сибирь, и в самой Сибири беспрестанно кочевала по разным уездам, в поисках новых охотничьих угодий, то крутясь к богатому предпринимателю, то промышляя за собственный счет. В этих постоянных передвижениях часть „гулящих“ промышленных людей оседала в Сибирских городах, образуя первоначально очень немногочисленный класс неслужилых горожан, „жилецких людей“, из которых постепенно складывались посады. Другие, облюбовав угожие пахотные места, заводили заимку, где-нибудь „на пустом месте, где и русские люди мало бывали“ и призывали на пашню к себе таких-же „гулящих“ людей, как они сами. Третьи поступали на убылые места служилых людей, и сибирские гарнизоны преимущественно пополнялись из числа тех-же промышленных людей.

Восемнадцатый век в истории Сибири есть век крупных торговых промышленных компаний. Выходцы из Европейской России совместно с промышленниками и купцами, осевшими в сибирских городах, захватывают в свои руки на многопольных началах все местные промыслы и торги. С сороковых годов до конца столетия на сибирской почве возникает до 40 монопольных компаний, и этот процесс экономического захвата Сибири торгово-промышленными организациями увенчивается созданием в 1799 году Российско-Американской Компании, получившей исключитель-

ное право „пользоваться всеми промыслами и заведеньями по берегу Америки, также на островах Курильских, Алеутских и других, по северо-восточному океану лежащих“. Деятельность этих и подобных компаний, продолжавшаяся и в первой половине XIX века, служит непосредственным продолжением тех торговых и военно-промышленных предприятий, какие мы наблюдали в XVI и XVII веках, и „Российский Колумб“, рыльский купец Григорий Шелехов, создатель русских колоний в Северной Америке, является типичным преемником тех бесстрашных поморских мореходов, которые еще за два столетия до него ходили в своих утлых кочах в „златокипящую“ Мангазею.

Наряду с наплывом промышленных людей с середины 80-х годов XVI века началась правильная военная оккупация зауральской территории силами и средствами правительства. В этих целях был с первых шагов построен ряд укрепленных городков. Первоначально эти городки преследовали исключительно стратегические задачи, строились наспех „вдруг“ из легкого дерева и бросались по миновении в них надобности. Так срыты были Лозовый город, Обский городок, так точно и Нарым был собственно поставлен „на одну осень, покамест проведут волость под . . . царскую руку и ясак возьмут сполна“. Эти укрепленные лагеря, возникшие по соображениям стратегическим, как средство завоевания, затем, подобно римским „Castra“ в завоеванной окраине, принимал характер постоянных военно-административных пунктов. Таково происхождение большей части городов, основанных в первые два десятилетия после завоевания. Некоторые из них возникли на месте становищ промышленников, вроде Мангазейского города, который и в позднейшее время сохранял внешний вид укрепленной торгово-промышленной фактории. Основной задачей после завоевания был сбор ясака с инородцев, и большинство из городов Восточной Сибири выросло из укрепленных ясачных зимовий. Военное происхождение сибирских городов отразилось на их внешности. Они долго сохраняли вид лагерей в неприятельской земле, окруженных деревянными палисадами с деревянными башнями по углам и над воротами и снабженных артиллерией на случай „шатости“ среди инородцев. Очень небольшие по своим размерам, они с трудом вмещали в своих стенах административные учреждения: воеводский двор, с'езжую избу, амбары для хранения хлебных запасов и соболиной казны, пороховые погреба, церковь и тесно сбитые в одну кучу дворы служилых людей и лишь медленно обростали посадом с неслужилым населением. Из этих городков производился сбор ясака с инородцев. Те из ясачных людей, которые жили в окрестностях города и уже более или менее привыкли к русскому владычеству, сами привозили в город свой ясак. Этот приезд ясачных людей был целым событием в жизни сибирского города. Дикари располагались лагерем под его стенами, в назначенный день, князцы в сопровождении лучших людей несли торжественно ясак в с'езжую избу, где их ожидал воевода в парадном „цветном“ платье,

по пути стояли служилые люди „на стойке“, и с городских стен стреляли из пушек; прием заканчивался угощением ясачных людей и служилых, участвовавших в параде. Для сбора ясака с инородцев, кочевавших вдали от города и еще плохо замиренных, посылались особые ясачные сборщики из числа служилых людей; они везли с собою „аманатов“, т. е. заложников, наличность которых гарантировала до известной степени безопасность сборщиков и правильный взнос ясака. Приехав на место, сборщики располагались в „ясачном зимовье“, обычно избушке, построенной у устья той или иной реки. Туземцы приходили к зимовью, чтобы поглядеть на своего аманата, который окованный сидел внутри избы, в „казенке“, и внести ясак; они не решались входить внутрь и бросали ясак в окно, с своей стороны и служилые люди, „боясь убойства“ не выходили из зимовья, принимали ясак в окно и в окно-же давали ясачным людям „государево жалованье“, состоявшее из бисера, одекуев (бус) и олова. В местностях с многочисленным и воинственным населением, ясачные зимовья укреплялись частоколами и башнями и имели вид небольших городков. Кроме сбора ясака, из тех же городов производилось дальнейшее объясачение „немирных“ инородцев, причем, как мы видели, инициатива принадлежала самим служилым людям, которые из соображений личной выгоды стремились распространить пределы русских владений. Для всех указанных целей в городах приходилось держать значительные гарнизоны служилых людей, которые первоначально были образованы, не считая участников первых экспедиций, в частности товарищей Ермака, из служилых людей, переведенных на жительство в Сибирские города из городов Европейской России. В дальнейшем гарнизоны вербовались путем набора добровольцев в русских городах и уездах, а также пополнялись из местных элементов, преимущественно из промышленных людей, зашедших в Сибирь на промыслы. Значительный контингент составляли ссыльные служилые люди, присылавшиеся из метрополии „в государевой опале“, в том числе иностранные военнопленные, чаще всего литва и черкасы. Наконец, в состав гарнизона входили и туземные элементы в лице отдельных остяцких, и вагульских князьков, принявших крещение и совершенно обрусевших, а в Тобольске имелся особый корпус, приблизительно в 250 человек, „кучумлян“, т. е. служилых татар. Пестрые по своему составу гарнизоны и по численности своей были разнообразны в зависимости от стратегического и административного значения отдельных городов. В Тобольске в 1678 году основная часть гарнизона состояла из 1912 человек, в том числе 256 служилых татар и столько-же человек литвы и других новокрещенных иноземцев, из них 56 человек было разослано на государевы службы на Лену и в Дауры; кроме того в Тобольске числилось в этом году вновь набранных полков рейтаров и драгун, обучавшихся европейскому военному строю и обслуживавших не только Тобольский, но и соседние уезды — 876 чело-

век. В одном из важнейших пунктов Восточной Сибири, в Якутске в 60-х и 70-х годах гарнизон состоял из немногим больше 600 человек. В Мангазее в период ее расцвета местный гарнизон долгое время не превышал 50 человек, в подмогу которому на летнее время присылались из Тобольска и Березова столько же человек „годовальщиков“; в 1630 году местная администрация по собственному почину прибрала еще 50 человек, но одновременно с этим прекратилась посылка „годовальщиков“. В небольших острогах гарнизоны состояли всего из нескольких десятков человек. Служилые люди в XVII веке много способствовали развитию земледелия в Сибири; большинство из них, не довольствуясь скудным хлебным и денежным жалованьем заводили собственную пашню. В 20х-годах в Тобольском уезде служилым людям принадлежали, например, 82 деревни с 101 двором, а в Тюменском уезде из 222 отмеченных всего в 1623 году деревень, им принадлежало больше половины — 132.

В XVIII веке энергичное продвижение на юг и создание военных линий по степной окраине и на китайской границе потребовало значительного усиления военных контингентов Сибири. Поселение служилых людей вдоль Иртышской, Ишимской и Колывано-Кузнецкой линий, производившееся постепенно, начиная с 20-х годов XVIII в., завершилось в 1808 г. образованием одного Сибирского линейного казачьего войска, в котором первоначально числилось приблизительно 6000 человек, но которое в течение первой половины XIX в. сильно увеличилось благодаря причислению к его составу крестьян окрестных уездов и переселению в 1849 году нескольких тысяч малоросов из Полтавской губернии и к 1852 году достигало уже числа 35.774 человек м. п. Точно также после установления границы с Китаем в 1728 году, для охраны ее был сформирован казачий корпус в 1000 человек, который и нес сторожевую пограничную службу совместно с инородческими бурятскими и тунгусскими полками; в 30-х годах XIX в. образовано было особое Забайкальское казачье войско, положение о котором было издано в 1851 году; в этом году в нем числилось около 8000 человек м. п. После захвата При-Амурья, когда тем самым граница сильно уклонилась к юго-востоку, для защиты ее было принудительно переселено несколько сот казачьих семей из Забайкальского войска. Приемы комплектования Сибирских войск и в XVIII веке, и в начале XIX имеет много сходного с приемами, практиковавшимися в предшествующую эпоху. Значительный контингент по прежнему поставляла ссылка. Указом 1766 года предписывалось, например, определять в военную службу присылаемых на поселение „за продерзости“ помещичьих людей; в 1799 году издан указ о выписке в сибирские гарнизонные полки офицеров, за проступки против субординации. На службу в Сибирь направляли поголовно целые группы боеспособного населения, почему-либо признаваемые неблагонадежными на родине. Так в 1760 году расселены среди сибирских казаков — казаки донские; в 1763 г. сформировано для защиты Сибири несколько полков из беглых российских

подданных, вывезенных из Польши; в 1770 г. поселены на сибирских линиях ссыльные запорожцы. В Забайкальское и Амурское казачье войско в большом количестве зачислялись штрафные чины; достаточно сказать, что в состав Амурского войска таковых вошло более 2000 человек. Как новый прием, приходится отметить обращение в военную службу местных крестьян, свидетельствующее о значительном увеличении населения Сибири. Образование военных линий и линейных войск явилось одним из важных факторов не только в деле обороны страны, но и развития в ней земледельческой культуры, так как в противоположность городским гарнизонам, линейные казаки представляли из себя по существу своему скорее вооруженных крестьян, чем регулярныя войска, и жили, главным образом, сельским хозяйством; согласно положения 1808 года казакам Сибирской линии были предоставлены, например, наделы по 6 дес. на душу, сенокосы и рыбные ловли на Иртыше.

Необходимость содержать в Сибири большие гаризоны, с самого первого появления русских на сибирской территории, ставила вопрос о продовольствовании местных военных сил. Это был больной вопрос московской политики в течение всего XVII века. Уже армия Болховского сильно пострадала от неорганизованности дела снабжения. Московское правительство всячески подходило к разрешению продовольственной задачи в Сибири. Оно пробовало разрешить ее путем ежегодной присылки хлеба в Сибирские города из Европейской России. Обязанность поставлять „сибирские хлебные запасы“ была возложена на поморские города (Пермь, Вятку, Устюг, Соль-Вычегодскую, Вымь и одно время Устьянские волости). Повинность эта, чрезвычайно тяжелая, вызывала беспрестанно жалобы и ходатайства со стороны населения Поморья, временами отменялась, временами заменялась либо всецело, либо отчасти денежными взносами, но в общем продолжала существовать до 1685 года. Один из самых талантливых сибирских администраторов XVII века кн. Юрий Яншеевич Сулешев произвел громадную реформу в деле снабжения продовольствием сибирских служилых людей, обложив частных землевладельцев сбором хлеба (пятый или четвертый сноп) в пользу казны и установив взыскания десятой пошлины натурой с хлебных запасов, привозимых для продажи в Сибирь. В критические моменты сибирская администрация прибегала к учету и принудительной реквизиции хлеба у частных лиц. Наконец, делались попытки снабжать продовольствием дальние города подрядным способом. Единственным рациональным выходом было развитие земледелия в самой Сибири. В этих целях принимаются некоторые меры уже с конца XVI века. Попытки заставить инородцев сесть на пашню и собирать с них хлеб „за ясак“ дали ничтожные результаты, и правительство оказывалось вынужденным приступить к организации „государевой пашни“ силами русских переселенцев, которые получали земельныя наделы под условием обработки в пользу казны известного количества десятин и представления известной части урожая. „Государева пашня“ преследовала

очень определенные и узкие цели, „чтоб в Сибири пашню завести большую и хлеба напахати на весь склад сибирским служилым людям и ружникам и всяким оброчникам на жалованье и на неокладные расходы, чтобы вперед из поморских городов и из Казани хлебных запасов не посылати, а исполнить тамошнею пахотою“, иначе говоря, имелось в виду исключительно снабжение хлебом местных гарнизонов. Для создания контингента “пашенных крестьян“ прибегли к принудительным мерам. В приморских городах производился „прибор“ с сох (т. е. с окладных земельных едениц) известного количество пашенных людей „в Сибирь на житье“, причем население по разверстке должно было снабжать поселенцев живым и мертвым сельскохозяйственным инвентарем и денежной подмогой. Наряду с „прибором“ практиковалась „ссылка на пашню“, первые случаи каковой относятся уже уже к концу XVI века. При царе Михаиле Федоровиче, за 10 лет из 560 человек сосланных в Сибирь — 348 было сослано в пашню; например, в 1633 году сразу была сослана в пашню партия военнопленных в 73 человека. В конце XVII в. имел место также принудительный набор „гулящих людей“, т. е. бродяг и лиц без определенных занятий, „чтоб такими людьми“, как гласил указ 1699 года: „пашни прибавить“; указу подлежали все скитающиеся „под образом нищеты“ „гулящие“, „здоровые мужики, кои работать смогут“, под угрозом жесточайших кар, до повешения включительно. Однако, принудительное поселение на пашню не имело ожидаемых благоприятных последствий. Большинство этих поселенцев, принуждаемое к земледельческим занятиям, были люди „не пашенные“, которых приходилось отдавать „в наук“ местным крестьянам; они отлынивали от работы, бросали пашню, бегали, жили нищенством, а воеводы выбивались из сил, водворяя их обратно на пашню. Московское правительство очень скоро убедилось в бесцельности такого принудительного развития хлебопашества и в необходимости привлекать иными путями силы на Сибирскую пашню. Приходилось „призывать“ „из охочих и промышленных людей вновь ласкою“; добровольным поселенцам выдавались в виде ссуды „подможные деньги на под'ем, на дворовое строение, на платье и на всякие обиходы“ и в ссуду же хлеб „на семена и на емена“, а также инвентарь: скот, сошники, косы, серпы. В поморские города посылались служилые люди для набора таких „охочих людей“, или-же желающих вызывали через посредство „бирючей“. Наряду с правительственными заботами о развитии „государевой пашни“ очень рано наблюдаются признаки сельскохозяйственной колонизации, шедшей непосредственно из народа, помимо правительства. Всякие „гулящие люди“ из-за Урала — промышленные люди, беглые крестьяне, проникая в пределы Сибири, захватывали „угожия пашенные места“ и заводили „заимки“.

Захваты носили случайный, часто временный характер: бросали одну заимку, выбирали новую, пока, наконец, не пускали корней. Обзаводясь хозяйством, поселенцы иногда выхлопатывали себе ссуду, но часто обходи-

лись без нее, брались за пашню „изо льгот", т. е. под условием неплатежа повинностей в течение нескольких лет. Среди них некоторые носят характер крупных предпринимателей, они не только за свой счет „без государева подмогу и без ссуды" заводят собственную пашню, но и призывают на свою землю других крестьян, на свой счет „без государева подмогу и без ссуды" заводят собственную пашню, но и призывают на свою землю других крестьян, на свои личные средства „подымая" их и ссужая их своими животинками. Так образовались частновладельческие „слободы", поселки, устроенных за счет частных „слободчиков". Правительству в его стремлении развить землепашество в Сибири приходилось тоже прибегать к содействию частной предприимчивости: привлекали „слободчиков", которым предлагалось на известных условиях призывать пашенных людей и образовать слободу в намеченном администрацией месте, причем земля „для новой селитьбы" давалась „на льготу" с тем, чтобы слободчик „строил пашенную слободку и призывал на то место с Руси вольных охочих людей, не с пашни и не с тягла и не боярских и не монастырских".

В общем итоге в течение XVII века в Сибири наблюдается некоторое развитие землепашества, и уже князь Сулешов, в царствование Михаила Федоровича, хвалился, что его стараниями „хлебные запасы в Сибири учали сбираться больше прежних годов" и что „хлебными запасами стали в сибирских городах пропитаться и без присылки поморских городов". Однако в действительности результаты за столетие были далеко не столь блестящи и к концу его местным хлебом вовсе не обеспечивались скромные задачи продовольствования сибирских гарнизонов. В 1698 году всего в казну поступило с казенной пашни и оброчного хлеба около 37.800 четв., а в следующем году около 58.300 четв., не хватило на местные нужды в первом случае более 30.000 четв., во втором около 22.000. Этот грандиозный дефицит очень наглядно показывает незначительность достигнутых успехов. Медленное развитие пашни в XVII веке, не смотря на видимые усилия правительства, обусловливается в значительной мере нерешительностью и двойственной его собственной политики. Оно было заинтересовано в развитии сельскохозяйственной колонизации, поскольку это было необходимо для содержания служилых людей в Сибири; вместе с тем, оно опасалось, чтобы рост пашни не шел в ущерб основному интересу казны в Сибири — ясачному сбору, так как расширение запашки могло привести к сокращению охотничьих угодий. Отсюда постоянные колебания, нередко приводившие к мероприятиям довольно неожиданного свойства, вроде насильственного выселения пашенных крестьян из под городов, достаточно обеспеченных хлебом, в новые места или даже распоряжений об уничтожении поселков, по ходатайству о том инородцев.

В существенных своих чертах правительственная политика в отношении к развитию землепашества и в XVIII веке осталась та-же, как и в

предшествующий период. Военное продвижение на юг открыло руским колонистам доступ в плодородные степные окраины, куда и хлынули с Руси переселенцы, покидавшие родные места „с голода“, прослышав, что в южной Сибири „землями довольно и место хлебородно“.

Эта колонизация шла, однако, помимо правительства. Правительственная-же политика держалась прежнего взгляда на сибирское хлебопашество, исключительно как на средство обеспечения продовольствием местных войск. Создание линий и усиление военных контингентов Сибири потребовало, естественным образом, и новых мероприятий в указанной области. Так, в целях снабдить продовольствием Верх-Иртышских крепостей в 1763 году состоялся указ о заселении местностей по рекам Бухтарме, Ульбе и по Иртышу (против Семипалатской, Ямышевской и Омской крепостей), причем поселенцам отводилось по 5 дес. под посевы и выдавался хлеб на обсеменение и весь необходимый живой и мертвый инвентарь. Состав поселенцев был очень пестрый: отставные солдаты, вольножелающие крестьяне из других Сибирских уездов и, главным образом, по прежнему ссыльные: помещичьи люди, отправляемые в Сибирь за проступки против господ с зачетом за рекрут, освобожденные колодники, приговоренные за маловажные проступки и т. д. Все отрицательные стороны принудительного труда наблюдались в XVIII веке не менее ярко, чем в предыдущем столетии. Местная администрация непрерывно жалуется на „леность, иначе-же непривычку тамошнего народа к пахоте земель“, и в этом отношении были бессильны учреждавшиеся для наблюдения за ними судебные конторы и особые „надзиратели“ из отставных офицеров и угрозы ссылать крестьян, не желающих обстраиваться на отведенных им участках, в работу в Нерчинск. В тех местностях, где хлебопашество было сравнительно широко распространено, правительство мало заботилось о его дальнейшем развитии: крестьяне целыми уездами отписывались к горным заводам, причислялись к казачьим войскам. Словом, земледелие, как таковое, еще в XVIII веке не рассматривалось как самостоятельная цель колонизационной политики в Сибири, а исключительно как вспомогательное средство для поддержания горнозаводской промышленности и, главным образом, как способ обеспечить содержание войск на границах. В общем итоге, несмотря на расширение площади запашки и увеличение земледельческого населения, общее состояние земледельческой культуры в Сибири в XVIII веке был еще очень низко. В целом ряде уездов продолжали пользоваться суррогатами хлебных злаков, и Сенат в 1764 году предписал даже сибирской администрации способствовать не только заготовке, но даже разведению всяких кореньев и злаков, заменяющих хлеб.

Первые слабые признаки изменения в колонизационной политике правительства в Азии намечаются только на грани между XVIII и XIX столетий, когда впервые, как мы видим, зарождается мысль воспользоваться

Сибирью, как земледельческой колонией, и на За-уральскую территорию начинают смотреть, как на принадлежащий государству обширный земельный фонд, который может быть использован для развития земледельческой культуры и для удовлетворения земельной нужды коренного населения России. Указ 1799 г., явившийся выражением новой правительственной точки зрения на задачи заселения Сибири, заключал в себе широкий план сельско-хозяйственной колонизации Забайкалья. Приемы заселения „полуденного края Сибири“ оставались старые. На намеченные места должны были быть направлены принудительно в течение десяти лет 10.000 чел. поселенцев трех категорий: отставные солдаты, преступники, не подлежащие отправке в каторжные работы, и крепостные, сдаваемые от помещиков с зачетом за рекрут. Им отводились земли между Байкалом, В. Ангарой, Нерчинском и Кяхтою, по 30 десятин на душу, причем обзаведение ссужалось казною. В результате указа 1799 года в 1805 году за Байкал прибыло 2197 поселенцев, в 1803 году в Иркутск их прибыло 3548 человек и в 1804—3013. Согласно доклада, представленного в 1805 году сенатором Лабой, общее число их в Сибири было 11.745 человек. Не все из этих поселенцев попали за Байкал: часть была зачислена местной администрацией в военную службу, многие по состоянию здоровья оказались непригодными для сельских работ, многие погибли вследствие дурной организации; наконец, известная часть устроилась помимо правительства неизвестно где и как.

Общие итоги правительственной деятельности были, в общем чрезвычайно скромные. К 1810 году окончательно устроенными считалось только 6.775 человек. Тем не менее шаг, сделанный правительством очень знаменателен, и обозначает поворот в сторону новых колонизационных задач на востоке. Правительственная колонизация вызвала волну вольных поселенцев из Европейской России, привлеченных слухами о новых и плодородных землях на восточных окраинах: так, в начале 1803 года поднялись казенные крестьяне Александровского уезда Кавказской губернии, и правительство, после некоторых попыток „отклонить их от сего трудного перехода“, оказало им в этом отношении содействие. Положением 1806 года для добровольного переселения казенных крестьян из центральных губерний открыты были пространства благодатного Томского края. Однако, постоянные колебания правительственной политики в этом вопросе и условия крепостного труда мешали широкой постановке дела переселения и только с изданием в 1843 году „уставе о благоустройстве в казенных селениях“, земледельческая колонизация Сибири пошла несколько более быстрым темпом. В Сибирь направлялись крестяне из малоземельных губерний. Переселенцы получали размежеванные участки земли, снабжались живым и мертвым инвентарем и освобождались на первое время от податей и повинностей. За пятнадцатилетие с 1846 по 1860 г. в одной Тобольской губернии зарегистрировано приблизительно 40.000 переселенцев из казенных

волостей Европейской России. Наряду с узаконенным переселением, производившимся с разрешения и под руководством правительства, продолжалась и усиливалась тяга „беглых" не поддающаяся какому-либо учету. Но все это является лишь очень слабым шагом в сторону сельско-хозяйственной колонизации Сибири. Крепостное право, насильственно удерживавшее крестьянское население Европейской России, являлось в этом отношении непреодолимым препятствием; переселение шло в разрез интересам владельческих групп, и нарушать их не могло государство, само построенное на основах крепостного права. Только с освобождением крестьян возникает возможность широко поставить переселенческое дело. 1861-й год и является в этом вопросе поворотным моментом переселенческой политики правительства и только с 60-х годов начинается история Сибири, как земледельческой колонии.

Наряду с снабжением русских служилых людей продовольствием, тотчас по завоевании Сибири, перед правительством стала другая неотложная задача удовлетворения духовных религиозных потребностей тех-же служилых людей, закинутых в самую глубь „басурманства" и „кумирослужения". Во всех вновь строимых городах и острогах в первую очередь, по предписанию из Москвы или по почину самих служилых людей, строились церкви, и правительство заботливо снабжало вновь возникавшие храмы всяким церковным обиходом: иконами, книгами, колоколами, и т. д. Очень рано возникают в Сибири и монастыри; цель их была часто служебная, сибирские монастыри обслуживали исключительно нужды тех-же служилых людей; это были убежища, „за их службы и раны, где-б при смертном часу головы свое преклонити". Таким образом, по выражению летописи, „солнце евангельское землю сибирскую и святые Божие церкви и монастыри создавшася во славословие Отцу и Сыну и С. Духу, в прибежище-же православным христианам". В 1621 году в Сибири была уже учреждена особая архиепископская кафедра, патрональной святыней которой сделался собор Св. Софии в Тобольске. Одной из самых ответственных задач правительства явилось обеспечение отдаленной окраины духовенством: „а в Сибире-же попами скудно", как писал в 1637 году преосвященный Нектарий в Москву. Для удовлетворения этой потребности правительство прибегало к обычным своим приемам. Это был, во-первых, добровольный или принудительный „прибор" духовенства в русских городах, какой имел место, например в 1635 году, когда Вологодскому архиепископу было предписано прибрать 5 черных и 10 или 12 белых попов „небражников", „людей добрых, крепкостоятельных, духовных учителей" для посылки в Сибирь с подмогою от остального духовенства и с жалованьем от казны, всего-же по всем епархиям было набрано 60 человек. Далее, ссылка давала довольно большое число духовенства, чрезвычайно, впрочем, низких нравственных качеств. Наряду с этим, были случаи, добровольного предложения услуг со стороны

тдельных духовных лиц. При такой пестроте состава, общий уровень сибирского духовенства был очень не высок. Более или менее принудительно набранные или даже сосланные, эти духовные лица при первом удобном случае бежали обратно на Русь; возвращаемые насильно, они чинили всякую смуту, подавали доносы на свое начальство, ссорились между собою и с администрацией. Общее состояние двора Св. Софии было такого, что преосв. Нектарий, человек „пустынный“, скромный, и плохой администратор, пришел в отчаяние и бил челом об отставке на покой. Общее увлечение наживой охватывало и духовенство, из среды которого мы встречаем энергичных скупщиков пушнины. При таких условиях, трудно говорить о серьезном культурном влиянии Церкви в Сибири. Пропаганда христианства среди туземцев почти не имела места, тем более, что правительство долгое время с большим тактом запрещало крещение инородцев из опасения, что новокрещены обрусеют и выйдут из ясака. Только в царствование Петра Великого круто изменяется политика правительства в этом вопросе. Под влиянием ложно понимаемых идей протестанского рационализма, издаются указы, предписывающие у инородцев „кумиры и кумирницы и нечестивые их чтилища, и то пожечь“, а самих инородцев, „божиею помощью“ приводить в христианскую веру.

В этой сфере получил большую известность преосв. Филофей, который в бытность тобольским архиепископом и позднее, покинув кафедру, с небывалой энергией и нередко в высшей степени решительными средствами водворял христианство среди сибирских инородцев. С этих пор начинается широкое, но крайне поверхностное, нередко сопровождавшееся насилием, чисто внешнее обращение инородческого населения в христианство. Воспринимаемые внешним образом, из соображений выгоды или страха, проповедуемая на непонятном языке, новая религия не могла иметь действительного влияния на культурный быт дикарей, тем более, что состав духовенства в XVIII веке и даже в первой половине XIX века в Сибири в качественном отношении мало отличался к лучшему от состава в XVII веке.

Зато приходится отметить очень крупную колонизационную роль Церкви в Сибири. В этом направлении она действовала с большой энергией. Примером может послужить история земельных владений Тобольской архиепископской кафедры „дома св. Софии“ при первом сибирском архиепископе Киприане, положившем начало земельному фонду св. Софии. На землях принадлежавших архиепископии, было поселено всего 68 крестьян; его приемник, пр. Макарий, оставил 124 крестьян, пр. Нектарий 427 человек. Такую же деятельность проявляли и монастыри: Тобольский Успенский монастырь за тридцатилетие с 1612 по 1642 год приобрел обширную Вагайскую вотчину, 10 деревень и одну заимку, всего 87 дворов с 185 крестьянами, обрабатывавшими 346 четв; у Тобольского Знаменского монастыря в 1621 году числилось 50 крестьян, в 1642—260, в 1660—402, а

через 100 лет в 1760—2140. Туруханский монастырь, основанный в дикой и безлюдной тундре, первые 20 лет влачил жалкое существование, так что монахи питались „травою и рыбою“, а в 1678 году он уже владел более 1½ тысяч десятин земли, доход с которых определялся приблизительно в 600 пудов хлеба и около 7000 пудов соли в год. Хозяйственная деятельность монастырей способствовала таким образом значительному расширению земледельческой культуры в Сибири: иноки „лесные места расчищали своими трудами и работами наемными людьми и деревни построили и прибрали в крестьяне вольных гулящих людей на ту расчищенную пахотную землю... и пахали-де тое... землю теми крестьяны и собою, наемными людьми“ Однако, и тут развитию колонизационных успехов Церкви мешало невыясненное и двойственное отношение правительства к этому вопросу. С одной стороны, оно поощряло расширение церковного землевладения, чтобы облегчить дело снабжения хлебом сибирского духовенства, и архиепископу внушалось, „чтоб он впредь на государево хлебное жалованье не надеялся и строился с своею пашнею“, с другой—воеводам предписывалось „смотреть накрепко“ чтобы архиепископ не захватывал вновь земель, и неоднократно издавались указы, имевшие целью прекращение дальнейшего увеличения церковных владений и производились ревизии в тех-же целях. Общие итоги колонизационной деятельности Церкви за XVII и начало XVIII в. в. дают данные II ревизии, согласно которым крестьян духовного ведомства числилось 11.148 душ м. п.

Наконец, с первых же годов русского владычества за Уралом перед правительством стал вопрос об организации сообщений между центром и отдаленной окраиной. Уже в конце XVI века принимаются меры к устройству дорог, ведущих в Сибирь: при прокладке „новой дороги“ на Верхотурье „мостов мостили... через речки, буераки и грязные места“. Как ни плохо („узко и худо“) была расчищена эта дорога, еще сложнее оказалось наладить по ней самый процесс передвижения. Попытка возложить всю подводную гоньбу всецело на инородцев окончилась неудачей: дикари „от подвод разбегались, живут по лесам в незнаемых местах“. Поэтому, хотя правительство, никогда не прекращало пользоваться их услугами, оно очень скоро увидало себя вынужденным завести специальные „ямы“ на наиболее оживленных трактах путем прибора и поселения в важнейших транзитных пунктах партий „ямских охотников“ из русских. В 1599 году царь Борис, вследствие жалоб вогулич на тягости ямской гоньбы, указал завести ямы по верхотурской дороге, и соответственно этому в 1601 году основаны были ямские слободы на Верхотурье и на Тюмени, а в царствование Михаила Федоровича—устроен был Демьяновский ям близ Тобольска. Ямские охотники прибирались частью на месте из „прихожих гулящих людей“ и сибирских поселенцев, частью в поморских уездах, как это имело, например, место в 1635 году, когда в Поморье было прибрано 86 человек ямщиков

для поселения в Тобольском уезде. За исполнение ямской гоньбы сибирские ямщики получали определенное денежное жалованье, наделы пашенной земли и сенокосы. Всего их числилось с детьми и братьями в Верхотурье в 1624 году—65 человек м. п., на Тюмени в 1630 году—171 человек, в Демьяновской слободе в 1635 году—86 человек. В таких ничтожных размерах началось ямское дело в Сибири; оно развивалось в течение XVII века, и в тридцатых годах XVIII века число ямщиков здесь определялось в 6700 человек слишком. В последующие столетия забота правительства о сибирских путях сообщения и об их обслуживании проявлялась с еще большей силой: в XVIII веке деятельно идет принудительное заселение трактов соединяющих главнейшие города Западной Сибири, в 1763 году прокладывается новая Екатеринбургская дорога из России.

Только в конце 50-х годов XIX века, в связи с общим поворотом колонизационной политики России в Азии в сторону широких начинаний в Азии возникает мысль о соединении Сибири с метрополией посредством железной дороги, мысль, осуществленная лишь в 90-х годах.

Развитие горной промышленности в Сибири в XVIII веке явилось новым и очень сильным фактором в истории ее колонизации. Как мы видели, горная промышленность делается в этом столетии основным предметом заботливого попечения правительства, оценившего громадное значение этой отрасли государственного хозяйства, и вместе с тем целью стремлений и усилий частных предпринимателей, ищущих личных выгод. Эксплоатация ископаемых богатств требовала привлечения на рудники, на прииски и на заводы большого числа рабочих рук. Приписка к Алтайским заводам окресного крестьянского населения лишь отчасти удовлетворяла на первых порах эту потребность. Местных сил не хватало, и нужно было так или иначе доставить их из-за Урала. Правительство и в этом случае прибегало к обычным в предшествующем столетии приемам прибора и ссылки. В первую очередь нужны были специалисты горного дела. Для этих целей использованы были шведские пленники, „которые обретаются в Сибирской губернии и имеют искусство в рудных делах".

Далее принимались меры к привлечению на службу на сибирские казенные заводы дворян и чиновников, которым на новых местах отводились деревни (дворянам по 10 дворов, по указу 1737 года, чиновникам по 5 дворов), под условием, чтобы они оставались там на житье и детей своих подготовляли к горному делу. Неквалифицированные рабочие руки давала ссылка. С тех пор как выяснилось государственное значение горной промышленности, преступников, как общее правило, начинают ссылать преимущественно на рудники и на заводы. Туда направляются отдельные категории преступников, например, в 1730 г. рекруты нанесшие себе увечье в целях уклонения от службы, в 1732 г. банкроты, в 1736 году монахи, надевшие на себя светскую одежду и т. д. Очень рано, наряду с такими

сепаратными указами, наблюдается тенденция сделать ссылку на горные работы общей мерой в отношении ко всем лицам, подлежащим отбыванию каторги. Так, все преступники, освобожденные от каторги в силу манифеста о Ништадском мире, подлежали отправки на Нерчинские серебряные рудники. В 1736 г., по представлению начальника горного округа Татищева, был издан указ, коим повелевалось всех колодников, „которые есть и впредь будут“ подлежать вечной ссылке, отправлять именно на сибирские заводы. Указом 1760 и 1769 г. устанавливалась для колодников, приговоренных к смертной казни или каторге, ссылка на Нерчинские заводы вместо ссылки в Рогервик и в другие места. В 1800 году издан общий указ о ссылке всех вообще преступников на Нерчинские заводы. Таким образом во второй половине XVIII веке и на практике и в законодательстве ссылка на каторгу превращается в средство снабжения рудников и заводов Сибири недостающими им рабочими силами. Устав 1822 года стоит на той-же точке зрения, когда он предписывает осужденных на каторгу направлять на фабрики и на заводы, и предлагает сосланных на поселение также использовать в первую очередь на пополнение заводских работников.

Развитие горной промышленности отразилось, однако, не только на усиление ссылки, но также и на развитии вольной колонизации Сибири. На горные заводы и промыслы потянулись из-за Урала всякие „беглые“. Правительственные ревизии неоднократно костатировали на Демидовских заводах присутствие значительных партий таких „беглых“. Правительство заинтересованное в расширении деятельности горных заводов, не только смотрело сквозь пальцы на это явление, но и узаконивало его. В течении XVIII века неоднократно издавались указы, предписывавшие не высылать с казенных и с „партикулярных“ заводов об'явившихся на них после ревизии рабочих и мастеров, а приписывать их к заводским волостям, причем за беглых крепостных людей их владельцы должны были получать вознаграждение, и только платонически выражалось запрещение в будущем вновь принимать таковых на заводы.

Из тех-же соображений правительство временами направляло на заводы другие пришлые элементы в Сибири, вместо того, чтобы возвращать их в Европейскую Россию: так в 1719 году были поселены при Алтайских заводах все незаконно явившиеся в Сибири по ревизии. К концу изучаемого периода (на 1 янв. 1852 года) мастеровых и рабочих на казенных заводах в Сибири состояло около 33.000 человек м. п., считая малолетков, престарелых и отставных, сверх того, около $5^1/_2$ тысяч ссыльных, работавших в Нерчинских рудниках. К этим цифрам надо присоединить крестьян, приписаных к Алтайским звводам, которых числилось по ревизии 1851 года — $136^1/_2$ тысяч человек м. п. На частных золотых приисках в 1852 г. было занято около 31.000 человек, из них более половины, по разсчетам Гагемейстера, „состояло из ссыльно-поселенцев, а $^1/_8$ из крестьян Великороссий-

ских губерний". Таковы общие итоги горнозаводской колонизационной деятельности. „До 200.000 душ м. п., писал в 1854 году Гагемейстер: „или 1/7 часть населения Сибири, участвует в добыче минералов, кроющихся в ее недрах".

Гор. В условии колонизации Сибири медленно развивался город в смысле постоянного торгово-промышленного посада. До конца XVII века сибирский город в значительной степени сохраняет характер военной крепости, под стенами которой ютится временное становище „приезжих" русских промышленников. В Таре, например, в первой половине XVII веке совсем нет посада; в Мангазее посад населяется на несколько месяцев в году, когда в ней собираются проездом с Руси на Енисей или обратно торговые и промышленные люди и пустует, когда они раз'езжаются: тоже самое наблюдается в Якутске, который служит временной стоянкой для промышленников, ждущих „отпуска" на Лену. Это случайное пришлое население составляет большинство также в Верхотурье, где в 1645 году из 849 человек — 617 отмечены „Гулящими". „Посадские люди" — владельцы дворов — немногочисленны даже в таких сравнительно крупных центрах как Томск, где в 1635 году из общего состава населения в 719 человек только 72 посадских, а в 1666 году их еще меньше — 35 человек и в Тобольске, где в 1624 году на 325 дворов служилых людей приходится только 53 двора посадских, а в 1641 году числилось всего 88 посадских людей, но из них 14 человек заложилось за архиепископа, 18 человек убежало, и оставалось фактически только 56 человек, число которое к 1655 году повышается до 98. Состав посада образуется, во-первых, принудительным путем из ссыльных, во-вторых отчасти из обрусевших инородцев „новокрещенов"; в Тобольске рядом с русским посадом существовала „татарская слобода", где жили „юртовские" татары и бухарцы. По главную массу посадских составили случайно зашедшие в Сибирь и случайно-же осевшие здесь элементы: это — промышленные „гулящие люди", которые остались жить в том или ином городе, сделались „тутошними жилецкими людьми" и которых записали в посад; пополнялся посад также пашенными крестьянами, которые по той или иной причине „из пашни" переходили в пасад, „сдав" кому-нибудь другому свой пашенный участок. Несмотря на медленный рост городов, уже в XVII веке намечаются те начала, которые должны способствовать их развитию в будущем. Соседство с культурными центрами Азии делало их важными пунктами, в которых мог сосредоточиться транзитный торг с Востоком. Русские унаследовали еще от царства Кучума налаженные торговые сношения с Бухарой; через посредство бухарских купцов завязалась торговля с Китаем, а в последнюю четверть XVII столетия установились непосредственные торговые сношения с Китаем, куда ежегодно стали ходить караваны русских торговых людей с товарами. В пограничных городах шел меновой торг с калмыками, обыкновенно обеспечиваемый выдачей с их стороны заложников.

Торговое значение Верхотурья делается заметно уже в царствование Михаила Федоровича, когда мы находим в нем гостинный двор с 60 абмарами и 13 лавок; точно также в Тюмени имелся гостинный двор с 24 абмарами и 13 лавок и 9 мясных полков. Размеры торгового оборота в Тобольске в первой половине определяется цифрой таможенных пошлин, достигавшей более 5.000 руб., не считая более 1000 р. от'езжей пошлины. В торговле посадские люди имели, однако, сильных конкурентов в лице служилых людей; так, в Тобольске в 1655 году на долю служилых людей падало больше половины всего торгового капитала; конкурентами им являлись и пашенные крестьяне, которые перебирались в город и жили здесь своими дворами, не записываясь в посад, и особенно архиерейские закладчики. Еще опаснее была конкуренция туземных купцов. Бухарцы держали в своих руках почти весь привоз восточных товаров и долгое время были, как сказано, исключительными посредниками в торговле с Китаем; тобольские бухарцы образовали в Тобольске влиятельную корпорацию, пользовавшуюся доверием администрации и сумевшую приобрести ряд льгот и привиллегий. На ряду с бухарцами в Тобольск проникали индусские купцы.

В XVIII веке отмечаются признаки заметного роста городских поселков в Сибири. В частности наблюдается наплыв в города крестьян „изрядных и добрых землевладельцев", которые, по выражению одного современника, „поставляют земледелие самопоследнейшим и гнуснейшим и подлейшим упражнением" и которых городская „роскошь" „блеском своим" привлекает к себе „из их, можно сказать, праведного и безгрешного пребывания". Примером роста Сибирских городов может служить Иркутск: в 1698 году в нем числилось 110 домохозяев и при них 127 человек детей и захребетников; по переписи 1722 уже считалось 937 посадских м. п. и 2.444 разночинца, всего 3.381 человек, к которым надо прибавить несколько десятков цеховых, в 1744 году—1750 посадских, 2004 разночинца, 271 приписных в цех, 54 помещьих людей, всего 4079 человек; в 1825 году население Иркутска опредилялось в 7906 человек м. п. и 6505 ж. д., всего 14.297 чел., а в 1851 году—в 16.795 чел. обоего пола. Рост сибирских городов XVIII и в первой половине XIX века находится в непосредственной связи с развитием торговли. Особенно важное значение получила для Сибири китайская торговля, сосредоточенная в Кяхте, особенно после того, как при Екатерине II прекратилась отправка в Китай казенных караванов и она всецело перешла в частные руки; она открывала „верный сбыт" пушным товарам Сибири во владении Российско-Американской компании и, таким образом, способствовала оживлению экономической жизни страны. „Провоз кяхтинских товаров" говорить Гагмейстр „разливал по всей Сибири и Восточной России, на протяжении 6000 верст, несколько миллионов рублей". К концу изучаемого периода обороты Кяхтинской торговли достигали 16 миллионов, причем главное участие в них постепенно перешло от куп-

цов Европейской России к местным сибирским купцам. После Китайской торговли довольно крупное значение имели торговые сношения с Киргизской степью и с Ташкентом, производившиеся преимущественно через Петропавловск и Семипалатинск: в 1852 году привоз из Киргизской степи через эти две таможни определялся в сумме приблизительно 785.500 рублей а из Ташкента—в 307.600 руб. Торговлей с азиатскими странами в значительной степени питались сибирские города Тюмень, Томск, Петропавловск. Иркутск в средине XIX века уже являются торговыми городами с большим количеством лавок; но даже в отрезанном от прочего мира Якутске отмечается торговое оживление, выразившееся между прочим, в увеличении числа лавок с 1823 по 1851 года—с 20 до 149. Экономический рост городов нашел себе яркое выражение и в том участии, которое крупное купечество Иркутска и других городских центров начинает играть в политической и общественной жизни Сибири. Иркутск в начале XIX века выступает с чертами „маленькой республики", в которой необузданная смелость и дерзновение „местного купечества" („дерзких людей, непокорных начальству"), „со всегдашним, однако же против начальства возмущением", неоднократно приводили даже к смещению неугодных городу губернаторов. Отмечая признаки, указывающие на рост городской Сибири в XVIII и в начале XIX веков, приходится, однако, иметь в виду, что рост этот весьма относителен. В 1851 году в Сибири имелось всего 5 городов с населением, превышающим 10.000 человек обоего пола, и такое слабое развитие городской жизни за изучаемый период совершенно естественно, если принять во внимание редкость населения и недостаток производительных сил. Начало городской культуры в пределах Сибири принадлежит, строго говоря, концу XIX столетия, когда проведение железнодорожного пути вызвало общее оживление ее экономической жизни.

Если подвести итоги тем способам, какими производилось заселение Сибири за изучаемый период, то их можно свести к трем способам: это, во первых, „прибор", т. е. отчасти принудительное, отчасти добровольное переселение, организуемое правительством в интересах государственных; во вторых ссылка и, наконец, стихийное народное народное движение, шедшее самопроизвольно, помимо и нередко против желания правительства.

„Прибор", как мы видели, практиковался особенно широко в первое столетие по завоевании Сибири. Посредством „прибора" были созданы первые контингенты сибирских военных сил, было привлечено духовенство и были организованы государева пашня и ямская гоньба, позднее заселены были важнейшие тракты и пограничные линии. „Прибор" был двоякого рода: в одних случаях правительство принудительно переводило на службу в Сибирь нужных ему людей, в других—прибегало к вызову добровольцев—„охочих людей".

„Ссылка“ сыграла большую и разностороннюю роль в деле заселения Сибири. Начиная с XVIII века Зауралье рассматривается преимущественно как „место, прекрасное для ссылочных“, и Сибирь принимает характер колонии преимущественно штрафной, и только во второй половине XIX века эта точка зрения начинает уступать более серьезным государственным соображениям. Корни этой системы ссылки лежат еще в XVI веке, когда, тотчас по завоевании царства Кучума, правительство стало направлять туда лиц неблагонадежных. В Сибирь сосланы были, между прочим, угличане за участие в погроме, вызванном смертью царевича Дмитрия, и некоторые из представителей боярских семей, враждовавших с Годуновым, и их сторонников. При Михаиле Федоровиче, за первые десять лет, по оффициальным данным, было сослано 560 человек. Ссылка в Сибирь долгое время рассматривалась, как административная высылка в „украинные города“; большая часть ссыльных на новом месте сохраняла то социальное положение, какое они занимали на родине: служилые люди зачислялись в „государеву службу“, посадские в посад, крестьяне в пашню; даже в тех случаях, когда ссылался опасный политический преступник, которого предписывалось держать в тюрьме и в оковах, он при недостатке людей в Сибири, через некоторое время получал освобождение и вступал в соответствующий „чин“. Однако уже в середине XVII века ссылка в Сибирь принимает характер кары за известные уголовные преступления. Уложение царя Алексея устанавливает ссылку на Лену и в Дауры за выход из посада; согласно указу 1663 года и „новоуказным статьям“ 1669 года, ссылка в Сибирь грозит „денежного дела ворам“ и за участие в „татебных разбойных и убивственных делах“, а в 1679 году издан уже общий закон, несколько раз подтверждавшийся в последнее двадцатилетие XVII века о замене смертной казни и лишения членов ссылкой в Сибирь. Таким образом, к началу XVIII века на Сибирь уже устанавливается не только на практике, но и в законодательстве взгляд, как на место судебной и административной ссылки, своего рода штрафную колонию. В XVIII веке этот взгляд получает еще более широкое применение. Помимо ряда сепаратных указов, касающихся отдельных лиц или отдельных категорий преступников, издаются в этом направлении указы общего характера. Громадное значение имел закон 1760 года о приеме на поселение в Сибирь частновладельческих, церковных и казенных крестьян с зачетом их за рекрут, предоставлявший фактически частным владельцам право ссылки подвластных им крепостных. С развитием горного дела в Сибири, устанавливается, в частности, ссылка на работу в рудниках и получает начало Сибирская каторга. „Устав о ссыльных“ 1822 года до известной степени упорядочил и систематизировал все дело ссылки как на каторжные работы, так и на поселение.

Более или менее точные статистические данные о числе ссыльных которые позволяли бы судить о степени влияния ссылки на колонизацию

Сибири, имеются лишь с XIX века. За время с 1807 по 1850 годы ссылка дала, по этим данным, более 250.000 человек, или приблизительно в среднем 5.800 человек в год. Эта сравнительно скромная цифра показывает, что не следует преувеличивать колонизационное значение этого института за изучаемый период, особенно если принять во внимание, что и по возрасту [1]), и по здоровью большая часть ссыльных мало была пригодна для колонизационных задач.

„Преклонность лет многих из ссыльных", говорит Гагемейстер (1854 год) „лишения, переносимые ими в пути, разврат и скитальническая жизнь увеличивают смертность между ними, побеги уменьшают их число в Сибири и недостаток женщин мешает надлежащему их размножению". Эти общие соображения подтверждаются и статистическими данными, из которых видно, например, что за 10 лет (1843—1852 годы) одна четвертая часть ссыльных, направленных в Енисейскую губернию, умерла или разбежалась. Не менее сложным является вопрос о степени пользы, которую принесла ссылка новой колонии. Нельзя отрицать, что благодаря ей, начиная с конца XVI века, в Сибирь попадали в лице политических преступников сравнительно культурные элементы, которые могли принести известную пользу своей новой родине. Так, из среды ссыльных служилых людей и иноземцев—поляков и черкас, в XVII веке выходили умные и энергичные администраторы. В более позднюю эпоху проявляется культуртрегерская роль ссыльных шведов (при Петре I), поляков, наконец, декабристов. Но в целом, ссылка имела несомненно развращающее влияние и не столько способствовала развитию страны, сколько расстройству ее экономической жизни. Принудительный труд ссыльных, как всякий принудительный труд, оказался мало производительным, и это открытие сделали не только сибирские администраторы XVIII века, но уже воеводы старой Москвы. Изложенные обстоятельства в связи с новой постановкой вопроса об использовании земельного фонда Сибири для переселенческих целей, вскоре после крестьянской реформы Александра II заставили приступить к пересмотру всего дела сибирской ссылки. Образованная в этих целях при Министерстве Юстиции комиссия признала, что „заселение края тогда только может для него иметь благотворные результаты, когда лица поселяемые достаточно к этому подготовлены привычкою к труду и материальным обеспечением в противном-же случае они становятся язвою края, не способствуя, а препятствуя его дальнейшему развитию, как это оказалось в Сибири". Таким образом, в середине XIX века, система ссылки как колонизационный метод, была подвергнута сомнению и осуждена, по крайней мере, в принципе.

---

[1]) По расчету Гагемейстера, основанном на данных 1851—1852 г.г., 1/5 ссылаемых женщин и почти 1/2 мужчин—старее 40 лет, а более 1/4 мужчин даже старее 50 лет.

Правительственная колонизация путем „прибора“ и ссылки не должна заслонять перед нашими глазами того стихийного процесса неорганизованной народной колонизации, которая не поддается точному учету, но происходит непрерывно и в больших размерах в течение всего изучаемого периода. Уже в XVII веке промышленники, попадавшие в Сибирь в поисках пушнины, в большем числе оседают в сибирских городах в качестве служилых людей, посадских, пашенных крестьян, даже священников. Одновременно наблюдается бегство крестьян из русских уездов за Урал, на плодородное приволье „угожских пашенных мест“ юго-западной Сибири, бегство, которое принимает все более массовый характер по мере того, как в результате постройки острожков к югу от Тобола открываются для поселения новые пространства удобных земель. От последнего тридцатилетия XVII века имеются уже очень внушительные данные в этом отношении. В 1670 году „в разных месяцех и числех, ехало мимо Верхотурья из русских разных городов, ... тяглых людей с женами и с детьми 2051 человек“. В 1680—1683 годах, по наблюдениям верхотурских властей, „мимо Верхотурья и Верхотурского и Тобольского уездов, через слободы, из русских поморских городов беглых крестьян с женами и с детьми шло многое число“. Для прекращения такого массового движения были учинены „заставы крепкие“, но, несмотря на заставы, „из поморских городов бегут всяких чинов жители и уездные пашенные крестьяне в разные сибирские городы“, как констатирует царская грамота 1687 года. Неурожай 1692 года, поразивший Поморье, усилил это бегство „и многие крестьяне“, как сказано в одной грамоте 1699 года: „оставя свои жеребья и тягла, с женами и детьми сошли в сибирские городы и в тех городех и слободах и в деревнях новых поселились на заимках и к прежним крестьяном пристали и, захватя многие земли, владеют“. Переселенцы привлекали затем с родины новых колонистов: „Приезжают-де из Тобольска, с Тюмени и с Верхотурья“, жалуются воеводы поморских городов: „беглые крестьяне которые бежали в прошлых годах, и привозят с собой из сибирских городов от воевод и от стрельцовых и казачьих голов проезжие памяти по отцовских и братей и по сродничев, и по тем проезжим памятем, по Устюжеского и Усольского уездов пахатные многие крестьяне, покиня свои тяглые жеребьи впусте выехали Сибирских городов в уезды и ныне едут-же“.

В последующее столетие это движение продолжалось, принимая все более усиленный темп. Вольная колонизация опережала правительственную. Ярким примером ее могут служить „каменьщики“, поселившиеся в Алтайских горах, образовавшие здесь 17 селений и лишь в 1767 году признавшие верховную власть России. Только со времен Сперанского правительство начинает проявлять некоторый интерес к этому явлению и, правда, в еще очень узких рамках (в отношении казенных крестьян) принимает меры упорядочению этого свободного передвижения. Живую картину этой воль

ной колонизации во второй половине XIX века, когда освобождение крестьян дало новый толчок безудержному движению народа на восток, на „Белые воды“ и на „Мамур-реку“ в поисках земли, дает Ядринцев в его известной публицистической работе: „Сибирь как колония“. Планомерное направление эта волна переселенческого движения за Урал получила лишь с созданием в 80-х годах специального Переселенческого Управления при Министерстве Внутренних дел, деятельность которого относится к другому периоду истории Сибирской колонизации. В изучаемое же время правительство, не столько стремится урегулировать движение вольных колонистов, сколько задержать его из опасения обезлюдения центра и отлива крепостных рабочих рук на восток. Без поддержки власти, наперекор общей правительственной политике, несмотря на все препятствия,— колонизационная волна пробивалась сквозь пограничные заставы, и переселенцы шли безудержно вперед, подчиняясь тому смутному инстинкту, который в течение ряда столетий руководил русским народом в расселении по необ'ятным пространствам Восточно-европейской равнины.

IV.

Постепенный рост русской колонизации за Уралом с XVII по половину XIX века отчасти может быть освещен некоторыми статистическими данными. По переписи 1678 года в сибирских городах числилось уже 10.289 дворов крестьянских и посадских [1]). Избрандес, посетивший Тобольский уезд в 90 годах XVII века, был поражен на реке Нейве „не только большим количеством жителей, но и плодородьем почвы и количеством хлеба, которое там произрастает“, и это „пленительное зрелище столь прекрасно возделываемых нив“ производило резкое и приятное разнообразие после „лесов и пустырей“, тянувшихся за Солью-Камской. „В то время, как в местности, которую мы перед тем проезжали“, пишет он: „нам едва попадалась одна деревушка на расстоянии 12 немецких лиг пути, здесь на каждую четверть лиги нам встречались прекрасные поселения, где мы находили все, чего только могли пожелать“. Перепись 1710 года дает уже 28.021 двор: иначе говоря по сравнению с 1678 годом податное население Сибири увеличилось более чем вдвое, почти в три раза; перепись 1719 года дает уже 37.096 дворов. Таким образом, в конце XVII и в первые два десятилетия XVIII века заселение идет чрезвычайно быстро. Сравнение данных 1678 и 1710 годов позволяет судить, как это увеличение числа жителей Сибири отразилось на составе населения Европейской России. В то время как в Сибири отмечается громадный прирост податного населения (169,3%), в Европейской России, наоборот, наблюдается убыль приблизительно в 22%, и эта убыль дает себя особенно чувствовать в Поморье, откуда шла главная волна сибирской колонизации (40% убыли в Архангель-

[1]) Не считая 115 дворов бухарцев.

ской губернии): в северо-восточных областях России можно даже уловить ход передвижения населения на восток. Уже в 70-х годах XVII века администрация жалуется на запустение Устюжского и Усольского уездов вследствие бегства жителей в Сибирь: действительно, в промежуток времени между 1678 и 1710 годами, по данным переписи почти весь состав населения Соли-Вычегодской сменился, и значительная часть его „сошла“ в направлении к Уралу и за Урал [1]).

В 1727 году в Сибири считалось 169.868 ревизских душ, приблизительно через полвека, по данным переписи 1763 года, состав мужского населения (русского) определялся в 306.246 человек. В конце столетия, по ревизии 1797 года, в Сибири, за исключением Иркутской губернии, числилось русских 399.113 человек м. п., по VIII ревизии (1833 г.)—826.080. Наконец, в 1850 году (по IX ревизии) русское население мужского пола определялось в 918.355 душ: все же население, русское и инородческое, обоего пола достигало цифры 2.174.828 душ. К сожалению, статистические сведения о Сибири за интересующий нас период далеко не полно и мало разработаны и не позволяют поэтому делать на основании их каких либо точных выводов.

По этнографическому своему составу колонизационная масса в Сибири представляется чрезвычайно пестрой. Главную массу поселенцев составляли, конечно, русские. В XVI и XVII веках были преимущественно выходцы из северо-восточного Поморья: устюжане, пинежане, вычежане, мезенцы и др. Помимо ряда конкретных указаний, которые мы черпаем из современных документов относительно происхождения отдельных групп русских сибиряков того времени, показательны жалобы поморских воевод, сетующих на то, что благодаря отливу населения в Сибирь, „учинилась в Устюжском и Усольском уездах великая пустота“. Перепись 1710 года, как мы видели, подтвердила факт запустения Поморья и передвижения населения оттуда на восток. Правительство учитывало связи, установившиеся между Поморьем и Сибирью, и с своей стороны в поморских городах производило прибор служилых и охочих людей. Для первых десятилетий XVIII века архивные данныя по Томской губернии продолжают показывать значительный наплыв переселенцев из Архангельской, Вятской и Устюжской губерний. Торгово-промышленные предприятия в Сибири XVIII столетия по прежнему в значительной степени организуются усилиями уроженцев Поморья: „без устюжан в Сибири не обойдется никакое дело“, говорит по этому поводу Словцов. Еще в 1800 году из шести обществ, торговавших в Кяхте, одно было Устюжское, а другое Вологодское. Этот первоначальный поморский состав русской колонизации отразился на языке и на быте современного населенія Сибири, среди которого до сих пор господствует вологодское

[1]) Милюков. Государственное хозяйство России. Глава IV.

наречие и держатся культ поморских святых. Однако, поморы, принесшие на свою новую родину вместе с языком и религией унаследованную от своих отцов упорную настойчивость и предприимчивость, сами не представляли из себя однородного целого; среди них были очень сильные инородческие финские элементы, в лице зырян, вымичей, сысоличей и других племен, из которых некоторые, как зыряне, до сих пор сохранили свой язык и культуру, а другие, как сысоличи, обрусели не раньше XVIII века.

С открытием юго-западной Сибири для сельской колонизации в XVIII веке наблюдается усиленный приток в Сибирь колонистов из земледельческих губерний Европейской России. Уже в первую четверть столетия в Томскую губернию идут по преимуществу переселенцы из Среднего Поволжья, из Нижегородской и Казанской губерний. По мере того, как падают промыслы в Сибири и развивается в ней земледелие, усиливается тяга туда из земледельческих районов и, наоборот, падает число колонистов из Поморья. Для конца изучаемого периода показательны сведения о происхождении казенных крестьян, переселившихся в Тобольскую губернию за пятнадцатилетие с 1846 по 1860 годы. Из бывшего Поморья среди них нет ни одного человека. Большинство падает на Смоленскую и примыкающую к ней Витебскую и Псковскую губернии (более 40%); значительные партии переселенцев дали Воронежская, Курская, Калужская, Орловская, наконец Пензенская губернии. По нескольку сот человек поступило из Саратовской, Рязанской, Тульской, Черниговской и Тамбовской губерний. Ничтожный процент падает на промышленные районы; из Московской губ. переселилось за все это время только 22 человека. Таким образом, в течение XVIII и первой половины XIX века произошли значительные перемены в направлении русской колонизации. Переселенец, которого мы застаем в Сибири накануне крестьянской реформы Александра II, уже имеет мало общего с первоначальным колонистом-промышленником и „опытовщиком" из Поморья. Это—крестьянин, которого недостаток земли гонит с насиженного места на Зауральскую новь. В массу русских поселенцев ссылка внедряла большие группы чужих народностей. Уже при Михаиле Федоровиче в Сибирь, как мы видели, направлялись целые партии пленных черкес из Литвы, которые, распределялись по местным гарнизонам и составляли в сибирских городах особый разряд служилых людей. Среди них попадались и уроженцы Западной Европы: Ламартиньер, посетивший Березовский уезд в царствование Алексея Михайловича, был поражен, услыхав здесь французский язык и встретив знакомого лотарингского дворянина. Документы действительно называют в числе сибирских служилых людей немцев, „гречан", наконец „французенина" из „Брабанта" („un gentilhomme français envoyé du pays de Hollande de la part du comte Morice"), французская челобитная которого, написанная „propria manu", сохранилась в делах Сибирского приказа даже русских инородцев, вроде кн. Матвея Великопермского. Позднее в Сибирь

ссылаются пленные шведы; в их числе был один из первых исследователей Сибири Страленберг. Большое число ссыльных дала Польша в XVIII и XIX веках: после конфедератов, сосланных в семидесятых годах XVIII столетия, последовательно ссылались в Сибирь участники всех польских восстаний — 1794, 1830 и 1863 годов; в результате последнего восстания в одну Тобольскую губернию было водворено более 4700 человек. В 1812 году в Сибирь направлялись французские военнопленные; в 1826 г.—сосланы финляндские преступники, „подпавшие по законам оного края смертной казни“. Количество евреев, ссылавшихся в Сибирь, было настолько велико, что в 1860 году чрезмерное увеличение их числа здесь вызвало беспокойство, и было предписано прекратить дальнейшую их ссылку. Даже Средняя Азия дала Сибири свой контингент ссыльных: в 1839 году, например, в Туринск было сослано несколько знатных киргиз.

На ряду с этнографической пестротой, другой характерной чертой Сибирской колонизационной массы является громадное преобладание мужского элемента над женским,—явление естественное при условиях, в которых происходило заселение Сибири. На недостаток женщин непрерывно раздаются жалобы в XVII веке, и из дальних сибирских городов поступают ходатайства к царю о высылке „гулящих женок, на ком жениться“: „а без женишек, государь, нам быть никак немочно“, заявляли челобитчики. Одним из поводов Полесской смуты 1648 года явились, между прочим, недоразумения, происходившие из-за браков служилых людей с крестьянскими девушками, вследствие чего пустели „холостых крестьян“ жеребьи. Отсутствие женщин приводило к ряду печальных явлений: служилые люди по пути за Урал подговаривают с собой женок и девок, привозят их с собой в Сибирь и держат „за жен место“, „емлют к себе сильно, вдов и девиц безпомощных“, „у мужей, убогих работных людей жен отнимают“; шел откровенный торг женщинами: „жены свои в деньгах закладывают... на сроки“, и т. п. „А иные“, говорится в грамоте патриарха Филарета к сибирскому архиепископу Киприану: „и горше того творят, поимают за себя в жены в сродстве сестры свои родные и двоюродные... и кумы крестные, а иные де и на матери свои и на дщери... посягают“. Тем же недостатком женщин об'ясняются браки с инородками, широко распространенные уже в XVII веке. Для удовлетворения потребности в женщинах, правительство прибегает к своим обычным приемам, и для отправки в Сибирь производятся „приборы“ женщин в поморских городах; так, в 1630 и 1637 годах для этой цели в Вологде, Тотьме, Устюге и у Соли-Вычегодской было набрано 150 женщин. К принудительным мерам прибегает правительство и гораздо позднее: в 1759 году, например, на Сибирскую линию доставлено было 77 ссыльных женщин, годных для замужества. Любопытно отметить, что в 1825 году состоялся, по высочайшему повелению, сенатский указ, дозволявший приобретать покупкою или меною от сопредельных с Сибирью кочующих наро-

тов детей женского пола „для вознаграждения недостатка женщин" в Западной Сибири.

В культурном отношении масса колонистов была далеко неоднородна. На ряду с подонками общества-„ворами и убойцами", ссылавшимися взамен смертной казни, и с нищими беглецами из русских уездов, уходивших на новые места от голода и от разоренья в Сибирь, в лице политических ссыльных уже в XVII веке попадали представители наиболее образованной части московского общества, в роде семьи тобольских детей боярских Ремезовых, родоначальник которой был сослан при царе Михаиле Федоровиче и которая дала России такого крупного ученого географа и историка, — каким был известный Семен Ремезов. Позднее, в лице декабристов, в Сибирь попала большая группа утонченно культурных и образованных людей, вышедших из высших и по социальному положению, и по воспитанию кругов тогдашнего дворянства. Иностранцы — поляки, малороссы, шведы являлись в Сибири носителями западно-европейской цивилизации. Резко выделяется среди общей массы колонистов многочисленная группа раскольников, частью ссылавшихся принудительно, частью добровольно уходивших „от суеверной ревности" в глушь сибирских лесов и в горные ущелья Алтая. В частности они составляли в XVIII веке значительный процент заводского населения Сибири.

Несмотря, однако, на разнообразие культурного облика сибирского колониста, жизнь на новой родине и условия колонизационной работы сглаживали различия и способствовали созданию одного общего типа. Борьба с дикой и негостеприимной природой в постоянной погоне за наживой накладывала свои отпечаток на характер русских, попадавших за Урал, развивала в них черты, свойственные всем искателям приключений: упорство в достижении цели, неразборчивость в средствах, предприимчивость, практическую сметку и не знающую удержу смелость. Недаром Сперанский называл Сибирь „страной дон-Кихотов". Сюда шли из метрополии наиболее энергичные и предприимчивые элементы, те, которые не ужились в условиях тяжелой жизни на родине и захотели добиться лучшего подвигом или преступлением. Только сильные и безжалостные могли расчитывать устроиться здесь: зато перед смелыми и решительными открывалась головокружительная перспектива небывалого, хотя часто случайного обогащения. Условия полукочевой жизни по тундрам и тайгам, с исключительной мыслью о добыче, развращали и делали жестокими, зато создавали навыки к упорному труду. Русские поселенцы уже с первых шагов своих в Сибири выступают с этими характерными чертами. Беспощадные к инородцам, безжалостные к своим близким, все эти служилые и промышленные люди, „ради своей бездельной карьеры" проникавшие вглубь сибирского материка, радея не столько государеву делу, сколько своим нажиткам, шубам собольим, „поражают нас и своей беспечной удалью и нечеловеческой выносливостью и вместе с тем алчностью

к добыче и хладнокровной жестокостью. Ярким типом русского „открывщика“ в Сибири является знаменитый Ярофей Хабаров, весь поход которого в Дауры представляет одну картину бесшабашного удальства, романтических подвигов и самого циничного грабежа и разбоя: его отписки в Якутск дышат поэтическим пафосом чисто казачьего эпоса; показания его товарищей рисуют нам с другой стороны „даурского приказного человека“, жадного до наживы, жестокого и сластолюбивого, который жег огнем и забивал кнутом пленных даурских князцов и удавил ночью одну „князцову жену“, не подчинившуюся его насилью. Этот тип повторяется и в последующие века. Таков в XIX веке директор Американской компании Баранов, „твердый и отважный, но пьяный и жестокий мужик“.

Жизнь в Сибири не давала ни возможности, ни времени развивать духовные потребности: все силы ума шли на удовлетворение практических нужд. В 1821 году иркутский губернатор Цейдлер отметил утилитарное направление сибирской мысли: „купечество“, пишет он, „имея в виду только приобретения богатства, ведет детей своих особою дорогой, приучая их ходить с обозами, закупать в Якутске белку, лисиц, соболей, отвозить их в Ирбит и к Ярмарочным оборотам, и довольно ежели четырнадцатилетний мальчик преодолевает трудности дороги дальней“. Народное образование в Сибири развивается поэтому медленно. Отдельные школы открываются в больших сибирских городах в течение XVIII века: в 1806 году были основаны гимназии в Тобольске и в Иркутске, и одновременно возникли уездные и приходские училища в Тобольском, Иркутском, Красноярском и Енисейском уездах; но вновь основоные школы долгое время влачили жалкое существование. До 1823 года число учеников в Тобольской гимназии не превышало 27 человек, и только в 1838 году достигло 117 человек: в Иркутской— в 1806 году числилось 35 учеников, в 1825 году—47 и в 1838—150. Попытка историка Словцова в бытность его директором иркутской гимназии, создать сеть народных училищ в уезде не имела результата. Характерно, что слабые зачатки сибирской школы, в полном соответствии с общим духом сибирской жизни, окрашены определенным профессиональным направлением. Словцов не случайно предлагал соединить учение в сельских школах с изучением ремесел; еще ранее такой проект существовал относительно Камчатки. Повидимому, такое практическое направление соответствовало потребностям общества: в Кяхте мысль о создании учреждения для ремесленного воспитания мещан возникла в среде местного купечества и бургомистр Игумнов предлагал взять на себя все расходы. Недостаток школьного образования пополняла для сибиряка жизнь в ее многообразных и сложных формах. Участие с ранних лет в борьбе за существование заменяло ему классную учебу, развивая в нем природный ум, сметливость и наблюдательность. Не имея школьных знаний, он на практике ищет этих знаний в общении с людьми, в наблюдении окружающих

явлении и, если он грамотен, в случайном и беспорядочном чтении. „Сибиряки дики, но любопытны“ писал в XVIII веке Шапп. „Сибиряки умны, предприимчивы, и любознательны“, говорит его современница императрица Екатерина II. Уже в XVII веке Сибирь дала талантливого самоучку Ремезова: его атлас Сибири, составленный на основании картографических и литературных материалов Сибирского Приказа, статейных списков и устных расспросов, является большой и вполне научной работой; его „История“ показывает не только недюжинного литератора, но и любознательного собирателя местных легенд и туземного эпоса. Доклад другого Тобольского служилого человека Владимира Атласова о Камчатке составляет в сущности очень ценное этнографическое исследование, свидетельствующее об исключительной для того времени широте интересов и тонкой наблюдательности. Самоучки и в последующие века представляют из себя явление, типичное для Сибири. Достаточно назвать Тобольского ямщика Черепанова, составителя известной летописи, самоучку-метеоролога Неверова, наблюдениям которого отдавал должное Миддендорф и других. Щапов сохранил нам рукописный сборник, прекрасно характеризующий „любознательность“ рядового сибиряка с разнообразием его случайных и пестрых интересов, которых не позволяло углублять отсутствие школы. Таким образом, умственная жизнь и духовный облик сибиряка сложились, под влиянием жизненных условий на новой родине, так-же своебразно, как своебразен был здесь весь быт и уклад жизни.

В заключение приходится остановиться на вопросе о взаимных отношениях, которые установились в Сибири между новоселами и туземцами и о степени того влияния, которое те и другие неизбежно должны были друг на друга обоюдно оказывать. За Уралом русские нашли издавна живущие здесь финские, тюркские, монгольские и манчжурские племена; кое-где сохранялись еще остатки былого населения страны—палеазиаты. В культурном отношении все эти племена стояли на различных ступенях развития. В то время, как чукчи и камчадалы переживали еще период каменной культуры, приамурские дауры уже перешли к земледелию и проявляли признаки сравнительно высокой цивилизации, заимствованной у об'ясачивших их китайцев. Ламаистская культура кочевых монгольских и калмыцких государств на южных границах Сибири производила сильное впечатление на русских. Наоборот, люди „дивии“ и „сыроедцы“, которых они встретили в северных тундрах и лесах, характеризуются как настоящие дикари, „люди худые“, лишенные всякой „учтивости“ и „чистоты“. В общем итоге, однако, между завоевателями и туземцами не было той резкой пропасти, которая отделяет сейчас человека европейской культуры от дикаря. Наивный шаманизм инородцев вполне укладывался в русских представлениях о бесах, а общий культурный уровень приходивших с Руси служилых и промышленных людей был не настолько высок, чтобы препятствовать

сближению с „иноземцами“. Как общее правило, завоевание не сопровождалось истреблением инородцев. Завоеватели требовали ясака, и, как скоро побежденные „шертовали“ (приносили присягу) „по своей вере“ и выдавали „аманатов“, враждебные действия прекращались. Русские не разрушали даже тех племенных организаций, которые до них существовали у туземцев, и в течение не только XVII, но и XVIII века во главе племенных волостей продолжали стоять туземные „князцы“, отцы и дети которых в свое время сражались с Ермаком или в более поздние времена оказывали сопротивление русской власти; некоторые из таких княжеских династий сохранились даже до наших дней. Правительство само было заинтересовано в сохранении инородцев не только от истребления, но и от притеснений, так как ценило в них плательщиков ясака и нередко жертвовало ради них интересами русских колонистов. Администрации рекомендовали действовать на них „ласкою“, а не „жесточью“ и не „правежом“; одно время было запрещено закабаление инородцев русскими и сильно ограничено право крещения. Без разрешения из Тобольска или даже из Москвы, местные власти были лишены права применять смертную казнь по отношению к ним, чтобы их „от государьские милости не отогнати“, также неохотно разрешало правительство прибегать к оружию в случае возмущения дикарей. На практике, конечно, мудрые правила правительственной политики далеко не всегда осуществлялись. Во всяком случае, заботливое, хотя и не бескорыстное, отношение центрального правительства к инородцам заслуживает быть отмеченным. Это не значит, что местная администрация не допускала злоупотреблений. При походах „на немирных иноземцев“ имелись случаи вопиющих насилий, приводивших к массовым уходам инородцев из пределов русского владычества. Экспедиция таких искателей приключений, каким был, например, Хабаров, сопровождалась жесточайшим избиением дикарей; но подобные поступки рассматривались не только властями, но и самими участниками разбоев, как беззаконное нарушение интересов государства. В конце концов, сибирские инородцы, несмотря на неблагоприятные климатические условия, сохранялись лучше, чем туземцы Северной Америки. Более того, уцелев под русским владычеством и продолжая „жировать“ на своих старых „юртах“ бок-о-бок с возникшими вновь русскими деревнями и поселками, туземцы оказали известное влияние на своих новых соседей и в культурном, и даже в физиологическом отношении. Недостаток женщин приводил к частым бракам между новоселами и туземцами. Уже в царствование Михаила Федоровича раздается жалоба на то, что в Сибири русские люди „с татарскими и с остяцкими и с вагулицкими поганскими женами смешаются... а иные живут с татарками некрещеными как есть с своими женами и детей приживают“. Точно также в XVIII веке, по словам Палласа: „благосостоятельные сельские жители и многие горожане (в Сибири) с давних пор уже имеют обычай выбирать

своеобр.

ед.

себе в жены бурятских и монгольских женщин". „и буряты, побуждаемые временными выгодами и расчетами, охотно дозволяют своим дочерям креститься и выходить замуж за русских; встречаются и такие примеры, что богатые буряты крестятся из-за того только, чтобы иметь возможность взять за себя русскую женщину". Подобное явление не могло не отразиться на расовых особенностях русских сибиряков. Уже Паллас указал, что „из обоюдных или взаимных браков бурят и русских происходит род мулатов, которые имеют несколько монгольское обличье и черные или очень темные волосы и в то же время правильные, приятные черты лица"; императрица Екатерина II отметила своеобразие физического типа сибиряка: „как естественные произведения, растения и животные", пишет она, „так и люди в России и в Сибири не схожи ростом и лицом: сибиряки смуглые, самые восточные из них похожи на китайцев; русские, например, нижегородцы, не имеют ничего общего с сибиряками". И в области духовной культуры соседство с туземцами наложило глубокий отпечаток на русских новоселов. Вологодский говор, занесенный поморами в Сибирь, в значительной мере исказился под влиянием туземных наречий и запестрел заимствованными из них словами; само произношение русских слов подверглось изменениям и отдельные буквы стали выговариваться с отличиями, перенятыми от инородцев. В бытность Врангеля в Якутске, в светском обществе господствовал якутский язык, игравший здесь ту роль, какую играла французская речь в тогдашних салонах Москвы и Петербурга. Но воздействие инородческого мира на культурный быт переселенцев шло глубже заимствований в сфере языка. Мрачные верования дикарей, создавшиеся на почве суровой сибирской природы, невольно захватывали своей жуткой реальностью русского человека, заброшенного в далекую глушь северной тайги. В XVII веке вера в примитивных духов природы, „шайтанов" делается достоянием русского населения Сибири, еще недалеко ушедших в культурном отношении от „идолобесия" покоренных дикарей. Фетиши, вроде волшебного камня, „а живот будет от того камени мороз и вода", вызывают суеверный страх. Шаманы (шайтанщики) с их дикими радениями привлекают не только любопытство, но и пользуются доверием: лица, принадлежащие к высшим разрядам служилых людей, даже к администрации, заставляют „шайтанщиков" „кудесы бить" перед собой. Еще в царствование Анны Иоанновны, иркутский вице-губернатор Жолобов обращался к вещей шаманке, которая, говорят, предсказала ему казнь. Нельзя думать, что это влияние инородческих верований на русскую психику было случайное и налетное: даже в XIX веке инородческие „истуканчики" попадаются в русских избах, и до сих пор в некоторых углах Сибири к шаману с одинаковым доверием обращаются и язычники, и христиане. Таким образом, русский в Сибири, попадая в инородческую среду, не мог избегнуть ее влияния на свой быт, на свой духовный мир, наконец на самого

себя. Со своей стороны, и инородцы неизбежно должны были подвергнуться воздействию более высоко стоявшей по сравнению с ними расы. Само столкновение этой более высокой расы не обошлось даром сибирским дикарям, и они в первую очередь испытали на себе губительную сторону чуждой им цивилизации. Русские занесли к ним оспу, тиф и сифилис. Уже в XVII веке оспа производит среди них страшные опустошения. По мере того, как открываются новые земли, все шире распространяется зараза. Из Охотска завозят в 1767 году оспу на Камчатку, а оттуда на Амурские и Курильские острова; в 1799 году солдаты Сомова заносят в Камчатку и тиф. Целые племена вымирают, как вымерло, например, племя аринцев. В Туруханском крае с 1763 года по 1816 год, по приблизительным подсчетам, инородческое население сократилось на три четверти, и таких примеров можно привести много. Эпидемии являлись, таким образом, гибельным последствием общения дикарей с людьми из за Урала, более жестоким и грозным, чем меч завоевателей. Что касается духовного воздействия русских на туземцев, то за изучаемый период оно было гораздо менее сильно, чем можно было бы ожидать. В XVII веке правительство из фискальных соображений стремилось не допускать обрусения ясачных людей: оно неохотно вводило туземных князцов в состав служилых людей и принимало меры против крещения инородцев. Поэтому, мы встречаем лишь очень незначительное число „новокрещенов“ в сибирских городах, где они живут вместе с русскими людьми. В XVIII веке, как мы видели, правительство крупно изменяет свою политику: начинается массовое обращение в христианство языческих племен, но такое поголовное крещение, нередко достигаемое путем принуждения, не является серьезным средством приобщения дикарей к русской культуре. В XVIII веке сделаны были первые попытки устройства школ для инородцев, и в следующем столетии уже функционировало несколько миссионерских школ, например, при Кондинском монастыре. Но то, что делалось в этом направлении, было ничтожно: в 1847 году всего числилось 9 инородческих училищ, с 71 учеником, и те влачили жалкое существование. Неудивительно, что при таких условиях, русская культура в Сибири долгое время не в состоянии была выдерживать конкуренцию со стороны древних азиатских культур. Пропаганда магометанства сделала в XVIII веке, под русским владычеством, большие успехи среди шаманистов; достаточно указать на то, что в 1745 году перешли в магометанство барабинские татары, бывшие до тех пор язычниками. Несколько позднее приняли ислам около 800 тысяч киргиз. Одно время, при Екатерине II, администрация хотела даже использовать магометанскую пропаганду в целях установления более крепких связей с непокорными и воинственными степняками: насаждение татарской школы и татарской культуры Приволжья, проповедь Корана и посылка из России проповедников ислама—все это должно было служить

[illegible]дством подчиняя киргиз русскому влиянию и являясь вместе с тем откровенным признанием собственного цивилизаторского бессилья. Не менее крупные успехи сделала под русским владычеством другая мощная религия Востока — ламаизм. В 1741 году инородцы Восточной Сибири были еще шаманистами; здесь насчитывались тогда только 11 дацанов (буддийских монастырей) с 150 ламами; через сто лет в 1845 году налицо было 85 тысяч буддистов и более двух с половиной тысяч лам, а в 1848 году даже 125 тысяч буддистов и 4[illegible] лам. Таким образом, духовное воздействие русского элемента на инородческое население Сибири было в сущности очень слабо и во многих отношениях уступало мощному влиянию средне-азиатских цивилизаций. Несколько сильнее соседство с русскими отразилось на экономическом быте инородцев. Некоторые из них постепенно стали переходить к оседлому быту и к земледельческой культуре. Так уже с 70 годов XVIII века стало распространяться земледелие среди бурят. В 1839 году ими уже засевалось около 4[illegible] тысяч десятин. Такому быстрому успеху земледелия среди бурят способствовали и [illegible] принудительные меры местной администрации, особенно знаменитого иркутского губернатора Трескина. Впрочем, буряты с их собственной сравнительно высокой монгольской культурой, с их крепкой родовой организацией, были особенно способны к восприятию высших форм хозяйственного быта; они в сущности являлись исключением среди прочих инородцев. [illegible], остяки, тунгусы оставались в XVIII веке и в начале XIX века на той же низкой ступени материального развития, на которой их застали первые насельники. Что касается туземного населения областей, входивших в состав прежнего Кучумовского царства, то здесь можно наблюдать даже некоторый регресс. В XVII веке в Тобольском округе существует влиятельная и богатая татарская знать, ведущая свое происхождение от [illegible] Кучума, его мурз и биев; в первой половине XIX века тобольские татары уже влачат жалкое существование. Культуртрегерская роль русского колониста XVII—XIX в.в. была, таким образом, ничтожна. Только со второй половины XIX века быстрое развитие экономической жизни Сибири и [illegible] промышленности положили начало культурному преуспеянию [illegible].

Таковы в общих чертах результаты русской колонизации за период, подлежавший нашему изучению. Русский элемент за этот период овладел всей территорией, которая составляет современную Сибирь, и начал ее заселять. Заселение это шло двумя путями. Как только выяснилось значение Сибири для государства как источника сырья (пушнины и металлов), правительство приступило к систематической колонизации завоеванной страны; преследуя исключительно фискальные цели, [illegible] работу в узких рамках эксплоатации местных природных богатств, вынуждая прибегать к принудительным мероприятиям привело постепенно к превращению страны в штраф-

ную колонию и, в общем, результаты, достигнутые правительственной деятельностью, были менее значительны для Сибири, чем могли бы быть. Но наряду с правительственной колонизацией и помимо ее, задолго до появления за Уралом московских воевод и гарнизонов, шла стихийная волна народной колонизации, которая занимала угожие места, проникая все дальше на восток: промышленники, искавшие соболя, казаки, своими „казачьими головами покорявшие немирных инородцев под высокую государеву руку“, монахи, строившие обители на берегах негостеприимных сибирских рек, наконец, крестьяне с их инстинктивным стремлением к лучшим пахатным местам. Это движение является в сущности органическим продолжением того процесса заселения Востока европейской равнины русско-славянскими племенами, одним из моментов которого была колонизация славянами финского Поволжья и деятельность новгородских ушкуйников в Заволочье, и в этом отношении заселение Сибири русскими фактически не может быть отделено какой либо гранью от предшествовавшего ему заселения Поморья.

Очерк колонизации Сибири второй половины XIX и начала XX века.

Г. Ф. Чиркина.

I.

Россия, по определению профессора Ключевского [1]), страна, которая на протяжении всей своей истории колонизуется. Область колонизации расширяется в ней вместе с государственной территорией. Русское племя разносторонними струями растекалось из центра по Новороссии, Кавказу, за Волгу, далее за Каспийское море и, особенно, за Урал, до берегов Тихого океана и, далее, на острова последнего. И это вековое движение, то подымаясь, то понижаясь, продолжается вплоть до наших дней.

В этом определении русского переселения, как естественного размещения русского народа по принадлежащей ему территории до ее природных границ, сходятся и иностранные авторы, писавшие об этом вопросе.

Распространение русской народности на запад встретило препятствие еще на заре исторической жизни русского племени, в лице ранее пришедших в западную Европу славянских и германских племен. Поэтому уже в Киевской Руси колонизационное движение русских совершалось, главным образом, на восток, и отчасти, на север и юг. Движение это надолго было задержано вторжением из Азии турко-монгольских орд, заполонивших весь юг и юго-восток теперешней России. После свержения монгольского ига, в XVI веке, движение русских на юг и восток возобновилось и с тех пор постепенно усиливалось и расширялось.

---

[1]) Проф. Ключевский. Курс Русской истор. изд. 1904 г., часть I, стр. 24 и др.

В основе переселенческого движения русского народа, а стало быть и в основе продолжающейся колонизации нашей страны, лежат, прежде всего, экономические причины. Были, конечно, причины и правового порядка, заставлявшие русских людей „брести розно". Всякое общественное потрясение, всякое общественное учреждение, в той или иной степени нарушавшие права и интересы всего народа или его отдельных классов, заставляло многих или некоторых искать спасения в бегстве. К числу таких причин общего характера, следует отнести закрепощение крестьян, религиозные притеснения и т. п., более частного характера — злоупотребления властью какого либо воеводы или помещика. На почве такого ухода создавалось когда то русское казачество и тайные поселения раскольников и сектантов. Но образование таких вольных поселений возможно было только в старой Руси с ее безлюдьем и бездорожьем. Да и в старину „вольница" в конце концов попадала в сферу влияния государственной власти и или уничтожалась, или подчинялась ее требованиям.

Гораздо постояннее, глубже и шире было влияние на переселение экономических причин. Русский народ исстари был земледельцем, и законы развития земледелия, в значительной мере, определяют собой и характер расселения его по государственной территории.

Экстенсивное земледелие с залежной или паровой системой полеводства, очень скоро приводит к относительному перенаселению: по мере того, как сокращается, вследствие распашки целинных земель, площадь перелога или пара, земли выпахиваются, урожай понижается. Земледелец, не находя новых земель для распашки и получая со старых пашен скудные урожаи, начинает жаловаться на малоземелье, на тесноту. Выход из создавшегося положения двоякий: или перейти к более совершенным формам хозяйства, или переселиться в малолюдную местность с нетронутыми еще почвами.

Первое требует наличности известного капитала, благоприятного состояния рынка, наконец, известной культурности, словом, условий, которым слабо удовлетворяло на протяжение всей исторической жизни русское крестьянское хозяйство.

Гораздо легче, пока не исчерпан земельный простор, второй исход — переселение. И вот в течение XVIII, XIX и XX века наблюдается все возрастающее численно переселение русских крестьян на юг и юго-восток Европейской России, а затем в Сибирь и Туркестан. Вместе с тем возраставший с каждым годом спрос мирового рынка на русский хлеб незаметно втягивал хозяйство русского крестьянина в мировой товарно-денежный оборот. Под влиянием этих условий и развития железнодорожного строительства в восточной части России, вновь заселяемые местности быстро распахивались, и в свою очередь давали переселенцев, искавших новых земель все далее и далее на востоке.

В этом относительном перенаселении видят причину переселения старые исследователи 70-х и 80-х годов прошлого столетия, как Н. Н. Рома-

нов, В. Н. Григорьев, И. А. Гурвич, А. А. Исаев, А. А. Кауфман и др., опиравшиеся на статистические данныя, собранные частью в Сибири от переселенцев, частью на местах выхода переселенцев, от их родственников и соседей.

Отношения и правительства и общества к переселению не всегда были одинаковы. Переселению то покровительствовали, то его запрещали; то видели в нем способ разрешения вопроса о крестьянском малоземельи, то находили, что переселение задерживает рост земледельческой культуры в русской деревне. Но устранить самое явление было невозможно. Переселение развивалось, росло, и, если спорно было его народно-хозяйственное значение, то роль его в государственном строительстве становилась несомненной. Только то расширение территории русского государства оказывалось прочным, при котором за воином шел пахарь, за линией укреплений выростала линия русских деревень.

В том, что наши заселяемые окраины составляли и составляют с коренной Россией одно нераздельное территориальное целое, многие иностранные и русские авторы видят существенное отличие русской колонизации от западно-европейской и преимущественно первой над второй.

„Тогда как другие державы,—говорит Поль Леруа-Болье, — завладевают отдаленными землями, обычно отделяемыми от метрополии тысячами миль, имеющими совершенно иной климат, нередко совсем отличный характер производительности, а иногда даже непригодными для постоянного пребывания уроженцев метрополии,—новые территории, приобретенные русскими, являются в полном смысле слова продолжением России. Они непосредственно прилегают к ней, представляя собой те же степи, те же леса, тот же континентальный климат; между этими необ'ятными азиатскими странами и Россией есть разница только в степени, а не в основном характере, — и потому русский переселенец не чувствует себя покидающим отечество. Это собственно говоря не эмиграция, а простое перемещение или миграция [1]).

Если это мнение французского экономиста в первой своей части нуждается в известном ограничении — по крайней мере по отношению к Дальнему Востоку и Туркестану, — то едва ли что нибудь можно возразить против следующего положения проф. А. А. Исаева.

„Можно найти черты сходства в развитии западно-европейских колоний и окраин нашего отечества. Но есть одно крупное различие, которое делает положение России более выгодным. Англия, Франция, Голландия отделены от своих колоний океаном. Затраты, совершаемые западно-европейскими народами и одобряемые научною литературою, являются для метрополии гадательно полезными. Политическая связь между странами, как показывает история Соединенных Штатов, не отличается большой прочностью. Весь запас и личных сил, и материальных средств, которые европейские

[1]) „L'état moderne et ses fonctions".

страны отдали своим колониям, они расточают, быть может, для того, чтобы создать себе могущественных соперников. Но все, что Россия сделает для своих внутренних переселений уже по тесной географической связи Европейской России с русскими владениями в Азии, послужит к увеличению нашего благосостояния и укреплению нашего могущества. Великой равнине, перерезанной невысоким уральским хребтом, сама судьба предназначила быть единым государством“ (Курсив А. А. Исаева [1]).

Но эта же особенность русской колонизации заставляет другого исследователя переселенческого дела в Сибири отмечать особенно трудную роль в колонизации русского Правительства: „в нашем государстве совпадает воедино страна, принимающая эмигрантов, со страною, отпускающею их: одному и тому же Правительству приходится заботиться как об урегулировании и нормировании эмиграции из внутренних губерний, так и об упорядочении иммиграции в другие области“ [2]).

II.

Первые шаги русских в Сибири носили характер военной колонизации. Начиная с похода Ермака, военные экспедиции, продвигаясь вглубь страны и покоряя инородцев, основывали остроги и городки, служившие опорой русского господства в крае. Таким образом в XVI и XVII ст. ст. были заняты русскими западная и восточная Сибирь вплоть до Камчатки и Амура. В XVIII ст. линии казачьих поселений,—пикетов и крепостей, стали проникать в киргизские степи, и это движение вглубь Средней Азии закончилось в XIX ст. присоединением к России Туркестанских владений.

Для прокормления воинских команд необходимо было селить вокруг городов и крепостей земледельцев, и уже в 1590 г. в Сибирь было отправлено, например, Правительством 30 „хлебопашных“ семей. „Прибор на пашню охочих людей“ для поселения в Сибири производился и в последующие времена, но этот способ вольной колонизации был слишком дорог и не по силам Правительству XVII и XVIII ст., да и не соответствовал тогдашнему несвободному состоянию крестьян. И Сибирь долгое время колонизовалась подневольным элементом.

Начиная с 1593 года, когда после убийства царевича Дмитрия, из Углича было послано в Тобольск 300 человек, Сибирь служит приемником для высылаемых Правительством из Европейской России преступников. К числу подневольных поселенцев, хотя и другой категории, следует отнести „ямщиков“, которых Правительство селило по трактам, соединяющим города Сибири, для установления между ними и Европейской Россией правильного сообщения. Так в 1799 г. был издан указ о переселении в Забайкалье 10.000 душ в течение 10 лет.

1) А. А. Исаев. „Переселения в русском народном хозяйстве“. Спб. 1891 г.

2) А. М. Беркенгейм. „Переселенческое дело в Сибири“. „Землеведение“. 1902 г. в. 1. 2. 3.

Но едва ли не преобладающий численно элемент русских переселенцев в Сибири в первые столетия владения ею представляли беглые из Европейской России помещичьи крестьяне. Время от времени Правительство издавало строгие указы, предписывавшие не пропускать беглых на заставах и ловить их в Сибири. Но указы не останавливали этого движения, а поселение в Сибири хотя и беглых хлебопашцев было в интересах государства, и в конце концов Правительство мирилось с самовольными поселениями в Сибири и легализировало их.

Указ 1822 г. о разрешении крестьянам всех губерний переселения в Сибирь, появившийся как результат записки графа Сперанского, тогдашнего генерал-губернатора Сибири, был первым Правительственным актом, в котором переселение рассматривалось с современной точки зрения, как мероприятие, имеющее важное народно-хозяйственное значение и для Европейской России и для Сибири.

Но в тогдашней крепостной России указ этот мог быть применен только к государственным крестьянам. Крестьяне помещечьи и удельные могли быть переселяемы только их владельцами из одного имения в другое, и такие переселения имели место в небольших размерах из центральных губерний на юг и юго-восток Европейской России.

Удачное и сравнительно крупное — до 400.000 душ обоего пола — переселение государственных крестьян организовал в 1837—1859 г.г. гр. Киселев, тогдашний министр государственных имуществ. В начале это переселение было направлено в губернии Воронежскую, Харьковскую и Тамбовскую, затем в Саратовскую, Оренбургскую, Самарскую, Уфимскую, Астраханскую и на Северный Кавказ и, наконец, в начале 50-х годов прошлого столетия — в губернии Тобольскую, Томскую и Енисейскую.

Статистические исследования конца 80-х и начала 90-х годов прошлого столетия в трех вышеназванных губерниях Сибири показали, что „киселевские“ переселенцы устроились на новых местах хорошо и достигли значительного благосостояния.

Наряду с этим организованным переселением не прекращалось, а скорее усиливалось самовольное переселение. И с конца 50-х до начала 80-х годов прошлого столетия оно было почти единственной формой русской колонизации, так как в этот период деятельность Правительства по переселению почти прекратилась.

На пути переселения стояло правовое положение крестьянства. В крепостной России крестьянин не мог распоряжаться собой и своей землей. Реформа 1861 года освободила личность крестьянина, но не уничтожила его прикрепления к земле и общине. Выкупные платежи, подати и повинности лежали на целом обществе, которому принадлежала и надельная земля. Поэтому, отдельный домохозяин, при переселении должен был получить увольнительное свидетельство от старого общества, предварительно покрыв

все свои недоимки по платежам и повинностям. Старому же обществу безвозмездно поступал и надел переселенца, за который он вносил выкупные платежи, а уплаченная сумма последних с годами все более возрастала. Точно также переселенец должен был получить приемный приговор от нового общества, к которому он приписывался, а этого не всегда легко было достигнуть без сравнительно крупных денежных затрат.

Помимо того, были причины и обще-политического характера, заставлявшие Правительство воздерживаться от организации переселения в первые десятилетия после освобождения крестьян от крепостной зависимости. Это — во первых, опасение лишить землевладельцев необходимой им рабочей силы и арендаторов; во вторых, боязнь внушить крестьянам несбыточные надежды на увеличение наделов, на общую прирезку земли.

Государственная необходимость заселения окраин заставляла, однако, Правительство и в этот период отступить от пассивно-отрицательного отношения к переселению и принимать меры для колонизации отдельных местностей. Так в начале 60-х годов, вслед за присоединением к России Приморской области, были изданы правила для заселения ее, а также Приамурья. В 1856 г. изданием особых правил были открыты для колонизации кабинетские земли Алтайского Горного округа. В середине 70-х годов появилось положение о заселении киргизских степей, и еще раньше того был образован ряд русских селений в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях.

Но, несмотря на все эти мероприятия, колонизация Азиатской России в 60-е и 70-е годы XIX ст. шла очень медленно, и даже если учесть развивающееся самовольческое движение, то и тогда придется установить, что до 80-х годов переселение попрежнему направлялось, главным образом, на юг и юго-восток Европейской России.

Все растущее переселенческое движение нашло себе, наконец, правительственное признание в изданных в 1881 году Комитетом Министров временных правилах, которыми переселение разрешалось всем крестьянам, имеющим надел менее $^{1}/_{3}$ нормы, установленной положением 19 февраля 1861 года. Правила 1881 года предусматривали правительственную помощь переселенцам в пути и при устройстве на месте. С этой целью в Батраках была учреждена первая переселенческая контора, переведенная затем в Сызрань.

Дальнейшим шагом в развитии правительственной организации переселения явился закон 1889 года. Он давал крестьянам право ходатайствовать о разрешении переселяться. Облегчал выход из общества и приписку на новых местах, обеспечивал переселенцам помощь Правительства в пути и при устройстве хозяйства на новом месте. Даровал льготы по уплате податей и отбыванию повинностей. Но все это—для получивших разрешение, самовольные же переселенцы не только не пользовались, по закону 1889 года, помощью и льготами, но должны были мерами администрации

возвращаться к месту приписки. Для выполнения предписаний закона 1889 года, в пункты наибольшего скопления переселенцев (Самара, Оренбург, Уфа, Тюмень, Томск и др.) были назначены переселенческие чиновники.

Переселенческое движение с этого времени начинает принимать преимущественно зауральское направление, совершаясь по трем главным трактам: через Тюмень, Оренбург и Златоуст. Из означенных пунктов г.г. Тюмень и Оренбург, как связанные речными и железнодорожными путями сообщения с местами выхода и водворения переселенцев, являлись главными магистральными воротами, через которые проходила переселенческая волна. С конца восьмидесятых годов, по проведении уральской железной дороги, особенно возросло движение на Тюмень, и через этот пункт проходило до 75% всего числа переселявшихся в Сибирь.

Местами выхода переселенцев служили почти все губернии Европейской России, за исключением промышленных центральных и промысловых северных. Но преимущественно в движении участвовали земледельческие губернии средней черноземной полосы России и малороссийские, за ними ближайшие к Уралу северо-восточные и, наконец, северо-западные и расположенные по средней Волге. В ряду этих губерний особенно выделялась Курская, из которой в годы наиболее усиленного движения, проследовало свыше 35% всех переселенцев. По размерам переселение восьмидесятых годов представляется несравненно большим, чем в предшествовавшее десятилетие. За один Урал в девятилетний период времени (с 1881 по 1889 г.), относительно которого имеются более или менее точные сведения, прошло свыше 210.000 душ обоего пола. Но, помимо Зауральского, переселение по-прежнему продолжало идти в губернии бывшего оренбургского генерал-губернаторства: оренбургскую, уфимскую и самарскую. Хотя точных сведений о размерах этого движения, направлявшегося различными трактами, не имеется, но данныя опроса сызранской переселенческой конторы свидетельствуют, что в названных губерниях за указанный период времени поселилось свыше 100.000 душ пришлого населения. Еще более сильное движение наблюдалось на территорию северного Кавказа, где в одной Кубанской области осело до 300.000 душ переселенцев, в качестве, главным образом, арендаторов войсковых казачьих земель. Если также иметь в виду происходившее одновременно переселение в южные губернии Европейской России и Туркестан, затем предпринятую Правительством отправку переселенцев морем на Дальний Восток и передвижение крестьян на арендованные и купленные с содействием крестьянского поземельного банка земли, то можно полагать, что общие размеры переселенческого движения за все десятилетие выразятся в цифре не менее 800.000 душ обоего пола. Из этого числа, судя по сведениям о сибирском переселении, разве только третья, четвертая часть направлялась в законном официальном порядке, остальные 65 — 75% шли самовольно.

Из сибирских переселенцев большинство двигалось в Томскую губернию, преимущественно на земли кабинета Его Величества. Во все прочие губернии и области Азиатской России проследовало менее половины всего числа их, именно до 40%, которые распределялись главным образом между губерниями Тобольской и Енисейской и областями Акмолинской и Тургайской. Сравнительно меньшая часть направлялась в области Семипалатинскую, Семиреченскую и Амурскую. Приуральские переселенцы местом для водворения избирали предпочтительно Оренбургскую и Уфимскую губернии и только некоторые направлялись в пределы Самарской губернии.

С родины переселенцы подымались в путь обыкновенно при наступлении весны и лишь немногие из них предпочитали для передвижения зимнее время. С открытием навигации почти каждый пароход, следовавший по Волге, увозил в далекую Сибирь целые партии семей и каждый поезд оренбургской железной дороги доставлял в Приуралье десятки, сотни выходцев из внутренних губерний. Направлявшиеся на Тюмень сибирские переселенцы, в ожидании навигации по рекам Западной Сибири, вынуждены были делать продолжительные остановки в Тюмени, и в неделю — две их скоплялось там до 10.000 — 15.000 душ. Отсюда пароходами они плыли далее к Томску, Павлодару, Омску или, по примеру двигавшихся от Оренбурга, направлялись сухопутными трактами. Если путь по Волге и Каме совершался сравнительно скоро и удобно, то путь по рекам Западной Сибири, при несовершенстве и недостатке перевозочных средств, представлялся крайне тягостным. Скученные в трюмах товарных барж иногда по нескольку сот человек и лишенные всякого попечения и надзора переселенцы следовали до Томска в течение 12 — 18 суток. При таком продолжительном пути у многих из них истощались не только все взятые на дорогу пищевые запасы, но и средства для приобретения их; при этом на значительном протяжении водных путей, особенно по р. Оби, пароходы останавливались нередко в безлюдных местностях, где приобрести что-либо даже состоятельным переселенцам не было никакой возможности. Последствия таких условий передвижения не могли не отражаться гибельно на состоянии здоровья переселенцев, и среди них, а особенно детей, быстро развивались тяжелые заболевания, которые вызывали усиленную смертность, доходившую до 4%.

До Тюмени переселенцы успевали прибывать еще с некоторыми, хотя и не всегда достаточными запасами средств, но до Томска, по крайней мере, 25 — 30% из них достигало в положении, близко граничащем к нищете. Бороться с этою нищетою было затруднительно, и все меры, принимавшиеся в этом направлении, оканчивались в лучшем случае изысканием каких-либо способов к дальнейшей отправке прибывших к местам водворения. Но — скромные средства, которые отпускались казною в распоряжение переселенческих чиновников, являлись часто недостаточными даже для удовлетворения этой неотложной потребности. На такие пункты наиболее сильного скопле-

ния, как Тюмень, Томск, Оренбург, ежегодный отпуск денежных сумм редко превышал 5.000 — 7.000 руб., и, при возраставшем наплыве переселенцев и необходимости одновременно производить траты на врачебно-продовольственную помощь, в пособие на дальнейший путь нуждающимся выдавалось иногда лишь по несколько рублей. Вследствие этого многие семьи вынуждены были следовать пешком, расчитывая на подаяния или заработки в попутных селениях, а значительная часть их отправлялась из Томска на наемных подводах с веса, как кладь. О бедственном положении неимущих переселенцев не переставали свидетельствовать переселенческие чиновники. В 1888 г. Томский чиновник сообщал, что происходившее в этом году „чрезмерное движение явилось почти неожиданным и поставило в немалое затруднение лиц, обязанных оказывать возможное удовлетворение переселенческим нуждам в пути и на новых местах. Средства получались те же, а переселенцев явилось в три раза более. Последние оказались в критическом положении. Большую часть их пришлось отправить на наемных подводах с выдачей пособий на продовольствие иногда от 2 до 5 руб. на семью в 8 — 10 душ и при расстоянии до места следования в 500 верст. Конечные результаты таких пособий не замедлили оказаться: многие переселенцы, особенно из амурских, вернулись назад, многие остались в пути, а иные хотя и достигли мест водворения, но оказались еще в худшем положении: жить с семьею под открытым небом без хлеба, теплой одежды и без надежды на скорое устройство своего быта". Министерство внутренних дел, осведомленное о таком неудовлетворительном положении дела, ограничивалось только указанием „соблюдать возможную экономию и бережливость" в деле расходования отпускаемых сумм. При указанной, более чем недостаточной, помощи со стороны Правительства, с делом оказания поддержки и содействия переселенцам стали выступать благотворительные Комитеты, открывавшиеся в разное время по почину местной администраци и обществ. Такие комитеты возникли в г.г Тюмени, Томске, Иркутске, Чите и Петербурге. Равным образом, на помощь переселенцам приходили некоторые частные лица и редакции повременных изданий, производившие сбор пожертвований на нужды переселенческого дела.

Очерченный период русского переселения до 90-х годов истекшего столетия, известный исследователь Сибири Н. М. Ядринцев характеризует следующими словами. „Приобретение, завоевание, наконец, заселение Сибири, есть продукт двух сил — государственной и вольнонародной. Мы видим, что государство намечает остроги, крепости, проводит линии, наконец, пролагает тракты, и таким образом создает, так сказать вехи и колья, межи и план для колонизации. Народная колонизация, в виде народа-плотника, мало того, что осуществляет план, но наполняет все промежутки и сетку колонизации живым материалом; мало того, она часто идет дальше архи-

тектора, расширяет здание, при чем вехи, колья и план являются после того, как уже началась постройка"[1]).

В другом месте своей книги Ядринцев приводит и примеры такого расширения: „Известно, что прежде, чем прибыли географы, а также и пограничные власти к подножьям Катунских Альп, в верховьях р. Катуни, как они были уже посещены бухтарминскими охотниками-крестьянами, расположившимися в соседстве с их деревнями"... „Во время нашего военного движения на Кульджу (1871 г.), на границе был поставлен военный пост, близ р. Борохудзир, где оставлена была сотня казаков; вдруг около этого места появляются телеги переселенцев. Оказалось, что они пришли поселяться. Как их не разубеждали, что здесь военная линия и заселение преждевременно, крестьяне решили ждать генерала, управлявшего краем. Приехал начальник и также представлял им разные неудобства селиться на местах, не вполне безопасных, пугал их даже, что далеко зашли, но крестьяне, пройдя дальний путь, ни за что не хотели уходить и просили записать их хоть в казаки"...[2]). Ныне Борохудзир — цветущее русское оседлое селение Семиреченской области (ст. Голубевская).

Это пионерство — характерная черта русских „самовольцев" не только в заселении азиатских окраин, вошедших уже в состав русских владений, но и в раздвигании границ последних. На границах Минусинского округа, по Енисею, уже образовывались за пределами русских владений крупные поселения русских. Последние путешественники, бывшие в Монголии, удостоверяют, что сибирские заимки, хутора встречаются далеко за русской границей на монгольских землях, русские люди давно проникают сюда, хотя географическая наука только начинает открывать эту terram incognitam.

Сооружение Великой Сибирской жел. дороги поставило вопрос о переселении на народно-хозяйственную почву. Уже для самой постройки дороги в пустынных степях и тайге Сибири нужны были люди. Но гораздо важнее было другое соображение. Сибирская дорога только тогда могла бы пробудить к жизни спавшие производительные силы Сибири и тем оправдать затрату на ее сооружение сотен миллионов государственных денег, когда заселится обслуживаемый ею район.

На эту точку зрения и встал Комитет Сибирской жел. дороги, отбросив опасения и предразсудки обще-политического характера, тормозившие до того времени переселенческую деятельность Правительства.

Комитет был образован в 1893 г. Одной из первых забот его было расширение и урегулирование переселенческого дела.

Руководящим принципом в предположениях, выработанных по вопросу о регулировании переселений, послужила высказанная в заседании

---

[1]) Н. М. Ядринцев. „Сибирь, как колония". СПБ. 1892 г., стр. 217 и 218.

[2]) Там же, стр. 202, 203.

Комитета от 8 марта 1895 г. Председателем [1]) последнего мысль, что к крестьянским переселениям следует относиться без особых опасений, правительственное же воздействие должно направляться к тому, чтобы переселение носило характер более сознательный и получило вполне правильную постановку [2]).

В самом деле, переселение в лучшем случае могло поглотить лишь небольшую часть ежегодного естественного прироста населения Европейской России. Стало быть, опасаться, что переселение крестьян в Сибирь повысит цены на рабочие руки и понизит арендную плату на землю в Европейской России, не было оснований. В то же время во многих районах малоземелье крестьян стало ощущаться в столь резкой форме, что выселение из них не только не грозило какими-нибудь волнениями, в связи с надеждами крестьян на „черный передел", но, наоборот, могло внести успокоение в крестьянскую среду, улучшив условия ее землепользования.

В период деятельности Комитета Сибирской ж. д. порядок разрешения крестьянам переселения был значительно упрощен. Самое право давать разрешение было предоставлено органам Министерства Внутренних Дел, в составе котораго в 1896 г. было образовано на правах департамента,—Переселенческое Управление. На местах остановок переселенцев в пути были устроены врачебно-продовольственные пункты. В Сибири же, в районах водворения переселенцев, введены специальные переселенческие учреждения.

На обязанности их было возложено заготовление для переселенцев земельного фонда, обводнение нуждающихся в этом переселенческих участков, организация передвижения переселенцев, оказание им врачебно-продовольственной помощи, водворение их на участках. Переселенцам, помимо предоставления льготного тарифа при проезде по железным дорогам, выдавались путевые ссуды; выдавались также ссуды и при водворении, для устройства хозяйства на новом месте; были открыты во многих местах переселенческие склады сельско-хозяйственных орудий; наконец, забота о духовно-нравственном быте новоселов сказалась в широко-развившемся церковно-школьном строительстве.

На осуществление столь широко поставленных мероприятий по переселенческому делу требовались, конечно, значительные средства. И, действительно, „фонд вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги", который расходовался, главным образом, на колонизацию, за 12 лет существования Комитета (1893—1904 г.г.) достиг 30 миллионов рублей. Результаты же переселенческой деятельности его можно оценить на основании того, что за тот же период переселенцам было отведено около

---

[1]) Председательствовал в Комитете Сибирской ж. д., будучи Наследником, Император Николай II.

[2]) См. „Колонизация Сибири". Изд. Канцелярии Комитета Министров. СПБ. 1900 г. Стр. 121.

12.000.000 десятин земли, достаточных для наделения 1.200.000 душ мужского пола или устройства до 2.500.000 душ обоего пола.

Чтобы предотвратить вредные последствия безрезультатного переселения, которое зачастую ведет к разорению переселенцев и к обратному их движению в Европейскую Россию, особое внимание было обращено на организацию „ходачества“, — учреждения, выработанного в предшествующие периоды стихийно самими переселенцами. Переселенцам рекомендовалось, а затем предписывалось (1896 г.), прежде чем переселяться в Сибирь с семьями, посылать ходоков для выбора и зачисления за собой участков.

Обращено было также внимание на самовольное переселение, и самовольно переселившиеся в прежнее время были легализованы и устроены наравне с переселенцами, имеющими разрешение.

Но самое самовольное движение не прекратилось и в период колонизационной деятельности Комитета Сибирской жел. дороги, — оно только упало по сравнению с 1880 и 1890 годами с 60—80% до 35—40%. Существование переселенцев-самовольцев зависело от того, что многие крестьяне не могли добиться разрешения на переселение от земских начальников и губернаторов, усмотрению коих была предоставлена выдача его; другие же, по разным причинам, и не обращались за таким разрешением.

Дальнейшим шагом в развитии колонизационной деятельности Правительства является издание закона о переселении 6-го Июня 1904 года.

В предшествующий период 1893—1904 г.г. в основе переселенческой политики, как было уже отмечено выше, лежала идея о народно-хозяйственном значении переселения, главным образом, для колонизуемых окраин. Теперь на первый план выступает „улучшение, при помощи переселения условий землепользования и хозяйства крестьянского населения внутренних губерний“.

Русско-японская война и последовавшие за ней события помешали применению на практике закона 6 Июня 1904 года в сколько-нибудь широких размерах. А затем Правительством был проведен ряд землеустроительных мероприятий, в тесную связь с которыми была поставлена и переселенческая политика. И для того, чтобы сделать переселение действительно свободным, необходимо было, прежде всего завершить реформу 1861 года. Это сделано рядом актов, получивших конечное выражение в законе 14 Июня 1910 г.: в 1903 г. была отменена круговая порука, в 1905—1906 г.г. уничтожены выкупные платежи, 9 ноября 1906 г. было уничтожено прикрепление крестьянина к общине. Эти мероприятия сделали реальным и основное положение закона 6 Июня 1904 года, уничтожившего обязательство получать на переселение предварительное разрешение: каждый крестьянин получил возможность, не спрашиваясь у общества, ликвидировать свои земельные отношения, продав надельную землю или сдав ее в аренду, и предпринять переселение на новые места.

Но сделав переселение свободным, Правительство стремится всецело взять его в свои руки, превратить его в планомерное выселение. Для того, чтобы разрежать в Европейской России население тех районов, где это признается особенно необходимым и заселять в Азиатской России заранее намеченные местности, деятельность Переселенческого Управления тесно связывается с деятельностью землеустроительных Комиссий и областной переселенческой организации южных земств. Орудием для направления потока переселения по заранее намеченному руслу служат те значительные средства, которые Переселенческое Управление затрачивает на свою культурно-хозяйственную деятельность: наиболее подходящие для переселения районы Азиатской России подвергаются естественно-историческому и хозяйственно-статистическому исследованию; лучшие земли намечаются под переселенческие участки, которые вымежевываются и наносятся на планы: организуются гидротехнические работы для обводнения, и местами, орошения участков; строятся к ним под'ездные грунтовые дороги; переселенцы выбирают себе подходящие участки через посредство ходоков; перевозятся переселенцы по весьма льготному тарифу в особо приспособленных поездах; на пути следования, на местах остановок и по прибытии на место водворения переселенцев оказывается врачебно-продовольственная помощь: при водворении на местах выдаются ссуды на устройство хозяйства: сельско-хозяйственными орудиями и машинами переселенцы снабжаются из переселенческих складов на весьма льготных условиях, духовные нужды переселенцев удовлетворяются постройкой школ и церквей и открытием сотен новых приходов.

Широкую поддержку колонизационной деятельности Правительства оказали и законодательные учреждения. Рост расходов на переселенческое дело в Азиатской России, по данным Государственного Контроля, рисуется в следующем виде.

Израсходовано тысяч рублей:

1894 г.	847	1903 г.	3.872
1895 „	1.215	1904 „	3.476
1896 „	2.830	1905 „	2.621
1897 „	2.451	1906 „	4.986
1898 „	2.815	1907 „	13.522
1899 „	2.981	1908 „	18.780
1900 „	2.993	1909 „	22.463
1901 „	2.718	1910 „	24.448
1902 „	3.121	1911 „	26.293

За те же годы землеотводная деятельность Переселенческого Управления, наиболее показательная для количественной стороны переселенческого дела, характеризуется следующими цифрами.

Периоды:	Всего отведено десятин.	Отводилось десятин в среднем за 1 год.
1893—1905 г.г.	12.195.000	938.000
1906—1911 „	27.243.000	4.561.000

Количественные результаты переселения в Азиатскую Россию с 1881 г., т. е. с того времени, с которого начались попытки регулировать переселенческое движение, были таковы. Хотя регистрация переселенцев ведется с 1885 г., но более полной она становится с 1894 г., т. е. с открытием движения на Сибирской ж. д., по которой направилась и главная масса переселенцев. Но и после устройства переселенческих пунктов в Сызрани и Челябинске часть переселенцев, следовавших, минуя эти пункты, ускользала от регистрации.

Годы.	Прошло душ обоего пола.	Годы.	Прошло душ обоего пола.
1882	10.028	1897	86.575
1883	34.519	1898	205.645
1884	9.108	1899	223.981
1885	11.832	1900	219.265
1886	14.863	1901	120.125
1887	18.443	1902	110.930
1888	31.077	1903	125.500
1889	37.709	1904	46.732 [1]
1890	47.378	1905	44.029
1891	82.150	1906	216.648
1892	84.200	1907	576.979
1893	61.435	1908	75[illegible].812
1894	[illegible]	1909	707.463
1895	[illegible]	1910	352.950 [2]
1896	202.302	1911	226.062

Если тридцатилетие, для которого приведены данные о движении переселенцев в Азиатскую Россию, разбить на периоды, соответственно изменениям правительственной переселенческой политики, как они очерчены выше, то получатся следующие цифры среднего годового движения.

[1]) В 1904 и 1905 г.г., вследствие обстоятельств, созданных Японской войной переселенческая деятельность почти прекратилась.

[2]) Резкому падению переселенч. волны в 1910 и 1911 г.г. об'яснение дает П. В. Веденский (см. его статью „Землеустройство и колонизация“ в № 11, 1912 г. „Вопросы колонизации“). Он ставит это явление в связь с развитием деятельности крестьянского банка и землеустройством в Европейской России. Гипотеза эта, конечно, требует дальнейшего статистического подтверждения. Отмечу, что в 1912 г. волна переселенч. движения опять поднялась до 259 тысяч против 226.062 в 1911 г.

Периоды:	Проходило душ обоего пола в среднем за год.
1882—1889 г.г.	18.557
1889—1893 „	62.859
1893—1906 „	125.188
1906—1911 „	473.152

Рост колонизации несомненный и громадный.

Что касается погодных колебаний движения переселенцев, то цифры не дают правильного ряда, — замечается прилив и отлив переселенческой волны. Причины этих колебаний, поскольку они не лежат в стихийных условиях, как урожай или неурожай в Европейской России и Сибири, или чисто внешних обстоятельствах, как почти полное прекращение движения по Сибирской ж. д. в 1904 и 1905 г.г. — сложны и не изучены.

В общем итоге за 30 последних перед мировой войной лет прошло в Азиатскую Россию до 5 миллионов человек.

Но не все они поселились на новых местах, часть, по разным причинам, возвратилась обратно в Европейскую Россию. Число обратных переселенцев за 1896—1911 г.г. достигло 1.165.845 душ обоего пола, что составит к прямому движению за тот же период около 27%. Распространяя этот процент обратного переселения на весь тридцатилетний период, получим, что за последние 30 лет в Азиатскую Россию переселилось около 3.540.000 душ обоего пола, из которых только на последние 6 лет приходится более 2.000.000 душ.

Более точны данные о водворении переселенцев на переселенческих участках и в старожильческих селениях. Число водворенных с 1893 по 1911 г.г. таково (в тысячах душ обоего пола).

1893	10,2	1903	92,0
1894	27.0	1904	30,4
1895	75,8	1905	54,0
1896	119,2	1906	89,6
1897	45,0	1907	415,8
1898	67,4	1908	550,4
1899	86,4	1909	490,6
1900	79,2	1910	465,0
1901	73,8	1911	454,0
1902	58,2		
		Всего	3284

За тот же период (1893—1911 г.г.) прошло переселенцев в Сибирь в прямом направлении 4.466.354 человек. Следовательно, при 27% обратного движения, в Сибири должно было остаться около 3.300.000 человек. Цифра очень близкая к приведенному выше числу водворенных переселенцев.

Довольно точную цифру переселенцев в Азиатскую Россию можно определить исходя из данных первой всероссийской переписи населения. В 1897 г. проживало в Азиатской России 1.400.715 уроженцев Европейской России. Если к ним прибавить 2.882.170, прошедших за Урал (за вычетом обратного движения) в 1897—1911 г.г., по данным регистрации на переселенческих пунктах, то получим, что всего в Азиатскую Россию переселилось с 60 и 70 годов прошлого столетия 4.282.885 душ обоего пола.

Прямым последствием этого значительного переселения является, прежде всего, быстрый рост населения Азиатской России, и изменение ее этнографического состава.

С 1897 года по 1911 год население Азиатской России увеличилось с 13.507.000 человек до 19.567.000, т. е. на 45%. Столь значительный рост об'ясняется, конечно, вселением: в то время, как инородческое туземное население увеличилось всего только на 17%, пришлое возросло: русское — на 83% и иноплеменное — на 82%. Соотношение этих категорий населения в 1897 и 1911 г.г. выражается следующими цифрами:

Годы:	Туземное инородч. население.	Русское население.	Пришлое иноплемен. население.	Итого.
1897	57,5%	39,6%	2,9%	100
1911	46,5%	50,1%	3,4%	100

Еще резче обнаруживают быстро растущее преобладание русского населения над инородческим следующие цифры, относящиеся к отдельным областям и губерниям.

Губернии и области:	Русское население (в %%). 1897 г.	1911 г.
Томская	91,3	94,1
Тобольская	91,5	92,6
Енисейская	86,7	90,5
Амурская	86,0	84,6
Иркутская	73,1	78,4
Приморская	58,1	68,8
Забайкальская	65,9	68,0
Сахалин	65,2	63,2
Акмолинская	33,1	57,9
Уральская	25,4	37,0
Тургайская	7,7	33,1
Семипалатинская	10,0	20,0
Семиреченская	9,7	17,0
Камчатка	11,2	11,7
Закаспийская	8,7	8,8

Губернии и области:	Русское население (в %%). 1897 г.	1911 г.
Якутская	11,2	6,5
Сыр-Дарьинская	3,0	5,7
Самаркандская	1,6	2,4
Ферганская	0,6	1,9

Приведенные цифры показывают, что коренные сибирские губернии и области стали, по племенному составу, русскими. Заметно малочисленнее русское население в степных областях, но именно здесь оно и растет особенно быстро. Небольшой и медленно увеличивающийся процент составляет русское население в Туркестане.

Различия в быстроте роста русского населения в отдельных областях и губерниях зависит от направления переселения. Так, по данным статистики движения переселенцев за 1896—1911 г.г., первое место по вселению принадлежит Томской губернии, — туда направлялось 39,7% всех переселенцев; затем второе место занимает Акмолинская область (16%), третье — Енисейская губерния (10%), далее следуют: Тобольская губ. (7%), Тургайская область (6,4%), Приморская (5%), Иркутская губ. (3%), Амурская обл. (3%); Семипалатинская (2,5%), и Уральская, Семиреченская, Забайкальская и Сыр-Дарьинская, привлекшие каждая менее 1% общего движения. Таким образом, наиболее быстро заселяются южные части Сибири (Томская губ.), юг Енисейской губ., степные области и Приморская обл. с Приамурьем; меньше переселенцев идет на север (в Тобольскую и Иркутскую губ.) и еще слабее заселяется Туркестан.

Это распределение переселенческой волны по отдельным районам Азиатской России зависит не только от природных их свойств, но, отчасти и от того, из каких губерний Европейской России выходят, преимущественно, переселенцы.

Та же статистика движения переселенцев за 1896—1911 г. г. показывает, что 43% всех переселенцев — выходцы из губерний малороссийских, юго-западных и южных. Если прибавить к ним 7% выходцев из нижне-волжских губерний, то окажется, что 50% переселенцев — степняки, естественно ищущие и в Азиатской России подходящих к их родине климатических и почвенных условий. Другая половина переселенцев составляет: 20% переселенцев, вышедших из центральных черноземных губерний и 30% переселенцев из губерний белорусских, северо-западных, центральных, нечерноземных, промышленных, верхневолжских, приуральских и северных, которые легко приспособляются к условиям таежных местностей западной и восточной Сибири.

Быстрый рост населения Азиатской России отражается все же пока мало заметно на ее необ'ятных пространствах. До сих пор плотность населения в азиатских губерниях и областях остается ничтожной, как показывают следующие цифры.

Области и губернии.	На 1 кв. версту в 1897 г.	Приходилось душ в 1911 г.
Закаспийская	0,73	0,90
Ферганская	12,53	16,27
Самаркандская	11,18	12,48
Сыр-Дарьинская	3,44	4,23
Семиреченская	2,95	3,58
Семипалатинская	1,52	1,94
Акмолинская	1,37	2,90
Тургайская	1,11	1,78
Уральская	2,87	3,58
Томская	2,54	4,68
Тобольская	1,23	1,69
Енисейская	0,25	0,42
Иркутская	0,64	0,95
Якутская	0,08	0,08
Забайкальская	1,25	1,61
Амурская	0,31	0,73
Приморская	0,39	1,08
Сахалин	0,40	0,25
Камчатка	0,03	0,03

Сравнительно густо населен только один Туркестан, в остальных же районах население, несмотря на увеличение его плотности, остается весьма редким. Но вывод этот требует существенной поправки. Весь север Сибири и пустыни средней Азии, по своим природным свойствам, почти необитаем

III.

Колонизация Азиатской России, давшая Зауралью за последние 30 лет 5 миллионов нового населения, представляет собой весьма крупное общественное и народно-хозяйственное явление, влияющее на развитие экономической жизни как Азиатских окраин, так и губерний Европейской России. Выясняя влияние переселений при колонизации Сибири на быт и хозяйство Зауралья, нельзя не обрисовать особенности быта коренного населения Сибири, пришедшего в взаимодействие с новым миром 5 миллионной массы новых засельщиков Сибири.

Характерные черты русских „старожилов" Сибири в отличие от „новоселов — переселенцев", их внешний вид, умственные способности, прав-

ственный облик, их быт и хозяйство об'ясняются условиями завоевания окраин, влиянием сибирской природы и вековым соприкосновением с инородческими племенами.

Первые отряды отважных русских землепскателей и пионеров находились в постоянной борьбе с окружающей суровой и дикой природой и враждебными племенами туземцев. В этой борьбе каждый шаг вперед покупался кровью, люди закалялись в перенесении трудов, лишений, страданий. В обстановке войны ожесточались сердцем, выковывались твердые, угрюмые характеры. Из таких элементов создавались первые ячейки будущей колонизационной сети в Сибири. По рекам и перетягам волоками отряды казаков охочих „гулящих“ людей, посылаемые московским правительством, двигались по разным направлениям на север и юг, куда было возможно и куда тянула жажда новизны и покорения, но неизменно вперед, все дальше и дальше на восток до края земли. Весь этот путь совершен и великая страна покорена в течение одного столетия — с конца XVI века до конца XVII века.

Отряды, закладывавшие в разных местах Сибири опорные пункты: зимовья, острожки — имели смешанный состав. Необходимо было покорять страну, — для этого назначались ратные люди. Нужно было упрочить завоевание — и с этой целью основывались остроги. Требовалось обеспечить отряды продовольствием — и в этих видах селили около опорных пунктов крестьян, которые занимались земледелием для себя и „пахали государеву пашню“. Постоянное движение отрядов вперед и сношения центрального правительства с вновь освоенными сибирскими городками вызвали необходимость в постоянном содержании лошадей для раз'ездов, и эта потребность удовлетворялась путем основания при острогах ямских слобод. К поселившимся в острогах перевозились их семьи. Боярские дети, духовные лица, разные под'ячие, посланные в Сибирь для управления и приказных дел, выписывали своих крепостных. Для увеличения населения Сибири Московское правительство отправляло туда десятками семьи хлебопашных людей, поселяло помещичьих крестьян, которых сами помещики отказывались держать у себя, указывало оставлять в Сибири беглых людей, посылало в Сибирь разных провинившихся людей, из которых едва ли не первыми были сосланы в 1593 году для заселения Пелымского острога 300 человек из Углича, после убийства царевича Димитрия.

Перечисленными мерами Московское правительство в течение целого столетнего периода умножало население в завоеванных местах Сибири. Эти же меры и ссылка на поселение применялись правительством и в период после завоевания Сибири до половины XIX столетия. В период 1824—1827 годов переведены в Сибирь десять тысяч заключенных из крепостей Европейской России. Туда же направлялись бродяги и уголовные преступники. В тридцатых годах XIX столетия в Сибирь отправлено не-

сколько тысяч политических ссыльных поляков, а в шестидесятых годах $18^1/_2$ тысяч поляков повстанцев и несколько сот тысяч крестьян за аграрные беспорядки. В Якутскую область ссылались скопцы и другие сектанты.

Эта подневольная правительственная колонизация Сибири, не всегда дававшая ожидаемые от нее результаты, явилась все-же надежным основанием для более широкого развития вольной народной колонизации, завершившей начатое правительственной колонизацией черновое освоение Сибири. Народная колонизация началась почти одновременно с правительственной. Это дало два течения в одном и том же направлении. Разница заключалась между ними в том, что одно течение относилось к определенному руслу, а другое, никем и ничем не управляемое, разбилось на мелкие ручейки, частью усвоившие самостоятельное течение, частью притягиваемые основным потоком и слившиеся с ним.

Для уяснения значения правительственной и вольной колонизации можно судить по следующим новым статистико-экономическим данным. Из 776 обследованных поселений Енисейской губернии: 6 пунктов были некогда острогами, 11 станицами, 4 заводами, 10 поселков возникли благодаря переселению крестьян в зачет рекрутской повинности, 26 организованы из бывших казенных поселений и 45 поселков являются результатами переселения крестьян по воле и на средства правительства. Всего правительственное переселение дало 162 поселка. Остальные же 674 поселка организованы путем вольной народной колонизации, в которой главнейшая роль принадлежит разнородной массе „гулящих“ людей.

В течение столетнего периода завоевания Сибири ее первые засельщики занимались преимущественно охотой, звероловством, рыбной ловлей. Постоянное нахождение в лесах, среди дикой природы, при неизбежных враждебных столкновениях с туземцами, поддерживали и укрепляли в колонизаторах суровость и силу характера. Вековые сношения с туземцами отразились существенно на внешнем виде русских и на их внутренних свойствах, главным образом вследствие смешанных браков, являвшихся в результате недостатка русских женщин в периоды завоевания и первоначального заселения Сибири. Благодаря этому обстоятельству, получилось широкое и повсеместное смешение русских со всевозможными инородческими племенами.

В Березовском уезде Тобольской губернии русские старожилы напоминают остяков своими скуластыми лицами и узким разрезом глаз. Пелымцы похожи на вогул. В Барабе и в некоторых приалтайских местностях русскими усвоены киргизские и татарские черты. В районе Минусинского уезда Енисейской губернии, в Иркутской губ. и области Забайкальской русские старожилы от смешанных браков с инородцами приняли почти инородческое обличье. По Лене и ее притокам русские об'якутились по внешнему виду, хорошо говорят по-якутски. В Кузнецком, Бийском,

Барнаульском уездах, напротив, русские оказали сильное расовое влияние на инородцев, которые значительно обрусели. Целые волости населены как-бы новой разновидностью русского племени, представители которого говорят на несколько испорченном русском языке. В северном Алтае русские заимствовали от инородцев многие части одежды, способы передвижения, отчасти пищу и способы ее приготовления: едят сырую рыбу и мерзлую оленину.

Одежды сибиряка носят печать сурового климата: тулуп, рукавицы, пимы (валенки). Сибиряк никогда не носил лаптей. Своеобразная летняя обувь: особые сапоги — бродни с приставными голенищами и летний головной убор, в виде чехла с наличником из висячей сетки, защищающей крестьян в тайге от надоедливого „гнуса“ — комаров и мошек.

Совокупность влияния всех очерченных природных условий на старожилое сибирское население, выработала из сибиряка-старожила особый тип, отличающийся от великорусского. Преобладание черных или темных волос черные или карие глаза, смуглый цвет кожи, неособенно густые борода и усы, лица с более широкими скулами и узкими разрезами глаз — вот особенности типа старожила-сибиряка. От продолжительности уединения в лесах привилась грубость нравов, а от инородцев унаследована некоторая дикоматость.

Огромные и разнообразные богатства страны развили в сибиряке страсть к наживе. Борьба, отрезанность от культурного мира сделали сибиряка малочувствительным к тому, что украшает жизнь — музыке, пению, вообще искусству. От продолжительного соприкосновения с инородцами и недостатка церквей местами появляется слабая религиозность и суеверность. В то же время, сибиряк любознателен, уважает людей предприимчивых, способен воспринимать новизну, если она ему понятна и полезна. В общем холодно-разсудочен и расчетлив.

Описанный бытовой уклад резко за последние годы нарушается притоком в Сибирь свежих элементов, отличных от описанных, неизбежно вступающих в взаимодействие, дающее в то же время широкий простор проявлению накопленной сибиряком твердой энергии. За четыре столетия, протекшие со времен занятия западной части Сибири до конца XIX столетия, количество осевшего в Сибири населения даже с его естественным приростом, составляет не больше половины теперешнего населения Сибири. Остальная половина теперешней Сибири вышла из коренной России только в самое последнее время, т. е. в два—три ближайшие десятилетия,

Если старожилам принадлежит заслуга первого обживания пустынной, но богатой страны, то новому населению Сибири, переселенцам-новоселам принадлежит важнейшая роль в создании новых условий и развитие новых сторон жизни, обусловивших общий под‘ем хозяйственной деятельности, открывающих перспективы еще большего и широкого будущего для обширных частей нашего отечества.

По преимуществу все новоселы — крестьяне. Устроены они отдельными поселками на свободных, казенных землях. Небольшая часть переселенцев новейшего периода принадлежит уже к торгово-промышленному классу, разместившемуся в новых торговых поселениях, по линиям железных дорог и узловым промышленным пунктам. Крестьян-переселенцев осело за Уралом за два — три последние десятилетия около 5 миллионов душ обоего пола. Из них около трех миллионов прошло за семь лет (1907 — 1914 г.), когда дело переселения стало на широкие государственные основания.

Громаднейшее большинство новоселов, как отмечалось, образовали свои отдельные поселки на отведенных им в надел особых земельных участках. Значительная часть приписалась к старожильческим селениям, либо по приемным приговорам, либо распоряжением власти, путем допричисления на оставленные в надел от старожилов излишки их землепользования при поземельном устройстве. Таким образом, новоселы в главной своей массе живут как бы отдельно от старожилов. Это и дает возможность говорить об особенности быта и экономических условий жизни переселенцев

Особенности эти обусловливаются как аграрными и экономическими особенностями мест водворения, так и имеют тесную связь с местами выхода переселенцев. Не год, не два, а десятки лет новоселы, особенно когда они селятся однородными по месту выхода группами в общих поселениях или волостях, сохраняют природные особенности своего характера и все черты устройства своего на родине. Во всех концах обширного Зауралья найдутся переселенческие поселки с выходцами чуть-ли не из 10 — 15 губерний в одном поселке. Есть малороссы в Енисейской губернии, степняки-тамбовцы в Мариинской (лесной) тайге, полещуки на искусственно орошенных полях Туркестана . . . Но в этом калейдоскопе размещения в Азии представителей всей России есть течения определенные. Издавна, еще задолго до группового ходачества, и подбора переселенцев, организованного земством, сложилась за Уралом и довольно планомерно, как бы специальные колонии для отдельных мест выхода. Одни облюбовали себе переселение в степь, другие в тайгу, третьи на Морское побережье, четвертые в предгорья Алтая и т. п. Случилось это благодаря тому общению, которое долго держится у всех выходцев на новые места со старыми очагами их жизни и которое в последнее время стало легче прежнего благодаря железной дороге и сравнительной быстроте оборота. Ездят люди туда и обратно иногда по 2 раза в лето. А пишут почти постоянно. И, таким образом, как бы стягиваются невидимые связующие нити из различных мест Европейской России в определенные местности Азии. Это — те попутные течения людского моря, которые несут избыток населения известных местностей Европейской России в излюбленные переселенцами этих мест пункты нового водворения на наших окраинах.

Это явление подтверждается названиями мест, оставленных на родине переселенцами и названиями вновь возникающих в Сибири поселений. Повсюду в Сибири имеются свои Ново-Киевки, Ново-Харьковки. В лесной полосе Сибири повторяются имена лесных уездов Европейской России. Родными именами называют целые волости Сибири. Одна Смоленская волость приютилась в лесах Иркутской губернии, другая в Бийском уезде Томской губернии. Волость Тамбовская широко раскинулась в степях Зейской долины за городом Благовещенском.

Общей для всех новых селений и характерной чертой является простор в их расположении и правильная планировка: широкие улицы, так называемый „порядок", правильно разобщают усадьбы. В поселках, сколько-нибудь крупных, имеется уже церковь или молитвенный дом, и школа, и хлебо-запасный магазин, дома для церковного причта и общественного управления. В некоторых, на лицо больницы или приемный покой с аптекой, почтовая и телеграфная контора. Имеются богатые новосельские поселки с лавками и торговыми площадями, с водяными и паровыми мельницами. В жилых постройках ново-села можно узнать и отличить его происхождение: дом орловца и в степи не похож на жилье херсонца или полтавца, а хохол в тайге строит мазанку и выбеленную снаружи хату. Харьковцы и в далекой Сибири малюют ставни своих мазанок „по своему", держась принятых на родине рисунков и красок, а екатеринославцы, перенявшие у немецких колонистов тип их длинных домов с узковатыми окнами и характерными переплетами оконных рам, точно воспроизводят их и в Азии.

Надел в 35-50 десятин удобной земли, получаемый переселенцем в черноземных уездах Западной Сибири, или в плодородной киргизской степи, или даже в лесах Восточной Сибири, имеющих свою ценность, более чем достаточен для устройства хорошего хозяйства, а для жителя нашего центра, жившего на двух-трех десятинах, является целым состоянием. Постепенно устраиваясь, за исключением, конечно определенного числа неизбежных неудачников, на своих больших наделах, ново-селы постепенно оправляются от того тяжелого состояния, связаного с переломом всей прежней жизни, и вступают на путь духовного успокоения и улучшения своего положения, которое становится тем благоприятнее, чем дольше живут ново-селы на наделах.

Переселенцы, поселившиеся в Сибири и степном крае, по данным неоднократных обследований, засевали на родине в среднем $2^1/_2$ десятины. Между тем на новых местах в лесостепных и лесистых районах они даже в первые один-два года засевают 3-4 десятины, а хозяева, прожившие от 4 до 7 лет—засевают 5-8 десятин. Статистические исследования, произведенные в годы войны (1914—1917 года) обнаружили, что в киргизской степи есть большие сплошные районы, где средние посевы на хозяйство у переселенцев достигают 20 десятин. В лесных и таежных местностях, где хозяйство вообще расширяется, в силу местных условий, медленее, переселенцы через

три года после водворения имеют более полное и обширное хозяйство, чем было оно у них на родине, а на двенадцатом году размеры новых хозяйств здесь уже втрое превышают размеры бывшего на родине.

Хозяйство ново-селов и для непосредственного его наблюдателя, и по данным статистического его обследования,—нечто как бы постепенно движущееся. Это постоянно идущая вперед постройка чего то нового, словно здание, начатое наскоро, кое-как, и улучшаемое постепенно, то подведением каменного фундамента вместо первоначальной основы из деревянных столбиков, то заменой временных оконных рам прочною обсадкою, то перекрытием дерновой или соломенной покрышки крепкой кровлей, словом, это—постройка, нигде почти незаконченная совершенно необходимым вершинным коньком. Крупные наделы переселенцев далеко еще не использованы. Хозяйство почти нигде еще не доведено до нормального соотношения в ценности и количестве инвентаря и оборотного капитала с культурно-способной площадью. Условия сбыта еще повместно неудовлетворительны и не позволяют расширить дело до существующих „возможностей".

Сдвинувшись раз с дедовской старины и отрешившись от нажитых веками привычек, переселенец на новом месте не успокаивается на достигнутом и ищет нового и нового. Эта подвижность и легкость восприятия всякого новшества имеет, пожалуй, и отрицательную сторону, вызывая иногда у неусидчевых хозяев переводворение, создавая особое явление повторного переселения из одних мест в другие. Но в них и залог того успеха хозяйства ново-селов, который достигается особою и характерною для ново-селов способностью технически совершенствовать свое хозяйство на новых местах.

Отсюда быстрое распространение в среде сибирских переселенцев усовершенствованных орудий и даже сложных машин, о которых многие из них и понятия не имели на родине, их сознательное стремление ко всякого рода улучшениям сельско-хозяйственной техники, требование агрономической помощи, и доверие к советам специалиста-агронома, и наконец, исключительная способность самопомощи, путем устройства кооперативных, кредитных и иного типа союзов и обществ.

Можно сказать больше. Естественный подбор, обусловливающий, хотя далеко не в виде общего правила, выселение с родины часто наиболее энергичных, твердых волею и сильных разумом хозяев, делает среду переселенцев в общем как бы более культурной по сравнению не только с окружающей места водворения инородческой массой, но иногда и сравнительно с издавна заброшенными в глушь инородчины и как бы надолго обособленными от коренной России русскими жителями старожилых селений.

У переселенца живее потребность в освещении жизни духовным началом, сильнее любовь к школе, вера в книжку, в ученье. В особенности же в среде этих искателей новой жизни, решившихся путем переселения с родины вверить свое будущее неизвестной судьбе и ряду случайностей,

развивается при переживании разных бед первоначального обзаведения потребность религиозного характера, особая нужда в устройстве церковной жизни. Можно сказать, что единственным цементом, связующим в одно целое жителей поселка, собранных нередко из разных мест и чужих друг другу, без которого связь немыслима, и не может установиться необходимое для мирной жизни общение—является общность веры. Отсюда происходит то трогательное любовное отношение переселенческих обществ к устройству своей церкви и прихода, которое выгодно отличает переселенцев на новом месте не только от сибирских старожилов, но даже иногда от их земляков на родине, не переживших горького чувства лишения церкви, отдаления от родного храма.

Но то же чувство отдаления от родины особо оживляет и повышает в переселенце и общее чувство привязанности к оставленному далеко за Уралом коренному гнезду предков—к центральной России, где осталось столько близкого, о чем здесь, вдали от всего, воспоминание становится особенно живо и дорого.

На этой почве выросло своеобразное влияние массового крестьянского переселения на жизнь сибирскую. Новые пришельцы вносят в нее несомненно много новых культурных начал.

В области экономической это прежде всего переоценка ценностей: и земли, и самого земледельческого труда. Там, где не знали счета земле и мерили ее только сотнями десятин, создалось совершенно иное понятие о земле и ее производительности при условии настоящей на ней работы; и это новое слово сказано переселенцами, разбившими хорошие хозяйства на участках 30—45 десятин, среди живущих в бедности инородцев, пользующихся иногда сотнями десятин на семью. Они же доказали старожилам, что стоят их наделы, снимая в аренду их неиспользованные излишки, платя громадные вступные деньги за прием в общество и применяя на старых, заброшенных за негодностью пашнях удобрение и, хотя бы довольно первобытного характера, лучшую вспашку и плодосмен, посевы озимей, новых, неизвестных ранее хлебов, трав и всякой огородины.

В область гражданско-правовых понятий сибирского крестьянства переселенцами внесена мысль о настоящем хозяйственном обладании своей землей, о собственности на землю, обособленности и неприкосновенной прочности владения и освобождения от всякой угрозы поравнения раз установленных меж и границ.

Наконец, в отношении общегосударственном главное влияние переселенцев сказывается в той внутренней живой и тесной связи, которая устанавливается между коренной Россией и самыми отдаленными ее окраинами по мере их заселения выходцами из центральных губерний. Чувствуя вдали от родины с особой напряженностью свою к ней духовную близость и единение, последние и здесь являются живыми и убежденными проводни-

нами общей веры в целость и неделимость нашего отечества от Невских берегов до Памирских вершин, непроходимых хребтов Тянь-Шаня, пограничных извилин Амура и далекого побережья Тихого океана, где все,— в Азии, как и в Европе, одна наша русская земля,— одно великое и неотъемлемое достояние нашего народа.

Растущее общее оживление Азиатской России под влиянием переселения считается ныне фактом бесспорным. По признанию одной из комиссий Государственной Думы „учесть вполне точно в настоящее время все значение для государства постепенного заселения обширных пустынных земельных пространств невозможно, но во всяком случае результаты его на лицо и доказывают первостепенную роль колонизационного дела в жизни России [1]). Под влиянием переселения, свидетельствуют записки председателя Совета Министров П. А. Столыпина и Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием А. В. Кривошеина, сдвигаются с места и перестраиваются все отношения: к новым условиям, создаваемым приходом переселенцев, должны приспособляться и захватные хозяйства старожила, и вековые первобытные хозяйства кочевника и местные рабочие рынки. Богатая всем, кроме людей, Сибирь только в приливе сюда живой рабочей силы может найти полноту хозяйственной и культурной жизни. Все остальное — быт старожилов, киргиз, казаков, лесные и горные промыслы, земские и городские дела — все это представляет довольно неподвижную общую среду; напротив, переселение является здесь главной и движущей силой“.

В одно пятилетие (1906 — 1910 г. г.) почти тридцать миллионов десятин совершенно пустынной доселе земли поступило в обработку новым хозяевам и приобщается постепенно к культуре. В итоге — не наблюдавшееся еще в коренной России явление: возрастание численности скота и площади посевов за Уралом превысило за последнее пятилетие перед войной более чем вдвое рост населения, между тем, как и этот последний, в свою очередь, благодаря переселению, достиг небывалого увеличения за пятнадцатилететие — до 50%.

По численности русское население в Азиатской России в общем сравнялось теперь с инородческим, тогда как еще двадцать лет тому назад инородцев-туземцев было на три миллиона больше, чем представителей русского племени, а в отдельных заселяемых местностях количество русских достигло давно 80 — 90 процентов. В излюбленных местах заселения, в Томской губернии и в Акмолинской области — за три предвоенные года (до 1914) водворилось 300.000 новых переселенцев. Общий рост населения Азиатской России за пятнадцатилетие перед войной выражается такими заслуживающими особого внимания цифрами: 1897 году было немногим более 10 миллионов — в 1911 году — 20 с лишним миллионов.

---

[1]) Доклад бюджетной комиссии Государственной Думы IV созыва общему собранию по смете расходов Переселенческого Управления на 1913 г.

О жизни переселяющихся на новых местах известно, что на втором, третьем, а в Приамурье на пятом, шестом году — хозяйства новоселов-крестьян уже поставляют на рынок „излишки“, и прежде всего, конечно, хлеб. За полным удовлетворением всех своих потребностей, среднее переселенческое хозяйство дает при этом на рынок от 150 до 200 пудов ежегодно, и таким образом, водворившиеся в Азиатской России только за пятилетие (1906—1910 г. г.) четыреста тысяч семейств уже вносят в общий хозяйственный оборот страны ежегодно от 68 до 80 миллионов пудов хлеба, что, в переводе на деньги, по ценам до-военного времени, составит приблизительно, до полусотни миллионов рублей. За последнее перед войной 1914 года десятилетие за Уралом устраивалось ежегодно около 60 тысяч семей новоселов, на что расходовалось, по смете Переселенческого Управления около 25 миллионов рублей. При затратах этих средств получалось, что оброчная подать в Сибири за время с 1906 г. по 1913 г. увеличилась с 6 миллионов рублей до 13 миллионов рублей в год. Посевная площадь увеличивалась ежегодно с 1908 г. по 1914 г. почти на 1 миллион десятин, возрастая в З. Сибири за одно пятилетие перед войной на 50%.

В прямой зависимости от переселения, чрезвычайно быстро и всесторонне развилась за последние перед войной годы экономическая жизнь за Уралом, и это с очевидностью наблюдалось именно там, где после первого приступа к заселению происходило освоение новых пространств, так сказать, вширь и вглубь.

Недавно еще безлюдные степи, непроходимые чащи тайги, пустынные горные склоны оживают, и силою народного творчества преображаются на наших глазах. Здесь, в Азии, еще нагляднее, чем в коренной Европе растет и крепнет молодая Россия. Пшеница и иное зерно, масло и мясо и всякие другие продукты сельско-хозяйственного промысла недавно заселенных земель идут уже отсюда и на внутренний и на заграничный мировой рынок. Великий Сибирский путь, недавно еще расчитанный на совершенно иные размеры движения, едва удовлетворяет потребностям вывоза. Производительные силы новых полей переселенцев явили за последние пред войной годы столь заманчивую картину расцвета, что на ней остановили внимание экономисты даже и чужих краев.

Цифры, оспариваемые кем-либо разве лишь по их преуменьшенности, более чем красноречиво говорят о том же [1],

Особо интересны сведения о развитии зерновой культуры за Уралом,— господствующей, как и в Европейской России, отрасли сельско-хозяйственной промышленности. Характерны прежде всего уже приведенные данные

[1]) См. напр. П. М Головачев Экономическая и культурная роль переселенцев в Сибири. „Сибирская жизнь“. — Н. Огановский. Очерки по переселенческому вопросу. Вестник Европы 1913 г., ноябрь. — Я. Полферов. Сибирь и ее возможности. Торгово-Промышленная газета, от 12, 15 и 22 декабря 1913 г. и друг.

о росте посевной площади. В частности, в Томской губернии, например, посевы одной лишь пшеницы за десять лет увеличились на миллион десятин, т. е. почти на 100%, но и по всей Сибири пшеницы ныне сеется уже на 70% больше, чем в конце девяностых годов минувшего столетия, а перевозка хлеба по Сибирской железной дороге с $10\frac{1}{2}$ миллионов пудов в конце того же периода поднялась до 50 с лишним миллионов пудов. Отличительная при этом черта новых переселенческих, а за ними и старожильческих русских хозяйств в Азии — сравнительно быстрое усовершенствование приемов обработки земли, широкое пользование сельско-хозяйственными орудиями и машинами, в массе распространяемыми переселенческими и частными складами, общее стремление к интенсификации и промышленному характеру ведения хозяйства.

По свидетельству с'ездов представителей биржевого дела и сельского хозяйства в Омске, Ново-Николаевске, Томске, Иркутске и др., новые засельщики Азии — переселенцы, увеличивая производство зерна, не перестают идти по пути создания и новых сельско-хозяйственных ценностей, уменьшая тем, быть может инстинктивно, опасность ведения только зернового хозяйства истощения почвы и неурожаев. Действительность за Уралом пред'являет уже неотложные требования новых и новых рынков сбыта. Сибиряки, мечтавшие раньше только занять внутренние рынки для своего хлеба, при быстром и неожиданном под'еме производства, под влиянием в значительной мере пришельцев, перешли к мысли о полной, до зерна переработке сибирских хлебов — более ценных в муку, — дешевых в масло и молоко. Западная Сибирь начала перед войной работать на два фронта: посылать зерно, масло, и мясо на запад, в Европу, а муку на Дальний Восток, потреблявший до сих пор только манчжурский или американский хлеб.

На первом плане из всех „подсобных" к зерновому хозяйству промыслов в новых наиболее ранних по заселению районах стоит маслоделие. С 400.000 пудов масла, вывозившегося из Сибири в 1894 году, вывоз этого продукта поднялся до пяти миллионов пудов в последние перед войной годы. Свыше 70 миллионов рублей в год выручалось за это деньгами.

Далее, быстро растет птицеводство, выбрасывающее уже одних яиц на миллионы рублей в год даже за пределы России, и мясное скотоводство. Процент сибирского мяса достиг за последнее пятилетие перед войной на столичных мясных рынках 45—50%, тогда как в период 1903—1907 г.г. он колебался между 10 и 12%.

В 1900 году Сибирская железная дорога перевезла людей 600.000, а 1911 году уже три миллиона четыреста тысяч. Вывоз всякого сырья увеличился и выражался перед войной лишь для одной Западной Сибири уже в сумме до 100 миллионов пудов. Наряду с этим возрос и ввоз в Азию предметов промышленности, особенно фабрично-завод-

ской. Товарообмен возрос чрезвычайно, и пропускная способность существующих в пределах Азиатской России железных дорог оказалась далеко недостаточной, а Сибирская дорога из убыточной превратилась в доходную, давшую в 1912 году 13,400.000 рублей чистого дохода превышая на $1\frac{1}{2}$ миллиона доходность Николаевской железной дороги.

Таковы в общих чертах итоги развития производительных сил Азиатской России под влиянием колонизации последних предвоенных лет. Суммируя итог, нельзя не согласиться с впечатлением, вынесенным автором цитированной уже записки П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина в Сибирь в 1910 году, „если работа правительственной организации переселения во многом не совершенна и не всегда отвечает предъявляемым жизнью требованиям, то самое дело переселения и постепенного приобщения к русской культуре новых пространств, как проявление творческих народных сил, совершается с непоколебимой твердостью и как бы стихийной неизбежностью. Малолюдная Сибирь быстро оживает и крепнет. Это самое главное“.

Но не таково мнение о роли переселения в русском народном хозяйстве, и о его влиянии на хозяйство и быт Зауралья большей части русского общества и литературы последней четверти XIX и начала текущего столетия. Литература этого периода и в периодической прессе и в отдельных монографиях под влиянием предвзято усвоенной идеи, что переселение избрано было правительством за главное средство к разрешению земельного вопроса в коренной России, только с этой точки зрения оценивала и все связанное с переселением и колонизацией. Исходя из этого предвзято усвоенного положения, литература склонна была признавать всякую заботу о переселении тормозящей развитие различных в этом отношении планов. Как на характерную литературную работу очерченного периода о переселении можно указать на статью И. И. Попова под заглавием: „Переселение крестьян и землеустройство Сибири“, помещенную в VI томе „Великой Реформы“ (юбилейное издание Сытина 1911 г., стр. 249—267).

Вот как оценивается в этой работе переселение и переселенческая политика.

„Сибирь уже теперь обездолена бестолковым, в полном смысле слова хаотическим расселением переселенцев: уже теперь происходят столкновения и даже схватки, но если бы правительству удалось наладить хутора в Сибири, в чем мы абсолютно сомневаемся, то эти хутора были бы сметены земельным пролетариатом, искусственно созданным (стр. 264). Аграрный вопрос в Сибири создан искусственно, благодаря неумелой беспринципной переселенческой политике. Плохо стало и сибирскому старожилу, который двинулся за поиском новых земель, и инородец оказался совершенно обездоленным и частью отрезанным от рек с одними богарными не орошенными землями. Скотоводство у инородцев сократилось более, чем в половину; у сибиряков, у кого было до десятка голов скота, осталась одна, много—две головы. Переселенческие поселки—это поселки нищих, а сотни тысяч крестьян пришедших из Европейской России, представляют из себя в полном смысле слова бездомную голотьбу“. (стр. 266—267).

Аналогичными статьями пестрят почти все сибирские газеты и значительная часть столичной прессы. Тоже самое высказывают в своих речах и члены 3-й Государственной Думы, начиная от социал-демократов и кончая представителями партии народной свободы. В особенности резким осуждениям подвергается переселенческое дело яко бы за обезземелие и раззорение киргиз и земельное утеснение сибирских старожилов.

IV.

Столь распространенное мнение литературы обязывает несколько углубиться в вопросы влияния переселения на хозяйственный быт киргиз и сибиряков-старожил.

При выяснении влияний переселения на быт киргиз существенно важно установить, что заселение киргизской степи началось и долгое время продолжалось стихийно русским народом вопреки воле правительства.

Начальным моментом русского заселения киргизской степи в значительных размерах следует признать образование в начале восьмидесятых годов минувшего столетия города Кустаная в Тургайской области, молва о котором проникла даже в отдаленные места Европейской России.

В поисках за свободными и привольными местами, переселенцы, прибывшие в Кустанай, несмотря на воздействие администрации, в первый же год расширили городской надел в 13.000 десятин до 40 тысяч с лишним десятин, и, если бы обмежевание городской земли не положило границ дальнейшему захвату, то неизвестно, до каких бы размеров распространились самовольные запашки новых горожан. Из города Кустаная непереставвшие прибывать сюда переселенцы, как из полной чаши, стали растекаться вглубь киргизской степи, занимая сначала земли по реке Тоболу, а затем и дальше вступая в различные договорные отношения с киргизами, и то оседая отдельными семьями в киргизских аулах, то образуя небольшие заимки, постепенно разраставшиеся до крупных сел.

Так же шло распространение русских поселений и по реке Ишиму, в пределах Акмолинской области и других местах, пока сама жизнь не потребовала правительственного вмешательства в новые земельные отношения в киргизской степи, как в интересах местного, так и пришлого населения.

Неоднократно принимались меры к приостановке переселения в степные области, но никогда не приводили они к положительным результатам. Переселение сюда с каждым годом возрастало, превращаясь в „самовольное“, совершенно неупорядоченное, сопровождающееся нередко столкновениями русских с киргизами, в большинстве случаев невыгодными для киргиз.

Это обстоятельство и побудило правительство приступить в киргизских степях к работам по поводу переселенческих участков из тех земель, которые оказывались излишними для кочевников. В целях определения таких

излишков и необходимых для кочевого хозяйства земель в степных областях, решено было выяснить не только фактические границы киргизского пользования землею, размеры кочевого скотоводства, соотношения этих размеров с освоенными земельными угодьями, а также действительную потребность киргиз в земле в условиях кочевого быта.

Для этого в девяностых годах минувшего века по поручению Комитета Сибирской железной дороги Министерством Земледелия была организована статистико экономическая экспедиция по исследованию хозяйственного быта киргиз, которая в течение пяти лет обследовала все те уезды (12) Степного края, куда стремились переселенцы из Европейской России.

Собранныей экспедицие сведения были первым научным материалом, давшим представление о характере землепользования и хозяйства киргиз, о которых до того имелись только отрывочные и часто противоречивые показания случайных путешественников. Данныя экспедиции установили, что представление о киргизах, как о кочевниках-скотоводах, не имевших никакого понятия о границах своего землепользования, не соответствует действительности. Первые исследования быта киргиз установили, что киргизы во многих уже районах Степного края перешли и переходят к земледелию, обособляясь в своем землепользовании от кочевников.

Вот что пришлось признать первым исследователям хозяйственного быта киргиз.

„Узкие и широкие полосы пашен, отдельные нивы и сплошные посевы хлебов на довольно значительных площадях легли уже по степи теми ненарушимыми гранями, перед которыми кочевник-скотовод должен был остановиться со своими стадами, как перед пределом, его же не прейдеши, как перед историческим необходимым фактом замены одних форм хозяйства другими... На смену пастуху и беспрерывно кочующему с ним стаду здесь выдвинулись полуоседлые формы общежития и земледельческие занятия, а там, где врезался в грудь земли плуг пахаря, началось уже разложение пастушеского быта и рост быта земледельческого“.

Обнаруженные экспедицией сведения о степных областях совершенно изменили дальнейшее отношение правительства к безхозяйно лежавшей земле, какое наблюдалось при составлении степного положения. Имея точные данныя о переходе киргиз от кочевого скотоводства к оседлому, в связи с развитием среди них земледелия, возможно было установить уже особые нормы земельного обеспечения киргиз, а переселенцев устраивать лишь на излишках земель, оставляемых за обеспечением киргиз по этим нормам.

Неуверенность, однако, в точности собранного материала и вполне естественная осторожность в столь сложном и ответственном деле, как установление земельных норм для впервые изучаемого полукочевого киргизского народа, обусловила очень широкие нормы оставляемых в пользовании киргиз земельных пространств. Земельные нормы были расчитаны

не для надела кочевников, а для ограждения лишь существующих форм кочевого хозяйства, в том предположении, чтобы для будущих работ землеустройства был обеспечен самый широкий простор. Эта норма установлена была в расчете на пастбищное скотоводство с 24 единицами крупного скота на одно хозяйство, или, иными словами, норма надела расчитана на кочевника. По отдельным местностям Степного края она колебалась от 150 до 550 десятин.

С установлением подобных норм в обследованных уездах Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей, для 106 тысяч киргизских кибиток (хозяйств) должно быть оставлено 17 миллионов десятин земли, а из им лишнея сверх того под кочевьями земель признано было возможным обратить в „излишки" свыше 18 миллионов десятин.

Одновременно с утверждением норм земельного обеспечения киргиз, исчисленных экспедицией по исследованию степных областей, начиная с 1893 года, на отдельные уезды Степного края распространяются и правила по образованию переселенческих участков (ст. ст. 124—176 правил переселения).

За 13 лет действия этих правил (с 1893 по 1905 г. г.) в Степном крае из 18 миллионов земельных излишков под русское переселение отведено было 3.800.000 десятин земли для устройства свыше 400 тысяч душ обоего пола переселенцев.

Несмотря однако на то, что за первые 13 лет работ по отводу в киргизской степи переселенческих участков отведено было под переселение менее 25% исчисленных излишков и невзирая на то, что, на основании ст. 132 правил переселения, в переселенческие участки вовсе не включались постоянные общественные угодья киргиз,—на образование участков часто поступали жалобы со стороны киргизского населения, не желавшего примириться с некоторым земельным ограничением на государственную землю. Жалобы эти особенно усилились к 1905 году и были широко поддержаны некоторой частью печати, высказывавшею мнение о разорении киргизского народа. Настойчиво распространялось мнение о необходимости прекращения русского переселения в Степной край. Даже автор известной книги „Переселение и колонизация" А. А. Кауфман высказывал мнение, что русскую колонизацию в киргизской степи следует признать уже законченной [1]. „Я не рискую ошибиться, если скажу,—писал в 1905 году названный автор, что степные области ни в каком случае не дадут еще такой же площади земель, годных для крестьянской колонизации", какая уже была отведена в 1905 году в размере 3 миллионов десятин [2]).

Между тем, жизнь и действительность говорили о другом. Кочевой быт киргиз с изменявшимися экономическими условиями под влиянием русского переселения в киргизскую степь все более и более складывается в

[1]) А. А. Кауфман „Переселение и колонизация", стр. 231.

[2]) То же, стр. 229.

сторону перехода к оседлому состоянию. А это явление в свою очередь естественно понижало уже средние размеры потребностей киргиз в земле, так как при земледельческом хозяйстве норма среднего размера земельного обеспечения двора значительно должна была понизиться против нормы скотоводческо-кочевой. Вместо с тем для государства все более и более выяснялась убыточность и нехозяйственность использования под кочевое хозяйство тех земель, которые самой природой предназначены под зерновое-хозяйство.

Так, например, в отношении северной части киргизской степи выяснилось, что здесь для получения ста пудов хлеба, могущих обеспечить существование в течение года 5 человек, достаточно одной десятины целинной земли. Между тем, для четырех единиц скота, которыми с трудом может прокормится в течение одного года один человек, требуется тех же целинных земель от 20 до 25 десятин.

Вместе с тем все более и более становилась очевидной выгодность оседлого культурно-скотоводческого хозяйства с сенокошением, разведением молочного скота и обработкою продуктов скотоводства.

Весь быт киргиз под влиянием русской колонизации значительно отклонился от обычных форм пастушеского хозяйства в сторону более сложной культуры. Появились киргизские хозяйства, засевающие десятки и даже сотни десятин земли, а пшеница и просо стали поступать на рынок и из киргизских хозяйств. На ряду с тем заметно изменилась и пищевая норма киргиз: пропорция животной пищи понизилась, а процентное отношение в ней пищи растительной значительно возросло. В составе киргизских стад заметно увеличился рогатый скот, этот неизменный спутник более оседлых и устойчивых форм хозяйства. А изменение в составе стад, в свою очередь, повлияло на изменение пищевой нормы и в животной пище. Естественно, что киргизы стали переходить к таким формам хозяйства, которые, при большей интенсивности, дают больше пищевых веществ с одной и той же площади, и, следовательно, требуют меньшего количества земли. Вот почему между прочим, опасения обеднения киргиз под влиянием внедрения в степь переселенцев не имеют никакой почвы.

Для развития же земельных правоотношений у киргиз отмеченные факты имели то значение, что побудили общинно-аульные группы точнее определить границы своего землевладения. Так, появилось требование соблюдать границы покосов, что еще не так давно казалось несвойственным киргизской общине. Внутри общины появляется подворно-наследственное владение не только пахотными, но и сенокосными участками.

Отмеченные новые явления как в строе хозяйственной жизни киргиз, так и в земельных отношениях, и усилившееся после 1905 года до небывалых размеров переселенческое движение, в главной своей массе направлявшееся в степные области Сибири, побудили правительство произвести

повторное обследование киргизского хозяйства. Эти повторные обследования еще резче подчеркнули почти повсеместный сдвиг хозяйства киргиз в сторону земледелия.

Исследования Уральского уезда в 1905 г. обнаружили, что здесь процент сеющих хозяйств киргиз — 88% при 7,6 десятинах посева в среднем на хозяйство. Повторное обследование Аракарагайской волости, Кустанайского уезда, произведенное также в 1905 году (через семь лет после первого исследования), показало, что % сеющих киргиз с 72,3 возрос до 94,4, при среднем посеве на хозяйство до 8 дес., вместо 3,3 дес. Особенно быстрый под'ем киргизского земледелия замечен к 1908 году в Омском уезде, где киргизские запашки удесятирились. По отдельным волостям процент сеющих хозяйств достигает 95—100%.

На ряду с этим увеличилось, благодаря поднявшимся ценам на скот, и киргизское скотоводство; число голов лошадей и рогатого скота возросло в Петропавловском уезде более, нежели вдвое; в Омском и Кокчетавском на 52% и 68%; в Атбасарском уезде крупного скота прибыло 80%.

Весьма любопытно отметить совпадение общего увеличения благосостояния киргиз с развитием русского переселения в степи. Число бедных малоскотных хозяйств значительно уменьшилось, по позднейшим обследованиям процент их по отношению к общему числу хозяйств понизился в Петропавловском уезде с 83% до 51%, в Кокчетавском с 75% до 49%, в Омском с 67% до 55%. Соответственно увеличилось число хозяйств обеспеченных.

Общим, наконец, для всех степных областей и ясным признаком роста благосостояния киргиз является высокий процент ежегодного прироста населения—2,3%, тогда как по всей России он ниже 2%. Уменьшается у киргиз даже детская смертность: за последние 12 лет выживание детей до рехлетнего возраста поднялась на 25%.

Богатый киргиз живет теперь часто уже не в землянке, а в деревянном или саманном доме, только летом он перебирается в юрту. Среди земледельческих орудий у него встречаются сложные уборочные машины. Вместе с тем в среде зажиточных киргиз замечено стремление к улучшенному скотоводству, с заготовкою скоту корма и помещений на зиму, сенокошению и земледелию, т. е. к тому строю хозяйства, который требует несравненно меньших земельных норм.

Столь благоприятными результатами киргизы обязаны приливу в край русских переселенцев, являющихся более культурным элементом, чем сами кочевники. Весьма важно отметить особо полезное в свое время значение в этом деле принятой государством землеотводной системы, основанной на нормах первой экспедиции по исследованию степных областей: она несомненно гарантировала и интересы киргиз и дала правительству возможность сделать первый приступ к более производительному использованию территории, лишенной всякой культуры.

Но, как всякая система, построенная на экономических данных лишь определенного переходного времени, эта система, с изменением переходящих условий, перестала к концу первого десятилетия настоящего века отвечать условиям и запросам государственной жизни.

При переходе киргиз к оседлой и полуоседлой жизни и от кочевого скотоводства к земледелию, потребность для них в широких нормах земельного обеспечения, колебавшихся от 150 до 550 дес. на хозяйство значительно сократилась, и признано было возможным и необходимым, на основании данных повторного обследования киргизского хозяйства, нормы эти установить в рзмере от 55 до 350 дес. на хозяйство. Конечно, и эти последние нормы земельного обеспечения киргиз, по сравнению с наделами в тех же местностях русских переселенцев, колеблющимися от 30 до 45 дес. на хозяйство остаются весьма высокими, в особенности, если принять во внимание, что податное обложение русских переселенцев, по расчету на одно хозяйство в 5—6 раз выше, чем такое же обложение киргиз.

Однако и такое понижение норм земельного обеспечения киргиз дало возможность использовать под русское переселение новые земельные излишки даже в таких уездах, как Кустанайский и Кокчетавский, которые признавались для переселения уже закрытыми. В одном Кокчетавском уезде, считавшемся к 1906 году, технически говоря, в земельном отношении отработанным, удалось за последние пять лет перед войной водворить свыше ста тысяч душ обоего пола новых переселенцев, и некоторый свободный фонд еще имеется в запасе. Всего же за время применения новых норм, т.-е. с 1906 по 1912 г., под русское переселение в киргизской степи вновь отведено свыше 12 миллионов десятин земли и уже устроено на них до $1^1/_2$ милл. душ обоего пола русских переселенцев.

Новое вселение такого количества переселенцев в киргизскую степь и при том в сравнительно короткий срок едва ли не повлечет за собой, по крайней мере, в северных черноземных районах этой степи, окончательное крушение кочевого быта и кочевого землепользования. Переживаемый ныне кочевниками период ликвидации кочевого их быта, обусловленный по преимуществу переселением в киргизские степи русских крестьян и связанный с неизбежным в некоторых случаях перемещением киргиз, может быть назван переселенческим. „Не отдельная только колонизационная волна направляется в область, — пишет в своей записке о преобразовании управления в Степном крае Тургайский губернатор И. М. Страховский, но вся область сплошь колонизуется и устраивается на новых основаниях". Вся степь, составляющая общественное пользование киргиз, испещрена ныне переселенческими участками. Кочевание киргиз во многих районах киргизской степи отошло в область воспоминаний. Между отдельными волостями и аулами произведено за последнее время не один раз перераспределение земли, не на основании 112—124 статей степного положения, а в порядке

землеотводных работ при отводе переселенческих участков. Уже одного беглого взгляда на современную карту заселяемых частей киргизской степи достаточно для того, чтобы усмотреть, что основные статьи действующего степного положения имеют в области поземельных отношений больше историческое значение, чем являются нормами действующего права“ [1]).

Былой беспрепятственной пастьбе киргизских стад по общественным землям своих сородичей все уже и уже ставятся естественные пределы развившимся земледелием. Проторенные пути для беспорядочного кочевания па всем степном просторе оказались прерванными в различных местах новыми селами переселенцев или обширными возделанными пахотями самих киргиз. Эти новые явления в колонизуемой степи, в связи с естественным ростом киргизского населения, сильно отразились и на правосознании киргиз.

Теперь уже не правительство хочет установить границы землепользования кочевников и ввести порядок в земельные отношения киргиз, но они сами в массе, сознают необходимость ненарушимости обособленного владения, особенно пахотной землей. Новые земледельцы стараются свой затраченный на обработку земли труд закрепить за собой, хотя бы за счет прежнего широкого простора, а с другой стороны и крупные скотоводы ищут для пастьбы скота степей, защищенных природой от явно неизбежного вселения пахарей, и готовы продвинуться для этого в районы непригодные для земледелия. Так возникло стремление у рядовых киргиз к наделу землею по переселенческой норме, а у богатых скотоводов к тому или иному землепользованию вне территории, изборожденной сохой и плугом.

Считаясь с этими новыми явлениями в жизни киргиза, правительство выступило уже во второе пятилетие текущего столетия в более деятельной роли землеустроителя и хозяина степи.

Отвод оседлых земельных наделов киргизам на равных с переселенцами основаниях развивался с каждым годом все более и более, в связи со все возрастающим количеством ходатайств о том киргиз. В 1909 году было запроектировано под киргизские наделы 108.340 десятин, в 1910 году уже 305 тысяч, в 1911 году—695 тысяч десятин и в 1912 году отведено 882.060 десятин 19.500 кибитковладельцам, а возбудило ходатайство о землеустройстве за этот год 40,500 кибиток. Наибольшее стремление к оседлости, на общих с крестьянами основаниях, проявили киргизы в Семиреченской области, где в 1912 году было возбуждено 16.000 соответствующих ходатайств, затем следует Сыр-Дарьинская область — 13.895 ходатайств.

Но к сплошному землеустройству приступлено было до мировой войны только в отдельных частях киргизской степи, где переход к земледелию и оседлости составляло вообще вполне определившееся явление. В тех же кир-

[1]) Г. Ф. Чиркин. Вопросы колонизации. № 12, стр. 66.

гизских волостях, где этого еще не было, перераспределение государственных земель между кочующими по чернозему киргизами и стремящимися сюда русскими земледельцами происходило на особых основаниях. Совместное существование скотоводческого кочевого уклада с земледелием, оказалось невыгодным для богатых скотоводов. Вот почему последние возбуждали специальные ходатайства о переселении в местности, непригодные для земледельческой колонизации. В этих случаях правительство признавало возможным допустить и более широкие кочевые нормы, но уже за пределами земель, пригодных под распашку. В означенных местностях переселенческие чины отводили пожелавшим переселиться киргизам особые земельные площади по кочевым нормам.

Само собой разумеется, что и это специальное наделение скотоводов землей в их сознании не проходило безследно, укрепляя идею индивидуальности земельного владения, что в более широких размерах наблюдалось у киргизской массы, перешедшей к земледелию и ходатайствующей о прочном наделении землей.

Так распадается исконный быт кочевника, уступая место началам обще-культурного строя земельных отношений. Натуральное скотоводческо-кочевое хозяйство постепенно сменяется оседло-скотоводческим, а последнее в районах, допускающих оседло-земледельческое ведение хлебопашества, переходит к товарно-денежной форме.

Такая смена форм хозяйства произошла, как отмечено выше, главным образом, благодаря приливу в степь переселенцев с более высокой культурой; но неустойчивость и непрочность своеобразного быта киргиз имела и внутренние причины.

Старый строй земельных отношений не только не приблизил киргизский народ хотя бы к зачаткам цивилизации, но и не дал сытого благосостояния. При обследовании в начале девяностых годов минувшего века, т.-е. задолго до вселения сюда в значительных размерах переселенцев, установлено, что лишь группе в 7,2% общей киргизской массы удалось сделаться зажиточной. Таким образом, очень немногие были сознательно заинтересованы в упорном отстаивании старины.

Новые же задачи в области земельных отношений государства к киргизскому народу, начинающему под сенью русской государственности новую культурную жизнь, выдвигают необходимость на смену устаревшего степного положения дать новые правовые нормы, которые должны постепенно подготовить киргиз к усвоению ими обще-русского устройства.

Освещение вопроса о соответствии распространенного литературного мнения начала нынешнего столетия об оскудении вследствие переселения из Европейской России за Урал и земельного разорения русских сибиряков старожилов действительному положению вещей значительно легче.

Уже из экономическо-культурных данных, изложенных в связи с влиянием колонизации на развитие производительных сил Сибири, явствует что все блага развития этих сил отзываются на хозяйстве старожилов, да и сами они в заимодействии с новоселеми являются активными творцами новым хозяйственных начинаний.

Бесспорно, что прежний земельный простор для сибиряков сократился. Они, по собственному их выражению, видят „край земли“. Безграничные перспективы исчезают из обихода. Но это неизбежное последствие общих экономических законов. Они несут Сибири не обнищание, а только новые формы быта более трудные, но в конечном итоге и более выгодные. Благодаря стихийному движению переселенцев и оседанию их местами вдвое превышающими по численности своей основное сибирское население, переход этот быть может совершается быстро и резко, но в нем нет ничего болезненного и результат его следует признать положительным. Наибольшее сгущение населения от переселения происходило не по воле правительства, а по добровольному желанию самого коренного сибирского населения. Дело в том, что по поземельно-устроительному закону, на основе которого происходили отграничения земельных наделов старожилому населению Сибири, доприселение допускалось лишь в том случае, если надел превышал на наличное поселение 15 десятин на душу мужского пола, т. е. 45 десятин на семью удобной земли. Если старожилое население хотело оставить в своем наделе большее количество земли, сверх этой нормы, то оно обязывалось допринять новых членов. В большинстве случаев оно из-за своих личных выгод: получить от переселенцев вступные деньги в их общество, иногда очень значительные, предпочитало оставить эти излишки за собой. Получив эти излишки к себе в надел, оно сверх нормы уже само иногда принимало новых переселенцев. Но и той земли, которая оставалась старожилам, от 40 до 50 десятин на хозяйство, на долгие годы более чем достаточно. Нигде в обработке у старожилов не находится более $^1/_3$ их земельного надела. Если взять даже считающийся малоземельным по сибирскому масштабу, конечно, густо заселенный, допринявший большое количество переселенцев, Курганский уезд Тобольской губернии, то здесь под посевом занято всего 17% надельной площади старожилов, а во всей Тобольской губернии всего 3,8% надельной площади. Отсюда с очевидностью ясно, что сокращение земельного простора не могло сколько-нибудь заметно отразиться в худшую сторону на земледельческом хозяйстве старожилов Сибири. Статистико-экономические обследования выявляют скорее выгоду старожилов от доприселения переселенцев на старожильческие наделы. В первые годы, когда еще происходит процесс устройства новых членов, старожилы выигрывают на том, что для них является возможность сбывать новоселам по выгодным ценам избытки скота и хлеба. Общая же производительность старожильских районов Сибири, во всяком случае, от перехода части земель к переселенцам, повы-

шается: и площадь посева, и урожайность земли у переселенцев больше, чем у старожилов, приблизительно на 20—30%.

Слишком велики и неиспользованы еще природные богатства Сибири, чтобы можно было говорить об земельном оскудении ее населения. Вся задача заключается в том, что необходимо прежде всего поднять здесь доходность сельского промысла, что и делает переселение и тем самым экономически поднимает старожилов.

Сибирь, благодаря колонизации быстро перерастая прежние готовые меры и представления о ней, своим культурно-экономическим ростом крестьянского старожилого хозяйства непрерывно увеличивает емкость занятой населением земельной площади. А это обстоятельство дает профессору А. И. Чельницеву право предложить ввести разработку способов колонизации не только свободных земель, неосвоенных населением, но также и земель, частью освоенных, частью даже сполна заселенных, если изменившиеся экономические условия открывают возможность значительного уплотнения населения в данной местности [1]). Это теоретико-экономическое положение подтверждает своим опытом сибирское население, принимая на свои наделы новых переселенцев, и тем претворяет вывод экономической науки в живую действительность. Эта действительность вводит естественные поправки жизни к широким наделам старожилого населения: большая часть наделов пустует или разбирается в аренду неустроенными и самовольными переселенцами. Но положение этих неустроенных переселенцев подвергается часто жестокой эксплоатации со стороны старожилов и выдвигает необходимость сократить норму надела и сразу устраивать на земле большее число хозяев.

V.

Неуклонно перестраивавшиеся под влиянием колонизации бытовые и экономические отношения в Сибири и запросы аграрных отношений в центре России с течением времени пред'являли все новые и новые требования к правительственной политике переселения и колонизации. Действовавший еще при Комитете Сибирской железной дороги основной закон о переселении 1889 года оказался неполным и устаревшим. Появился целый ряд новых и законодательных и административных новелл по частным поводам и случаям.

В записке Министерства Внутренних Дел, составленной по поручению Комитета, указывалось, что „в последние годы правительство преследовало в переселенческом деле главным образом первоначально предначертанную Сибирским Комитетом задачу заселить и оживить район Сибирской железной дороги, и что поэтому „в узаконениях и распоряжениях последнего десятилетия почти нет стремления к достижению других, во всяком случае, не менее важных задач переселенческой политики, заключающихся прежде

---

[1]) Вопросы Колонизации № 20, стр. 141.

всего в улучшении посредством переселения условий землепользования и хозяйства крестьянского населения внутренних губерний империи"... Полагая в итоге, что, „при всей важности колонизационных интересов, по потребностям текущего времени, в случаях несовпадения этих интересов с интересами улучшения земельного быта населения на местах выхода, предпочтение должно быть отдаваемо интересам землеустройства". Министр Внутр. Дел В. К. Плеве соответственно и строил схему проекта нового закона, обращая главное внимание на вопросы выселения.

Но означенные предположения министра Внутренних Дел касательно новых принципов в управлении переселенческим делом не были разделены Комитетом Сибирской железной дороги, и в основу новых „временных правил", получивших силу закона 6 июня 1904, года были положены отвечавшие взглядам самого Комитета начала, а именно: свободы переселения с одной стороны, понимая под этой свободой право всякого идти на новые места без специального на то разрешения правительства, и прочного устройства на новых местах—с другой.

Правда, свобода казалась на первый взгляд сильно ограниченной тем, что абсолютно свободным являлось лишь переселение без льгот и без какого бы то ни было содействия власти, а претендующие на таковые должны были либо вселяться в местности, выселение из которой, вследствие неблагоприятных хозяйственных условий, признавалось желательным, либо хотеть переселиться в районы, заселение коих вызывается видами правительства. Но определение всех этих признаков принадлежало тому же правительству, и таким образом обнаруживалось главное принципиальное достоинство закона 1904 года—его целесообразная гибкость, дающая возможность примениться к стихии, но зато и возлагающая серьезную ответственность на органы власти. В законе устанавливается обязанность ходачества для лиц, получивших разрешение на переселение, при чем безразлично от каждой ли отдельно семьи или от группы однообщественников; определяется порядок ликвидации наделов на родине (уступка однообщественникам), порядок перечисления и приселения переселенцев к сторожилам селениям; выяснены основания отвода переселенцам казенных земель и образования поселков и обществ; указаны в точности льготы и преимущества, оказываемые сопрягаемые при переселении (с содействием); установлены новые правила относительно переселенцев, самовольно оставивших места их нового водворения.

Таков был новый закон, осуществлять который ближайшим образом предстояло за прекращением деятельности Сибирского Комитета, Переселенческому Управлению в качестве установления Министерства Внутренних Дел. Но уже при первых же шагах этого Управления, т. е. еще в конце девяностых годов сделалось ясным, что нераздельно с заботами о передвижении переселенцев и о первоначальном их устройстве на местах водворения должны стоять также и другие задачи более важные: о прочном

хозяйственном устройстве переселенцев и всестороннем обеспечении их быта. Способствовать осуществлению этого Переселенческое Управление по мере возможности и пыталось, но надлежащее развитие дело тормозилось главным образом совершенною невозможностью непосредственно влиять на самое создание условий для водворения, так как все межевые отряды, отводившие земли под переселение и устраивавшие старожилое население, и обследования в статистико-экономическом отношении, и мелиорация отводимых переселенцам земель,—все это зависело лишь от Министерства Земледелия. Таким образом получилось и в территории и на практике некоторая невязка, несогласованность действий.

Особым указом о преобразовании Министерства Земледелия и Государственных Имуществ, такое положение было устранено тем, что 5 мая 1905 года Переселенческое Управление вошло в состав Главного Управления Землеустройства и Земледелия, в котором и были об'единены с тех пор все заботы о колонизации окраин, начиная с подготовления участков под заселение и устройства на них переселенцев, и кончая созданием общих условий, благоприятных для укрепления хозяйств новоселов на новых местах. В этом же 1905 году состоялось об'единение и бывших до того в ведении различных департаментов Главного Управления отраслей переселенческого дела—в одном Переселенческом Управлении, сосредоточившем у себя, таким образом, все дела по переселению и землеустройству за Уралом.

Издание нового закона и преобразование исполнительного центрального органа совпали во времени с военными событиями на Дальнем Востоке, прямым последствием которых явилось прекращение перевозки переселенцев на время японской войны и почти полная остановка переселенческого движения: с 64.000 человек в 1903 году последнее упало в 1904 году до 4.200 человек, а в 1905 году еще уменьшилось на тысячу. Продолжался лишь приток самовольных, да и то больше в находящиеся в стороне от театра военных действий степи Тургайской и Уральской областей.

Несмотря на указанное, вполне об'яснимое в общем, сокращение движения, положение дела и при наличности нового закона продолжало внушать серьезные опасения. И прежде всего в том отношении, что хотя и раньше случались события, так или иначе влиявшие на передвижение народа, но никогда еще не было, чтобы, как в эти 2 года (1904 и 1905), законное переселение составило известный процент да к тому же еще и совершенно ничтожный, от переселения „без разрешения“. Это—с одной стороны, а с другой—задержка в ходе сибирского переселения оказалась лишь временною, и в следующие же—1906, 1907 и 1908 г. г. обнаружился уже небывалый под'ем переселенческой волны, значительно превысившей движение даже первых лет открытия Сибирской железной дороги. И новый закон о свободе переселения, и знакомство с Сибирью и Дальнем Востоком нашей многочисленной возвращающейся оттуда армии, и аграрные волне-

ния, все сложилось в направлении, усиливавшем движение. Но особенно благоприятствовало движению усиление забот правительства о помощи переселению путем расширения кредитов на организацию заготовки земель для переселения и на пособия новоселам.

И вот, общая обстановка не только движения, но и заселения, при значительном числе переселенцев обратных, в связи с возбужденными в обществе слухами об исчерпании колонизационного фонда, о различных яко бы нарушениях земельных прав коренного населения Сибири, заставляли желать наиболее гласного обсуждения переселенческого вопроса в целом и отпуска крупных кредитов для прочной постановки дела колонизации.

Новым законодательным установлением: Государственной Думе и обновленному Государственному Совету пришлось считаться при обсуждении усложнившихся задач в деле колонизации с разнообразными общественными течениями. Здесь нельзя не отметить одной интересной особенности. Время набольшего благоприятствования переселению со стороны государственной власти было временем наибольшего отрицательного отношения литературы и общества к делу переселения.

К восьмидесятым годам XIX в. относится общее указание наших публицистов, что никакой социальный строй не может быть совершенным и прочным, если он не восполняется правильной системою колонизации. Россия в этом отношении поставлена в особо благоприятные условия, так как переселение у нас не только не приносит никакой потери государству в населении, подобно эмиграции в других странах, но напротив того, способствует приобщению к культуре обширных не заселенных пространств и увеличивает мощь народа и государства (князь Васильчиков). Отсюда почти общее мнение о том, что переселение—явление творческое. Особенно настаивали на этом представители так называемого „народнического“ направления в литературе, но с ними сходились и публицисты, не принадлежавшие, в общем, к этому направлению, как, например, Тернер. Последний, равно как и Ядринцев, а с ним и профессор Исаев, настаивали на признании за переселением значения прогрессивного фактора, так как оно отнюдь еще не может считаться явлением, задерживающим переход к высшим формам обработки земли. Страна переживает естественно осуществляемый народным инстинктом процесс предварительного расселения земледельческой массы и накопления необходимых для дальнейших глубокой культуры капиталов и опыта.

Южаков находил, что колонизация есть самое могучее средство к расширению народного землевладения, что она—необходимое звено в мероприятиях по улучшению положения крестьян. Переселение совсем не опасно, ибо слегка лишь разрядит центр России, создавая в нем большой простор и удобство и побуждая помещиков, вследствие некоторого уменьшения количества рабочих рук, обращаться к лучшим, сберегающим труд, орудиям и приемам производства...

Такова была в нашей литературе того времени идеалогия переселения, как движения народного. Видное участие в ней принял своим талантом также Глеб Успенский, а с ним и другие литераторы. Настойчиво при этом всем указывалось на несостоятельность правительственных мероприятий направленных на искусственное сокращение переселений. И прежде всего оспаривалось то положение, которым обычно об'яснялись опасения правительства перед возрастанием движения, а именно о недостаточности, как бы, земельного фонда в Сибири. Люди столь знакомые с нею, как Ядринцев, находили, что фонд этот на деле весьма велик и может удовлетворить самому широкому спросу еще на очень далекое будущее. Емкость одной лишь Западной Сибири Ядринцев рассчитывал на 50 миллионов душ. Профессор Исаев принимал эту цифру для переселенцев всей Сибири. Многое в таком отношении к переселению об'ясняется повышением в то время интереса нашей интеллигенции к „деревне", к „народу".

Но описанное благоприятное отношению общественных течений к переселенческому делу с ростом переселенческого движения, с увеличением обратного потока переселенцев и главным образом из за опасения, что переселение в крупных размерах является препятствием к разрешению земельного вопроса в центре в смысле передачи помещьих земель трудовому населению, к началу текущего столетия сменилось отрицательным к нему отношением и переселенческие вопросы стали одиозными. Особенно эти течения обострились после неудачной революции 1905—1906 годов, когда разочарование в разрешении аграрного вопроса в Центральной России обусловило под'ем переселенческого потока за Урал до небывалой высоты (700 тысяч в год). В переселении стали видеть в Европейской России страховку правительством помещьих земель, а за Уралом разорение старожил и инородцев.

VI.

И первые две Государственные Думы и значительная часть членов третьей думы исходили из того положения, что переселение избрано правительством как главное средство к разрешению аграрного вопроса, и это убеждение обусловило отрицательное отношение ко всем мероприятиям по переселению и колонизации, исходящим от правительства.

Первая дума, дума „народного гнева" не могла ясно выявить своего отношения к переселению за скорым ее роспуском. Запрос, обращенный к Председателю Совета Министров о „незаконном" образовании переселенческих участков в Киргизской степи она не рассмотрела вследствие роспуска последовавшего через два дня после внесения этого запроса.

Вторая государственная дума, просуществовавшая всего $3^1/_2$ месяца, оставила всего два документа по переселенческому делу. Один — формула перехода по запросу к Главноуправляющему Землеустройством и Земледелием относительно принятия мер к ускорению образования переселенче-

этих участков. Раз'яснения правительства по этому вопросу признаны Думой недостаточными, и мероприятия по организации переселенческого дела не обеспечивающими интересы переселенцев и нарушающими интересы коренного населения Сибири. Второй документ, оставленый второй думой — проект доклада Бюджетной Комиссии по смете Переселенческого Управления на 1907 год, составленной членом думы Скалозубовым.

Заключительная часть этого проекта, который вероятно получил бы законодательное одобрение, если бы дума не была распущена, сводилась к следующим положениям.

1) Вся сложная задача переселенческого дела и колонизации окраин правительством решается узко и односторонне. Она сводится к вызову переселенцев и направлении их на места с оказанием им ссудной помощи, агрономической и медицинской.

2) Преследуя случайные цели решения аграрного вопроса, правительство упускает из виду придать переселенческому делу серьезную постановку Народно-Хозяйственного предприятия.

3. К организации дела должны быть привлечены земства мест выхода переселенцев и организованы земства на местах вселения переселенцев.

1 Ноября 1907 года открыла свои занятия Третья Государственная Дума, а 10 Ноября в четвертом ее заседании состоялись ее суждения по переселенческому вопросу, приуроченные к рассмотрению заявления фракции союза 17 Октября об образовании особой комиссией по переселенческому делу из 66 лиц [1]).

В этом заседании от имени сотоварищей по фракции М. В. Родзянко указал на важность переселенческого вопроса вообще, отмеченную образованием некоторыми южными земствами особых переселенческих организаций.

Насколько предложение фракции союза 17 октября было встречено сочувственно Государственной Думой — свидетельствует то обстоятельство, что немедленно же последовали заявления о поддержании этого предложения со стороны отдельных фракций и представителей главных колонизуемых местностей.

В этих заявлениях намечается уже желаемое с точки зрения каждого направление деятельности будущей переселенческой комиссии. Так, член Государственной Думы Тимошкин, утверждая, что на Кавказе имеется масса свободных земель, видел в переселении способ уменьшения земельной нужды в Европейской России. Член Государственной Думы Дзюбинский констатирует исчерпанность годного колонизационного фонда в Сибири, имея в виду, очевидно, что будущая комиссия надлежащим образом урегулирует интересы старожилов. Князь Голицын, опираясь на труды первого земского

[1]) Подробнее о роли в переселенческом вопросе третьей Гос. Думы см. работу В. П. Вощинина: „Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва“. С. Петербург. 1912 г.

областного переселенческого съезда, заявляет, что переселенческое движение вообще находится ныне в хаотическом состоянии, и что его необходимо поставить в более нормальные рамки. Член Государственной Думы Павлович даже предполагал, что будущая переселенческая комиссия окажется в состоянии нормировать переселение в Америку. Член Государственной Думы Караулов внес предложение о дополнении состава Переселенческой комиссии еще 5 лицами — дабы каждая губерния и область Сибири, как местности наиболее заинтерессованные в правильной постановке переселенческого дела, имела бы своего представител.

Таким образом переселенческая комиссия оказалась наиболее многочисленной (земельная 66 человек, остальные менее), и это обстоятельство несомненно доказывает, насколько важным для Государственной Думы представлялся переселенческий вопрос вообще.

В первом заседании переселенческая комиссия заслушала общее оффициальное сообщение по переселенческому вопросу князя Васильчикова, Главноуправляющаго Землеустройством и Земледелием. Князь Васильчиков в этом сообщении прежде всего коснулся значения переселения в деле разрешения земельной нужды крестьянского населения Европейской России. По мнению Главноуправляющего, в отношении малоземельных местностей оно, конечно, является могучим средством для устранения целого ряда местных поземельно-устроительных вопросов. Но едва ли не большее значение получает эта мера, ежели только переменить самое ее заглавие и вместо „переселение", сказать: „заселение". Миллиард десятин Азиатской России представляет из себя пустыню, изобилующую всеми богатствами природы и бедную лишь одним—людьми. Эта богатая пустыня непосредственно граничить с такими перенаселенными государствами, как Китай и Япония, и мы уже имеем определенные данные о тех мероприятиях, которые „дремлющий Китай" предпринимает для заселения смежных с нами областей. Это обстоятельство и эти соображения только сугубо подчеркивают первенствующее государственное значение переселения... Указав далее на необходимость, при участии народного представительства, упорядочить отдельные отрасли переселенческого дела, и наметив по каждой из них точку зрения ведомства, князь Васильчиков об'яснил вообще свое настоящее выступление тем, что он желал бы им „положить начало установлению необходимой солидарности взглядов на значение переселенческого дела между исполнительною властью и законодательным учреждением". Он желал бы убедить им членов переселенческой комиссии, что „тщетны попытки искать об'яснения склонности русского народа к переселению в каких либо преходящих явлениях современной жизни, а тем более видеть причины усиленного движения в каких-либо мелкого калибра правительственных распоряжений или действиях. В этом движении проявляется естественное стремление славянской расы, в лице передовых ея представите-

лей, русского народа на Востоке, и единственною преградою этого движения может быть отныне только Великий или Тихий океан“. „Пусть же“— заканчивал свою речь Главноуправляющий „народное представительство возьмет под особое свое покровительство это великое народное дело и вооружит исполнительную власть необходимыми средствами и законами для планомерного его направления“.

Подобное признание за колонизационными задачами переселения первенствующего значения было немедленно же приветствовано В. А. Караловым от лица представителей Сибири.

Всю свою работу переселенческая комиссия Государственной Думы свела к разбору переселенческой сметы на 1908 год. Она чрезвычайно внимательно разобрала отдельные сметные предположения по существу и дала ряд заключений по отдельным отраслям дела переселения, но общего доклада по переселенческой политике не дала. Между тем серьезность положения переселенческого дела этого властно требовала

Спрос на земли в Сибири резко определил все работы по заготовлению земельного фонда, не говоря уже о приспособлении наскоро отводимых участков к более или менее культурному их заселению. В результате огромное число прибывающих оставалось вовсе неустроенными. Последние частью возвращались обратно, частью кое-как перезимовывали, в ожидании будущей заготовки; но затем должны были придти новые сотни тысяч переселенцев, и правительство, таким образом, оказывалось как бы в заколдованном кругу, опоздавши „наладить дело“.

В сознании серьезности вопроса представитель правительства Г. В. Глинка в общем собрании Думы в ответ на критику и отдельные пожелания заявил, что несовершенства в деле переселения об'ясняется недостаточной определенностью правительственных воззрений на дело переселения. „Нынешний день, когда переселенческая смета впервые будет разсматриваться Государственной Думой и когда Государственная Дума выскажет свой окончательный и решительный взгляд на значение переселения и на возможность его расширения или развития, конечно будет началом новой эры в переселенческом деле, так как те мнения, которые высказываются правительством о значении переселенческого дела, получать таким образом санкцию в решении Государственной Думы. Только с этих пор можно будет говорить о дальнейших усовершенствованиях в его постановке, если те средства, которые будут ассигноваться под этим новым углом зрения на переселенческое дело, окажутся достаточными“.

Из этих слов вытекало, насколько действительно назрела потребность в руководительстве ведомства со стороны законодательного собрания. Всю ответственность за дальнейшее, правительство таким образом как бы перекладывало уже на последнее, но несомненно, этим оно принимало на се обязанность не на словах только следовать и всем предуказаниям Думы.

Но Дума не смогла дать ведомству соответственных указаний. Опасаясь недостаточно продуманных постановлений общего характера — отклонила и формулы перехода, предположенные фракциями мусульманской и социал-демократической. В первой содержалось указание, что „переселенческое дело, будучи тесно связано с разрешением общего аграрного вопроса, не может быть правильно организовано впредь до выработки в законодательном порядке основных положений разрешения аграрного вопроса". Вторая, наряду с предложением о вотуме против переселенческой сметы в целом, об'ясняла таковой шаг тем, что „переселенческая политика правительства с 1861 года направляется не интересами крестьянства, а интересами помещиков-дворян, что рекламирование переселения правительством в 1906 году было вызвано стремлением правительства уклониться от удовлетворения земельной нужды крестьянства на местах путем передачи крестьянам частно-владельческих, государственных, удельных и монастырских земель, что лишенная плана и безсистемная организация переселения ведет к массовому разорению переселенцев—крестьян, и что, наконец, охраняя земли помещиков внутри России, правительство экспроприирует земли инородцев в Азии и нарушает насущные интересы старожилов".

При обсуждении смет Переселенческого Управления на 1909 и 1910 г.г., росших и ширившихся в связи с ростом переселенческого движения, прения по общему переселенческому вопросу разгорались со страстностью, выступали по 20—30 ораторов, выносились каждый раз до 20 пожеланий, но все они сводились к частностям и порой жестокой критике. Эта критика исходила, главным образом, от оппозиции, преследовавший главным образом свои политические цели. Все имевшие место неурядицы в переселенческом деле об'яснялись „несоответствием искусственно вздутого переселенческого движения с размерами действительно возможной хозяйственной колонизации", — результатом чего являлась неизбежность нарушения земельных прав старожилового населения, под видом его землеустройства. От операций последнего, по утверждению ораторов, „стон стоит по всей Сибири", так как Переселенческое Управление, заведуя этим делом, преследует определенные ведомственные цели, отбирает без соблюдения закона лучшие земли от старожилов, и все потому, что единажды провозглашенная правительством безпредельная емкость необ'ятного сибирского пространства оказалась мифом; подготовленных свободных и удобных земель для всех идущих за Урал не имеется, и неизбежно приходится, для удовлетворения требований о земле, теснить коренное население. Теснятся не только землепашцы сибиряки, вынуждающиеся теперь в свою очередь выселяться с насиженных мест, но еще в большей степени киргизы и буряты, с интересами которых, при образовании нужного переселенческого фонда ведомство уже вовсе не стесняется. Словом,—в чрезмерном нажиме землеотрезного пресса—главнейший недостаток переселенческой политики, которая,

напротив того, должна быть направлена на заселение и колонизацию пустующих пространств, ждущих пока применения к ним труда человеческого. Затрагивали вопросы о свободных землях Кабинета, с указанием на препятствие последнего образованию переселенческих участков, рекомендовалось ведомству проявить больше мужества в отстаивании интересов населения при столкновениях с этим учреждением. Много говорилось о планомерности, ходачестве, обратном переселении. При обсуждении сметы переселения на 1910 г. с об'яснением о переселении выступил министр земледелия А. В. Кривошеин.

Согласно этому об'яснению все до сих пор предпринимавшиеся переселенческим ведомством меры охарактеризовывались черновыми, грубыми. Нужно было во что бы то ни стало удовлетворить главное требование жизни: „земли для переселенцев". По мере сил и возможности, ведомство такое требование выполняло, напрягая для одних землеотводных работ все свои силы, и конечно не имея возможности обращать должное внимание на другие, быть может не менее важные, стороны дела. Ныне отказываясь на время от расширения размеров переселенческого дела, ведомство ближайшею своей задачей избирает постепенное его упорядочение в отношении условий передвижения, качества землеотводных работ, и прочности водворения новоселов.

Далее статс-секретарь Кривошеин разбирает прежние правительственные „попытки" регламентации переселения и ходачества. „Как ни заманчива" говорит он, „цель перейти от беспорядочного партизанского способа заселения Сибири отдельными переселенцами к планомерному выселению в Сибирь организованных переселенческих отрядов из местностей, где почему либо разрежение населения является делом государственным, такая цель едва ли приемлема. И в этом живом, народном деле следует опасаться подобных приемов. Люди идут устраивать новую жизнь, ломая старую, и направлять их искусственно не туда, куда их тянет, значит брать на себя слишком большую ответственность, тем более, что для такого решения судьбы отдельных лиц, для выполнения такой системы никакое правительство в мире, никакая общественная организация не может иметь достаточно ни знаний, ни средств, ни сил... И ныне, т. е. на лето 1910 г. оказалось возможным отказаться от ограничений ходачества в восточной Сибири, и лишь для западной ее части и Степных областей, где слишком велико несоответствие между земельным запасом и спросом на земли, сохранится еще система предварительного распределения участков для организованного ходачества. Это — шаг к свободе ходачества. Будущее покажет, насколько в связи с расширением заготовки земель, а главное с распространением в среде населения точных сведений об условиях устройства в Сибири, окажется возможным идти по этому пути дальше. Известная равномерность распределения переселения могла бы быть достигнута только изменением и искусственным уравнением неодинаковых по

природе условий водворения в различных местах Сибири. Во власти законодателя предоставить правительству установить такое расписание норм ссудной помощи по отдельным районам, которая позволила бы привлечь переселенцев в суровые районы большими размерами ссуд, отвлекая их от других мест, куда по преимуществу они идут теперь, Во власти закодателя, наконец, перейти для излюбленных районов: Алтая, Семиречья, Степных областей, к продаже переселенцам земли за деньги, отказавшись от даровой раздачи земель. Но значение разных сторон всех этих мер требует еще весьма осторожного и подробного выяснения".

Закончил свою речь А. В. Кривошеин указанием того, что на пути усовершенствования переселенческого дела многое зависит от отношения к нему законодательных учреждений, доселе неизменно благожелательного...

„Как могла и должна была реагировать Дума на это сообщение, действительно открывавшее положительные горизонты?" спрашивает автор работы переселенческий вопрос в Гос. Думе III созыва В. Вощинин и отвечает:

„Конечно противопостановлением своего собственного мнения, согласного, или расходящегося с правительственным хотя по главнейшим вопросам о нормировании переселенческого движения, о степени уместности покровительственного отношения к заселению известных мест, о различии задач собственного переселения и колонизации.

Но это было бы возможно, если бы у Думы была точка опоры — доклад переселенческой комиссии по общей постановке дела. А так как последний все еще не поступал, то по прежнему вопрос о желательных директивах оставался для большинства открытым, мало понятным и опасным в отношении возможных последствий.

Поэтому Дума молчала" [1])...

Не высказывалась Дума по общему вопросу колонизации, по установлению законодательных норм и принципов регулирующих переселение, как явление государственной жизни в целом, и в последующей сессии.

В области основного переселенческого законодательства все осталось без перемен. По прежнему, как и ранее, нет строгого различия между задачами собственно переселения и колонизации, а законопроекты общего значения — о продаже, например, земель в наиболее благоприятных районах, о поощрительных ссудах для переселенцев и о сибирском землеустройстве — остались в портфеле „дел нерассмотренных".

„Принципов" — Думою, в целом ее составе, по общей постановке переселенческого дела также высказано не было. Были лишь отдельные пожелания отдельных членов законодательной палаты, но определенных формул со стороны последней о том, как, хотя бы приблизительно, поступить с „самовольцами", в каком направлении изменить общий закон о пересе-

---

[1]) Перес. вопрос в Гос. Думе III созыва. В. Вощинин, стр. 40—41.

ленпи, и следует ли, в частности, особо отличать и урегулировать дело колонизации, — не выносилось.

Однакоже, безптожным пятилетие работ Думы считать невозможно.

Достаточно упомянуть, что, по словам Володимерова [1]), „из всех отраслей государственного хозяйства, всех тех областей, которые в виде постатейного обсуждения и общих прений по смете и в отдельных законопроектах проходят перед Государственной Думой, из всех ведомств — ведомство переселенческое подверглось с самого начала работ третьей Думы наиболее энергичным и планомерным нападкам... Все заседания переселенческой комиссии изображали из себя организованный дружный натиск на ведомство, доходящий до того, что в течение двух лет ведомству приходилось не столько заниматься отстаиванием тех законопроектов, которые вносились в Государственную Думу, сколько ответом на бесконечное количество вопросов, касавшихся решительно всех областей государственного ведения и, может быть, даже общечеловеческих знаний. Представителям ведомства надо было быть энциклопедистами, чтобы ответить на все эти бесчисленные вопросы, которые задавались не походя, а задавались печатно. Вопросы эти рассылались членам комиссии, и ведомство должно было в лице своих представителей, в течение чуть ли не двух лет, выдерживать постоянный, из заседания в заседание, экзамен по всевозможным вопросам".

Это — с внешней стороны Думской деятельности. По существу же, чем иным, как не упомянутым постоянным „экзаменом" постоянным „беспокойством" переселенческого управления может быть об'яснена его действительно лихорадочная напряженность в изыскании новых путей в области переселенческой политики? [2])

Комиссия по переселенческому делу все время готовила свой доклад „по общей постановке переселения". Нужды нет, что Дума его так и не увидела, — известен был факт подготовления этого труда и оно делало все зависящее, чтобы предупредить Думскую программу своею [2]). Таковой до известной степени явилась записка о поездке в Сибирь Столыпина и Кривошеина.

Вообще, по словам представителей руководящего центра, [3]) „пятилетняя деятельность Государственной Думы и переселенческой комиссии сводились к тому, чтобы по возможности выяснить необходимость правильной постановки переселенческого дела и в этом отношении ведомство никогда не скрывало недочетов его ведения. На каждый вопрос, задаваемый членами Государственной Думы, получался обстоятельный ответ. Ведомство говорило: укажите нам, как поступать и мы примем каждое ваше замечание. Ныне, рассматривая свою совместную с Государственной Думой пятилетнюю деятельность, ведомство может совершенно свободно усмотреть все

[1]) Стен. отч. с. IV, з. 78, стр 468 и след.
[2]) В. Вощинин. Пер. воп. в Гос. Думе III созыва. Стр. 58.
[3]) Симонов, кн. Голицын; с. V, з. 121 и 122.

те дефекты, которые не раз отмечались, и которые признавались ведомством следствием особых условий; теперь, с сокращением переселенческой волны, оно может совершенно свободно встать на путь качественного улучшения своей работы, отличавшейся всегда, по засвидетельствованию председателя переселенческой комиссии, особой добросовестностью и безусловной честностью, как по отношению пожелания Государственной Думы, так и по отношению той работы, которая велась совместно с правительством. Я думаю, закончил свою речь кн. Голицын, что в четвертой Думе мы достигнем той части нашей работы, которой в текущее пятилетие мы в силу особых физических условий достигнуть не могли".

Итоги, впрочем, определяются не одними оформленными документами и стенограммами. С самого же начала занятий Государственной Думы для правительства сделалось ясно, независимое от каких бы то ни было могущих быть вынесенными пожеланий, что выселение трудовых масс с родины, как основной принцип переселенческой политики, не найдет себе сочувствия у большинства законодателей палаты; не рискуя поэтому проводить это начало, правительство стало постепенно выставлять на первый план задачи заселения окраин русскими людьми, и этим успокоило народных избранников.

VII.

Обозревая все изложенное нельзя не установить, что переселенческое законодательство последнего до-революционного времени не дает ясного представления: какой политики держалось правительство в отношении переселения и колонизации. Формально—переселение было „свободно", как в смысле выхода с мест прежнего жительства, так и в смысле выбора места заселения. Документальное изучение действовавших до 1917 г. законоположений и вскрытие бытовой истории приводит к выводу, что государству пришлось итти за народной стихией и устраивать массовое „партизанское", как выразился в своей речи А. В. Кривошеин, заселение Зауралья без заранее выработанного в соответствии с запросами народно-хозяйственных нужд страны плана. Особенно это приложимо ко времени между 1905 и 1914 годами, когда правительство, убедившись с одной стороны в том, что ослабить земельный вопрос в центре единственно переселением на окраины невозможно, и с другой,—что оставлять полумиллионное ежегодное передвижение крестьян за Урал без направляющей его положительной государственной программы так же невозможно, находилось в состоянии как бы колебания по этому вопросу. Тоже можно сказать и по отношению Государственной Думы 3 и 4 созыва, принявших между прочим переселение под особое покровительство. Государственная Дума 4-го созыва не внесла ничего нового по сравнению с 3-й Государственной Думой. Она не дала ни одного закона, имеющего принципиальное значение. Правительству пришлось сосредоточить всю свою работу преимущественно на удовлетворении хотя бы „начерно"

громадного спроса переселенцев на землю в Сибири, ограничиваясь, в пределах предоставленных ему законом полномочий, лишь попытками так или иначе регулировать количественную сторону переселений.

Когда к 1910 году выяснилось, что широкой инициативы в колонизационном деле от Государственной Думы ожидать нельзя, вследствие, как многогранности вопросов колонизации и трудности поэтому сочетать в целом диаметрально противоположные на отдельные стороны переселения взгляды многочисленных думских партий,—программный почин правительство решилось взять на себя. Учитывая преобладающее настроение Думы, могущее обеспечить одобрение главных основ намечаемой политики, правительство сначала формулировало таковую, в результате поездок Столыпина и Кривошеина в Сибирь и последнего в Туркестан и Закавказье в ряде общих положений, а затем и приступило к ее осуществлению, путем разработки соответственных законопроектов. Большинство из предположенных мероприятий однако остались не рассмотренными Думой 3-го и 4-го созыва, но некоторые из них успели выявиться в жизни путем административных распоряжений, что и дает возможность говорить ныне о главных основах до революционной переселенческой политики.

Правительство определенно заявило, что центр тяжести своих мероприятий по переселению оно переносит с количественной на качественную сторону, понимая под последней обращение преимущественного внимания не на организацию как можно большего выхода земледельцев из малоземельных местностей, а на прочность устройства новоселов на новых местах. Отсюда новый лозунг — колонизация, — что должно было обозначать принятие во внимание, при переселениях, также и общих интересов заселяемых местностей.

Колонизуемые местности Сибири должны были получить в отношении земельного права начала общие с Европейской Россией. Те же местности должны были получить и возможно близкий к центру России национальный облик и хозяйственный уклад жизни. В этих целях было намечено: отводить как переселенцам, так и старожилам в Сибири наделы не в пользование, а в собственность; проводить в Сибири начало покровительства единоличному землепользованию, и обеспечить наряду с мелким крестьянским землевладением образование за Уралом частно-предпринимательских хозяйств промышленного характера; в местности с преобладанием туземной культуры и национальности направлять только лиц „коренного русского происхождения“. Регулировать переселенческое оседание было признано возможным единственно системой мер, направленных к предоставлению наибольших льгот в местах наиболее трудно освояемых; напротив того, заселение районов „легких“ — предоставить хозяйственной инициативе самих переселенцев. Для этого — ссудная помощь и пособия оказывались переселенцам при водворении в разных местах неодинаковые — по особым

расписаниям на каждое трехлетие. В наиболее легких районах участки переселенцам было намечено предоставлять в собственность за плату. Хотя соответственный законопроект рассмотрен Думою не был, но так называемые „продажные“ участки были заготовлены и сдавались „вперёдь“ до утверждения закона о продаже — в аренду. В отношении кочевников принимались меры к переводу их на оседлое положение. Путем изменения количественного соотношения кредитов по переселенческой смете было положено начало действительному согласованию землеотводных работ по образованию переселенческих участков с работами гидротехническими и дорожными. Этим имелось в виду обусловить прочность устройства переселенцев на новых местах и сократить обратное движение. Некоторые, наиболее важные по общегосударственным соображениям (район Амурской ж. д.), либо наиболее трудные для заселения, но экономически многообещающие (Причулымская тайга) местности, было решено подвергнуть планомерной колонизации, т. е. такой всесторонней подготовке под заселение, чтобы данная местность благодаря этому стала сама по себе привлекательной (детальная распланировка, постройка, дороги, культурно-просветительное оборудование и проч.). Работы были начаты. Хозяйственную и агрономическую помощь переселенцам было решено расширить до самых широких размеров путем развития как учреждений соответственного назначения, так и, в частности, деятельности переселенческих сельско-хозяйственных, лесных и товарно-продовольственных складов. Весьма поощрялась организация всякого рода переселенческих кооперативов. Введены были особые премии за расчистку лесных участков. В местностях с отсутствием промыслов организовывались казенные для заработка переселенцев предприятия. Особое внимание было обращено на заселение местностей с культурою хлопка. Оросив часть земель Голодной Степи в Туркестане и Муганской степи в Закавказья, правительство рассчитывало с одной стороны „обрусить“ путем колонизации эти окраины, а с другой — извлечь отсюда крупные государственные выгоды.

Таковы в общих чертах основания переселенческой и колонизационной политики последних лет предвоенного времени. Основания эти сложились разновременно из отдельных мероприятий и начинаний, возникавших из запросов развивающейся экономической жизни Зауралья и землеустроительных задач, выдвигаемых землеустроительной политикой в Европейской России. Общего же плана колонизационных мероприятий, согласованного с народно-хозяйственными нуждами страны, ни у правительства, ни у законодательных учреждений не было.

Творческая народно-хозяйственная роль колонизации в соответствии с не использованными природными богатствами страны, общего признания в довоенное время у нас не получила. Правительство в его целом в такой плоскости вопроса никогда не ставило. Были отдельные попытки Министерства Земледелия колонизационные вопросы выдвинуть в

народно-хозяйственную плоскость. Но все они встречали препятствия в лице финансового ведомства, недоверчиво относившегося к природным богатствам колонизуемых районов. Последнее явственно обнаруживалось при обсуждении планов железнодорожного строительства в заселяемых районах. А это последнее обстоятельство было главнейшим тормазом развития производительных сил Зауралья.

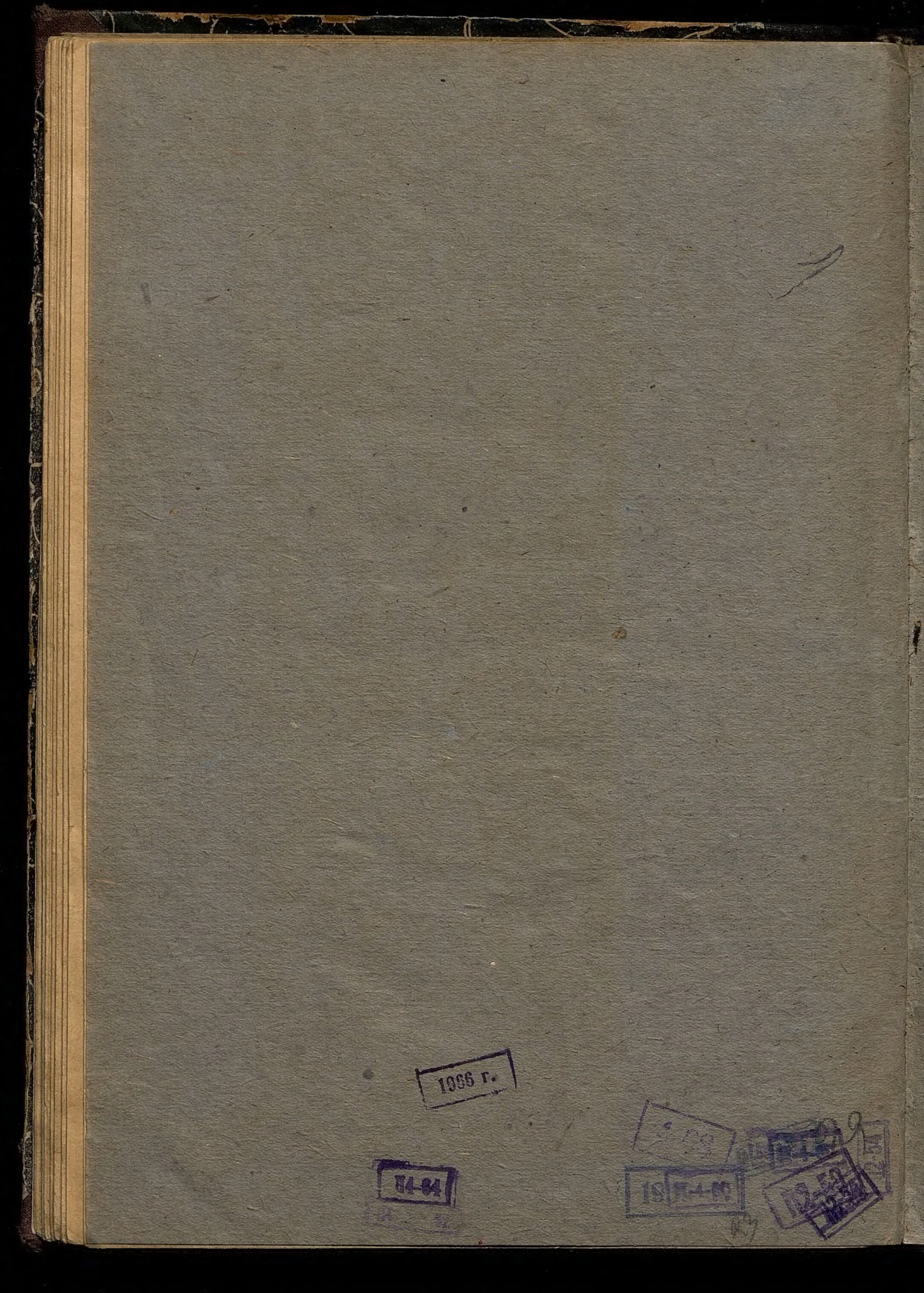
Общественная и экономическая мысль переселенческие и колонизационные вопросы освещала только с аграрной точки зрения. Между тем „переброска миллионов крестьян в Сибирь“, отмечает профессор Б. Д. Бруцкус, „имеет значение не только в том отношении, что эти миллионы, голодные в России, в Сибири будут сыты. Экономическое значение этого явления больше. Труд переселенца на сибирском просторе становится во много раз производительнее, и эта высокая производительность их труда не безразлична для метрополии: переселенцы на новых местах становятся ценными участниками русского народного хозяйства, чем они были на старых местах. Этого не дооценивали русские аграрные экономисты, ибо крестьянское хозяйство они иначе, как натуральным, себе не мыслили, а русского народного хозяйства, как единого целого, они себе не представляли“ [1]).

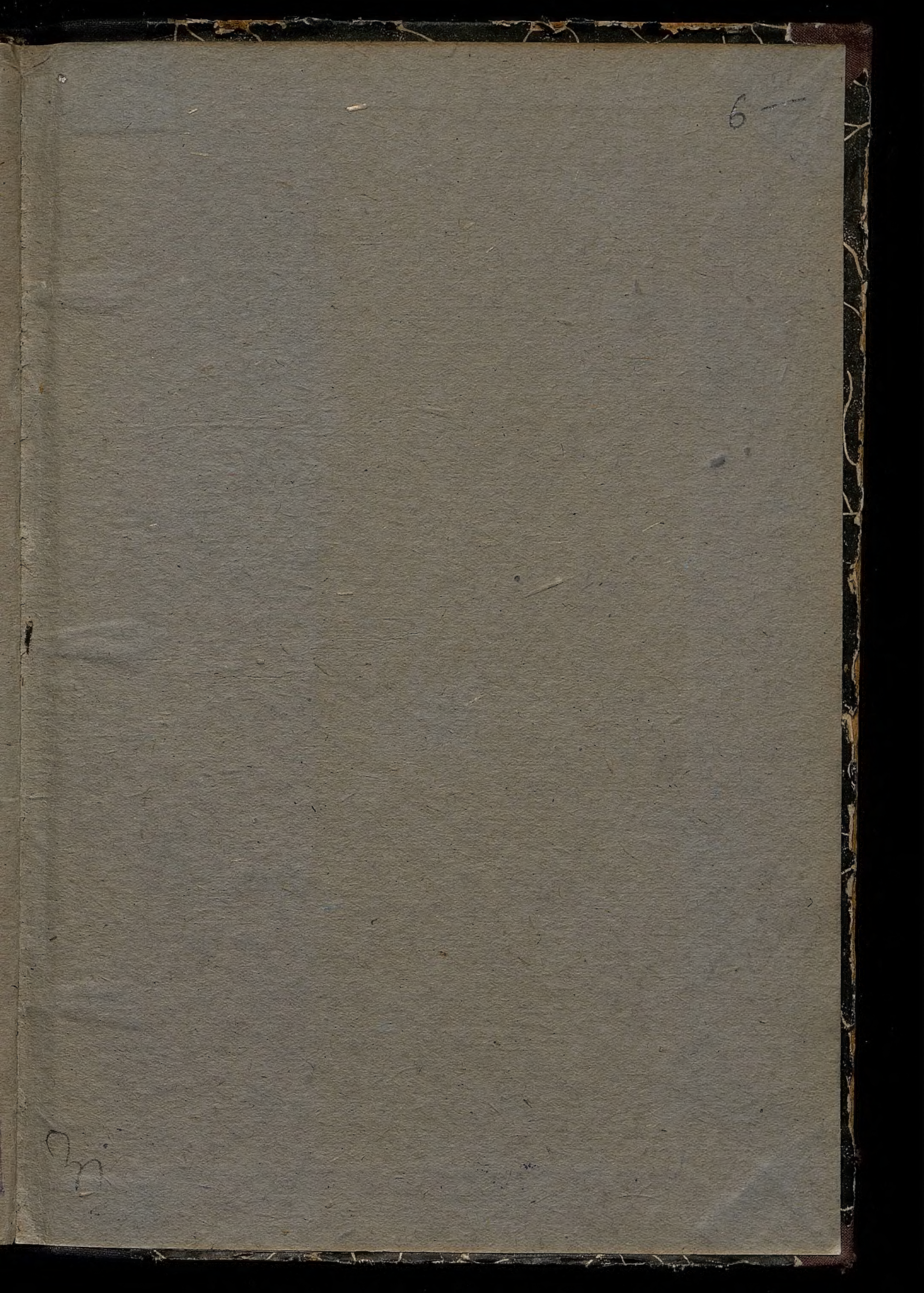
Но приведенный взгляд на народно-хозяйственное значение колонизации в России высказан лишь недавно, уже в пореволюционное время. Не безинтересно отметить, что приведенная народно-хозяйственная оценка переселения сделанная в пореволюционное время, когда уже достаточно выявились народно-хозяйственные итоги русских переселений периода наибольших их под‘емов, совпадает со взглядом на предстоящую роль русских переселений проф. А. А. Исаева, высказанного еще в 1891 году в его работе „Переселение в русском народном хозяйстве“, в то время, когда рост переселения еще только намечался. Но в дальнейшем взгляд на русские переселения профессора Исаева оставался одиноким и терялся в массе отрицательных оценок русских переселений преимущественно с аграрной или землеустроительной точки зрения. Между тем, переселение миллионов людей и, при том в весьма короткий срок, необходимо рассматривать как самое лучшее средство к использованию природных богатств наших окраин в целях строительства рынка для русской промышленности и развития производительных сил страны. С этой точки зрения все сделанное за последние пред войной годы по колонизации за Уралом должно быть учтено в народно-хозяйственных целях как громадный опыт по пути возрождения потрясенного войной и революцией русского народного хозяйства.

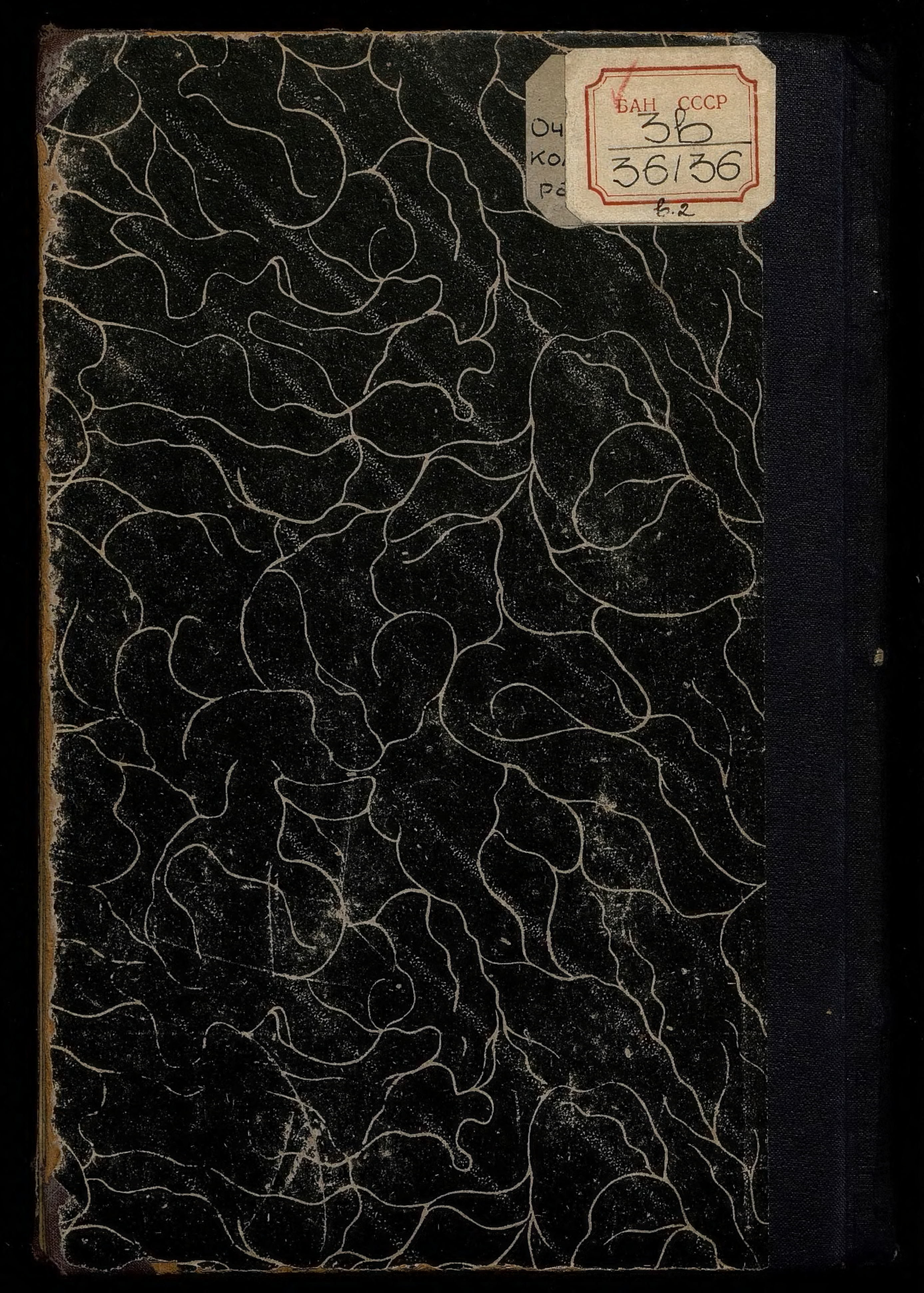
---

[1]) Б. Д. Бруцкус. Аграрный вопрос и аграрная политика. Петербург—1922 г., стр. 117.

28-я Госуд. Тип., Международный, 75. Петроград. Р. Ц. № 765. 2000 экз.


1966 г.


6 —


БАН СССР
3b
36/36
в.2